

Содержание

<i>Предисловие</i>	2
Глава 1	
<i>Преображение доньи Соледад</i>	4
Глава 2	
<i>Сестрички</i>	67
Глава 3	
<i>Ла Горда</i>	109
Глава 4	
<i>Хенарос</i>	164
Глава 5	
<i>Искусство сновидения</i>	216
Глава 6	
<i>Второе внимание</i>	271

Предисловие

Местом моей последней встречи с доном Хуаном, доном Хенаро и еще двумя их учениками – Паблито и Нестором стала плоская безжизненная вершина горы на западных склонах Сьерра-Мадре в Центральной Мексике. Торжественность и масштабы происшедшего там не оставляли сомнений, что мое ученичество подошло к концу, и что я действительно видел дон Хуана и дон Хенаро в последний раз. Встреча завершилась тем, что мы все попрощались друг с другом, а затем мы с Паблито прыгнули вместе с вершины горы в пропасть.

Перед этим прыжком дон Хуан представил мне основной принцип всего того, что должно было произойти со мной. Согласно ему, прыгнув в пропасть, я должен был стать чистым восприятием и двигаться туда и обратно между двумя областями, присущими всему созданию – тоналем и нагуалем.

Во время прыжка мое восприятие семнадцать раз эластично отскакивало от тоналя к нагуалю и обратно. При переходах в нагуаль тело воспринималось как распавшееся. Мыслить и чувствовать связно я не мог, хотя что-то думал и как-то чувствовал. При возвращении в тональ я прорывался в единство. Я был целостным, и восприятие обретало связность. У меня были упорядоченные видения. Их притягательная сила была такой мощной, их живость – такой реальной, а сложность – такой огромной, что я был неспособен удовлетворительно объяснить их природу. Сказать, что они были видениями, живыми грезами или даже галлюцинациями – значит не сказать ничего.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций этого прыжка я окончательно убедился, что мой разум отказывается верить в реальность происшедшего. И все же какая-то часть меня непоколебимо держалась за чувство того, что это произошло, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро были теперь недосыгаемы. Их отсутствие вызывало у меня настоятельную потребность пробиться сквозь гущу совершенно неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и искать у них помощи в решении моих внутренних конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе, чем мощную атаку, финальное нападение на мой разум, запланированное самим доном Хуаном. Направляемые им ученики самым методичным и точным образом за несколько дней разрушили последний бастион моего разума. В течение этих дней мне был продемонстрирован один из двух практических аспектов их магии – искусство сновидения, являющееся на сегодняшний день ядром всей работы.

Искусство сталкинга, еще один практический аспект их магии и венец учения дона Хуана и дон Хенаро, было продемонстрировано мне во время следующих встреч. Оно являлось наиболее сложной стороной их существования как магов в мире повседневной жизни.

Глава 1. Преображение доньи Соледад

У меня возникло внезапное предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Моя уверенность в этом была настолько глубокой, что я остановил машину. Дальше кончился асфальт, и я раздумывал, стоит ли продолжать в этот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой крупной щебенкой дороге в их городок, затерянный в горах Центральной Мексики.

Я опустил боковое стекло. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять одеревеневшее от напряжения многочасовой езды тело, и прошелся по обочине мощеной дороги. Земля была сырой после недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, совсем недалеко от места моей остановки. Однако прямо напротив, на севере и на востоке небо было чистым. Еще по дороге сюда при поворотах извилистой дороги иногда можно было видеть там голубоватые пики горных вершин, сияющие на солнце.

После минутного раздумья я решил вернуться назад и поехать в город, так как у меня было своеобразное предчувствие, что я найду дона Хуана на рынке. Собственно говоря, я обычно поступал именно так, всегда находя его на рыночной площади с самого начала нашей с ним связи. Как правило, если я не находил его в Соноре, то ехал в Центральную Мексику, шел на базар в этом городе и, рано или поздно, дон Хуан объявлялся. В таких случаях мне ни разу не пришлось ожидать его более двух дней. Я настолько привык встречаться с ним таким образом, что не сомневался – так будет и на этот раз.

Я ждал на рынке всю вторую половину дня. Прохаживаясь туда и сюда по рядам, я изображал человека, желающего сделать покупку. Потом я пошел побродить в парке. С наступлением сумерек я уже знал, что он не придет. У меня было ясное ощущение, что он был здесь, но уже ушел. Я опустился на скамейку в парке, где мы сидели с ним столько раз, и попытался проанализировать свои ощущения.

В город я приехал в приподнятом настроении, твердо зная, что дон Хуан где-то тут, на улицах. То, что я ощущал, не было просто памятью о бесчисленных прежних встречах; мое тело знало, что он ищет меня. Но потом, когда я сидел на скамейке, у меня появилась странная уверенность другого рода. Я знал, что его тут больше не было. Я упустил его.

Спустя некоторое время я прекратил свои спекуляции. Я подумал, что на меня начинает действовать окружающая обстановка. Я начал становиться иррациональным. В прошлом такое случалось со мной постоянно после нескольких дней пребывания в этой местности.

Я пошел в свой номер в отеле, чтобы несколько часов отдохнуть, а потом опять вышел побродить по улицам. Предчувствие встречи с доном Хуаном улетучилось. Я сдался и вернулся обратно в отель, чтобы хоть выспаться, как следует.

Утром, перед отъездом в горы, я на всякий случай объехал главные улицы города, хотя откуда-то знал, что напрасно теряю время: дон Хуана здесь не было.

Я потратил все утро, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан учил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Всякий раз, бывая здесь, я перед самым городом всегда съезжал с дороги на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва на поле была хорошо утрамбованной до самой тропы, проходящей мимо домов Паблито и Нестора и достаточно широкой для проезда. Они жили в предгорьях к югу от городка. Когда я достиг края поля, то вдруг обнаружил, что пешеходная тропа превратилась за время моего отсутствия в гравийную дорогу.

Я размышлял, куда направиться — к дому Нестора или Паблито. Ощущение, что их там нет, упорно сохранялось. Я решил ехать к дому Паблито. Нестор жил один, тогда как у Паблито была мать и четыре сестры. Если нет его самого, я смогу узнать у женщин, где его искать. Приближаясь к дому, я заметил, что грунтовая тропа

у дома расширена. Грунт казался твердым, места для машины было достаточно, поэтому я подъехал почти к передней двери. К дому из необожженного кирпича была пристроена новая веранда, покрытая черепичной крышей. Почему-то не было слышно привычного собачьего лая, но из-за загородки за мной спокойно и внимательно наблюдал громадный пес. Выводок цыплят, кормившихся у дома, с писком рассыпался в стороны. Я выключил мотор и потянулся всем уставшим телом, вытянув руки над головой.

Дом казался опустевшим. У меня мелькнула мысль, что Паблито и его семья выехали, и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом распахнулась, и оттуда так стремительно выскочила мать Паблито, будто ее кто-то вытолкнул. Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Когда я вышел из машины, она, казалось, узнала меня. Она как-то очень грациозно вздрогнула всем телом и бросилась ко мне. Должно быть, она вздремнула, и шум машины разбудил ее. Потому-то она и не сразу узнала меня, когда вышла посмотреть, в чем дело. Нелепый вид бегущей ко мне старой дамы заставил меня улыбнуться. Но когда она приблизилась, я на мгновение усомнился, что это мать Паблито. Уж слишком проворно она двигалась.

– Боже мой, что за сюрприз! – воскликнула она.

– Донья Соледад? – спросил я недоверчиво.

– Ты меня не узнаешь? – ответила она, смеясь.

Я забормотал какую-то ерунду о ее удивительной живости.

– Ты почему всегда смотришь на меня как на беспомощную старуху? – спросила она, глядя насмешливо и вызывающе.

И тут же, не дав мне опомниться, она резко обвинила меня в том, что я дал ей прозвище «миссис Пирамида». Я вспомнил, что как-то сказал Нестору, что ее формы напоминают мне пирамиду. У нее была маленькая заостренная голова и широкий массивный зад. Длинные платья, которые она обычно носила, еще усиливали этот эффект.

– Посмотри-ка на меня, – сказала она, – я все еще похожа на пирамиду?

Она улыбнулась, но под ее взглядом я почувствовал себя не слишком уютно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня, заставив признаться, что именно я дал ей это прозвище. Я заверил ее, что ничего дурного не имел в виду, и что как бы там ни было, в данный момент она стала такой стройной, что о пирамиде больше вспоминать не приходится.

– Что с тобой произошло, донья Соледад? – спросил я. – Ты просто преобразилась!

– Ты сам сказал это – живо ответила она. – Да, я преобразилась!

Выразился я фигурально. Однако, приглядевшись повнимательней, я должен был признать, что метафоры тут неуместны. Она действительно совершенно изменилась. Внезапно во рту у меня появился сухой металлический привкус. Я испугался.

Она стояла, подбоченясь и слегка расставив ноги, и смотрела мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку в складку и вылинявшую блузку. Ее юбка была гораздо короче тех, которые она обычно носила. Я не мог разглядеть ее волос: она перевязала их широкой повязкой, похожей на тюрбан. Она была босая и ритмично постукивала своей большой ступней по земле, улыбаясь с простодушием юной девушки. Мне еще никогда не приходилось видеть женщину, которая распространяла бы вокруг себя столько силы. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал, что наверно до сих пор по-настоящему не присматривался к ней. Кроме всего прочего, я чувствовал себя виноватым за поверхностное отношение к людям, жившим здесь. Сила личности дона Хуана делала окружающих серыми и невзрачными по сравнению с ним.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она обладает столь значительной жизненной силой, и что только моя невнимательность виной тому, что я на самом деле не знал ее, и что, без сомнения, мне нужно опять повстречаться с ними со всеми.

Она подошла ко мне, улыбаясь, и мягко взяла меня под руку своей правой рукой.

– Непременно, – прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко, что я ощущал касание ее груди. Мое неудобство возрастало, но я попытался убедить себя, что причин для тревоги нет. Снова и снова я повторял себе, что просто никогда не знал матери Паблито и что, возможно, такое странное поведение было вполне обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что это было всего лишь самоуспокоением, для которого не было оснований; потому что как бы благоприятно я не пытался истолковать ее поведение, в действительности я не только помнил ее достаточно хорошо, но и совсем неплохо знал ее. Она была для меня архетипом матери. Я думаю, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее дряблые мышцы с трудом передвигали тяжелое тело, волосы были почти совсем седыми. Насколько я ее помнил, она была унылой и печальной женщиной с добрыми и щедрыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я помнил очень добрую бескорыстную женщину, такую робкую, что все ею просто помыкали. Вот таким было мое представление о ней, сложившееся за годы случайных контактов. Но сегодня что-то ужасно изменилось. Женщина, стоявшая передо мной, не укладывалась в мое представление о матери Паблито. Тем не менее, это была она, только более стройная и сильная, выглядевшая лет на двадцать моложе, чем при нашей последней встрече. Я почувствовал дрожь в своем теле.

– Дай мне посмотреть на тебя, – сказала она. – Нагуаль говорил нам, что ты – дьявол.

Тут я вспомнил, что все они – Паблито, его мать, сестры и Нестор, словно избегая произносить имя дона Хуана, называли его «Нагуаль». Привык так называть его и я, разговаривая с ними.

Она смело положила руки мне на плечи, чего никогда не делала раньше. Мое тело напряглось. Я онемел. Наступила долгая пауза, позволившая мне критически взглянуть на себя со стороны.

Ее появление и внешность напугали меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

– Скажи мне, где Паблито? – спросил я, охваченный волной внезапной тревоги.

– А, он ушел в горы, – ответила она уклончиво и отодвинулась от меня.

– А Нестор?

Она возвела глаза к небу, демонстрируя досаду и безразличие.

– Они вместе в горах, – сказала она тем же тоном.

С сильным облегчением я сказал ей, что был уверен в том, что с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения заставила меня обнять ее. Она смело обняла меня в ответ, и это так поразило меня, что у меня перехватило дыхание. Ее тело было твердым и, в ней чувствовалась необычайная сила. Мое сердце заколотилось. Я постарался осторожно отстранить ее и спросил, видится ли еще Нестор с доном Хуаном и доном Хенаро. Во время нашей последней встречи дон Хуан сомневался, готов ли Нестор к окончанию своего ученичества.

– Хенаро ушел навсегда, – сказала она, позволив мне высвободиться. Она нервно теребила края своей блузы.

– А как насчет дона Хуана?

– Нагуаль тоже ушел, – сказала она, поджав губы.

– Куда они ушли?

– Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

Я сказал ей, что они попрощались со мной два года назад, и я знаю только, что тогда они ушли. Я не отваживался размышлять о том, куда они ушли. Они и в прошлом никогда не говорили мне о

том, где их искать. Я давно смирился с фактом, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то им просто нужно было отказаться от встреч со мной.

– Их нет поблизости, это точно, – сказала она, нахмурившись. – И они не вернутся – это тоже точно.

Ее голос был холодным и бесстрастным. Она начала раздражать меня. Мне хотелось уехать.

– Но зато ты здесь, – сказала она, улыбнувшись. – Тебе надо подождать Паблито и Нестора. Они очень хотят тебя видеть.

Она схватила меня за руку и потянула прочь от машины. В прошлом такая смелость с ее стороны была просто немыслима.

– Но сначала позволь мне показать тебе моего друга, – сказала она и с силой потащила меня в сторону дома.

Там была отгороженная площадка, похожая на маленький загон. В нем находился огромный кобель. Прежде всего мне бросилась в глаза его великолепная блестящая желтовато-коричневая шерсть. Он не казался злобной собакой. Он не был привязан и легко мог бы перепрыгнуть изгородь. Пес остался безразличным к нашему визиту, он даже не шевельнул хвостом. Донья Соледад указала на большую клетку позади. В ней свернувшись лежал койот.

– Это мой друг, – сказала она. – Пес – нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Мне он очень понравился. У меня возникло нелепое ощущение родства с ним.

– Теперь пошли в дом, – сказала она и потянула меня за руку.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно убраться отсюда, но что-то противоположное во мне ни за что на свете уходить не хотело.

– Может, ты боишься меня? – спросила она обвиняющим тоном.

– Конечно, боюсь! – воскликнул я.

Она хихикнула и самым доверительным тоном сообщила, что она – грубая, простая женщина, что очень неуклюже владеет речью и что она совсем не умеет вести себя с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как волновался за меня.

– Он говорил нам, что ты несерьезный и везде шляешься, причиняя много неприятностей ни в чем не повинным людям.

До сих пор ее утверждения были сравнительно ясными, но я никак не мог представить себе, чтобы дон Хуан говорил обо мне такие вещи.

Мы вошли в дом. Я собрался было сесть на скамейку, где обычно сидели мы с Паблито, но она остановила меня.

– Это место не для нас с тобой, – сказала она. – Пойдем в мою комнату.

– Я лучше буду сидеть здесь, – сказал я твердо. – Я знаю это место¹ и чувствую здесь себя удобно.

Она недовольно фыркнула, как разочарованный ребенок. Поджатая верхняя губа у нее при этом была похожа на утиный клюв.

– Что-то здесь ужасно не так, – сказал я. – Я думаю, мне лучше будет уехать, если ты не объяснишь мне, что происходит.

Она пришла в сильное возбуждение и начала доказывать мне, что просто не знает, как разговаривать со мной. Я поставил ее перед фактом ее очевидного преобразования и потребовал, чтобы она рассказала мне, что случилось. Я должен был знать, как это произошло.

¹ «Spot» - англ. «Пятно»

– Если я расскажу тебе, ты останешься? – спросила она тоном ребенка.

– Придется остаться.

– В таком случае я все тебе расскажу. Но это должно происходить в моей комнате.

На мгновение меня охватила настоящая паника. Чтобы успокоиться, мне пришлось сделать крайнее усилие. Мы направились в ее комнату. Она жила в задней половине дома, где Паблито построил для нее спальню. Я уже был в этой комнате однажды, когда она строилась, и еще раз, когда она была закончена, как раз перед вселением туда доньи Соледад. Комната выглядела такой же пустой, как и раньше, если не считать кровати в самом центре и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтоватый оттенок. Деревянный потолок тоже потемнел от времени. Глядя на гладкие чистые стены, я подумал, что их каждый день моют губкой. Комната больше всего напоминала монашескую келью, очень скромную и аскетическую. В ней не было никаких украшений. На окнах – массивные ставни с железными засовами. Не было ни стульев, ни вообще чего-нибудь, на чем можно было бы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня мой блокнот, прижала его к груди и села на кровать, сделанную из двух толстых матрацев, положенных прямо на доски. Она показала мне, чтобы я сел рядом с ней.

– Ты и я – одно и то же, – сказала она, вручив мне мою записную книжку.

– Прости, я не понял.

– Ты и я – одно, – не глядя на меня повторила она.

Я не мог сообразить, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, ожидая моей реакции.

– Но что это должно значить, донья Соледад? – спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее. Очевидно, она ожидала, что я знаю, что она имела в виду. Она вначале засмеялась, но когда я стал настаивать, что действительно не понимаю, она рассердилась. Сидя на кровати, она выпрямилась и, гневно взглянув на меня, обвинила в неискренности. Ее глаза пылали, рот скривился в гримасе ярости, и она сразу опять сделалась старухой.

Я искренне растерялся, чувствуя, что чтобы я не сказал, это будет неподходящим. Казалось, и она была в том же положении. Она пыталась что-то сказать, но только беззвучно шевелила губами. Наконец она пробормотала, что я действовал в такой важный момент не безупречно. Она повернулась ко мне спиной.

– Посмотри на меня, донья Соледад, – сказал я твердо. – Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь нечто такое, о чем я сам не имею ни малейшего понятия.

– Ты слишком много разговариваешь, – ответила она. – Нагуаль говорил, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она соскочила на пол и топнула ногой, как избалованный ребенок. И тут я заметил, что в комнате был совсем другой пол. Я помнил, что раньше пол здесь был темный, земляной. Новый пол был красновато-розового цвета. Я моментально забыл о нашей стычке и обошел комнату. Было непонятно, как я сразу не обратил внимания на это великолепие. Сначала я подумал, что это красная глина, уложенная, как цемент, когда он еще мягкий и влажный, но тут я заметил, что на нем не было трещин. Высохнув, глина должна была изогнуться, растрескаться, распасться на куски. Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожженной. Я обнаружил, что пол сделан из больших глиняных плиток, уложенных на мягкую глину, служащую основой, образующих удивительный и завораживающий узор, однако совершенно незаметный, если специально не обращать на него внимания. Искусство, с которым были выложены плитки, указывало на очень хорошо продуманный план. Мне захотелось узнать, как такие большие плитки не покособились при обжиге. Я было обернулся спросить донью Соледад, но спохватился: она, скорее

всего, не знала этого. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатой, почти как песчаник. Это делало поверхность нескользкой.

– Это Паблито выложил пол? – спросил я.

Она не ответила.

– Великолепная работа, – сказал я. – Ты должна очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого другого не нашлось бы способностей и воображения задумать такое. Должно быть, он сделал этот пол, когда меня здесь не было. Но тут же я вспомнил, что никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как ее пристроили к дому шесть или семь лет тому назад.

– Паблито, Паблито! Вот еще! – воскликнула она сердитым, раздраженным голосом. – По-твоему, он – единственный, кто способен сделать такую вещь?

Мы обменялись долгими и пристальными взглядами, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что вдохновил ее на это дон Хуан.

Мы молча стояли, глядя друг на друга, еще некоторое время. Я чувствовал, что было излишним спрашивать ее, прав ли я.

– Я сделала его сама, – сказала она сухо. – Нагуаль научил меня, как.

Ее слова привели меня в эйфорическое состояние. Я заключил ее в объятия и закружился с ней по комнате. После этого я буквально забросал ее вопросами. Я хотел знать, как она сделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Но донья Соледад не разделяла моего восторга. Она оставалась безмолвной и безучастной, время от времени искоса поглядывая на меня.

Я снова прошелся по полу. Кровать была расположена точно в эпицентре сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под

острым углом, создавая сходящиеся линии, которые начинались под кроватью и разбегались по всей комнате.

– У меня нет слов, чтобы передать тебе, как я восхищен, – сказал я.

– Слова! Кому они нужны? – отрезала она.

Внезапно меня озарило. Мой разум опять предал меня. Был только один способ объяснения ее метаморфозы: дон Хуан, должно быть, сделал ее своей ученицей. Как иначе старая женщина могла обратиться в такое таинственное, полное силы существо? Я должен был понять это с первого взгляда. Но я, как обычно, ожидал увидеть то, что соответствовало моим представлениям о ней, а в них такая возможность не входила.

Я подумал, что поразительное превращение, которому способствовал дон Хуан, произошло с ней в течение тех двух лет, что я не видел ее, хотя непонятно, как можно было уложиться в такой короткий срок.

– Я, кажется, догадываюсь, что произошло с тобой, – сказал я нарочито небрежно и бодро. – Кое-что прояснилось у меня в голове прямо сейчас.

– Ах, вот как? – равнодушно сказала она.

– Нагуаль тебя учит магии, не правда ли?

Она бросила на меня такой свирепый взгляд, как если бы я не мог сказать ничего хуже. Ее лицо выражало только презрение. Она не собиралась отвечать мне.

– Какой же ты ублюдок! – внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Я не мог понять причины ее гнева. Я присел на край кровати. Она нервно постукивала пяткой об пол. Затем, не глядя на меня, она села на другой край.

– Чего, собственно, ты хочешь от меня? – спросил я твердо и грозно.

– Я уже сказала тебе! – закричала она, – Ты и я – одно.

Я попросил ее объяснить, не допуская ни на мгновение, будто я что-либо знаю. Это разозлило ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила на пол свою юбку.

– Вот что я имею в виду! – завопила она, поведя рукой в области лона.

У меня отвисла челюсть. Я осознал, что уставился на нее, как идиот.

– Ты и я одно здесь, – опять сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, демонстрируя свои гениталии. Я уставился на нее, будучи не в силах даже мыслить связно. Но одно я знал точно: ее тело не было телом старухи. У нее были прекрасные мускулистые бедра, смуглые и без волос. Костная структура ее таза хоть и была широкой, но жировых отложений на нем не было.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

– Ты знаешь, что делать, – сказала она, указывая на свое влагалище. – Мы едины здесь.

Она обнажила свои крепкие груди.

– Донья Соледад, я тебя умоляю! – воскликнул я. – Что с тобой происходит, ведь ты мать Паблито.

– Нет, – отрезала она. – Никому я не мать. – Она села и посмотрела на меня яростными глазами.

– Я, как и ты, частица Нагуаля, – сказала она. – Нам предназначено соединиться.

Она раздвинула ноги, и я отскочил.

– Подожди немного, донья Соледад, – сказал я. – Давай поговорим.

На меня нахлынул дикий страх, и вдруг возникла сумасшедшая мысль. А что если дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости и хохочет теперь до упаду?

– Дон Хуан! – заорал я.

Мой вопль был таким громким, что донья Соледад поспешно соскочила с постели и натянула на себя юбку. Я увидел, что она одевается и завопил снова:

– Дон Хуан!

Я ринулся через весь дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока не заболело горло. Донья Соледад тем временем уже выбежала из дома и стояла у моей машины, с недоумением глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил, не дон Хуан ли велел ей проделать все это. Она утвердительно кивнула. Я спросил, нет ли его поблизости, на что она ответила отрицательно.

– Расскажи мне все, – потребовал я.

Она рассказала, что лишь следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она сообщила, что ждала годами, чтобы выполнить это обязательство.

– Я очень сильная сейчас, – сказала она мягко. – Как раз для тебя. Но в спальне я тебе не понравилась, правда?

Я принялся объяснять, что дело вовсе не в том, что она не нравилась мне, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; но потом до меня дошло, что я несу какую-то ужасную чушь.

Донья Соледад, по-видимому, поняла мое смущение и предложила забыть о случившемся.

– Ты, наверное, голоден, – сказала она оживленно. – Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Ты мне еще многого не объяснила, – сказал я. – Я буду откровенен с тобой: я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

– Ты обязан принять мое гостеприимство, раз речь идет только о чашке кофе, – сказала она спокойно. – Ну давай забудем о том, что произошло.

Она сделала жест, приглашая идти в дом. Тут я услышал глубокое рычание. Рядом стоял пес и смотрел на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Я поймал на себе невероятно пугающий взгляд доньи Соледад. Тут она смягчила его и улыбнулась.

– Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, – сказала она. – По правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, словно через очки.

– Старая индеанка в очках. Вот смеху будет! – захихикала она.

И тут я решил, что буду грубым и уеду отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом мне надо было оставить кое-какие вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник, чтобы достать привезенные им подарки. Я глубоко впел в него, чтобы достать сначала два пакета, уложенные между задним сиденьем и запасным колесом. Взяв один, я уже собирался взять и другой, как вдруг ощутил на шее мягкую пушистую лапу. Я невольно вскрикнул и рванулся из багажника, врезавшись головой в открытую крышку. Я пытался обернуться, но давление пушистой лапы помешало мне сделать это. Мельком я смог заметить у своей шеи серебристую то ли

руку, то ли лапу. В панике я судорожно изогнулся, метнулся прочь от багажника и упал на сидение водителя с пакетом в руке. Все мое тело сотрясилось, мускулы ног свело, и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

– Я не собиралась пугать тебя, – сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я был уже футах в десяти от нее.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что она здесь ни при чем, и «это» не было ее рукой.

– Что ты со мной сделала? – спросил я, стараясь говорить спокойно и сдержанно.

Она казалась совершенно смущенной или сбитой с толку. Пробормотав что-то, она потрянула головой, так, как если бы не понимала, о чем я говорю, или не могла сказать этого вслух.

– Ну, ладно, донья Соледад, – сказал я, приближаясь к ней. – Перестань со мной эти фокусы.

Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но что-то во мне противилось этому. После короткой паузы я сообщил ей, что чувствовал и видел.

– Это просто ужасно! – пронзительно воскликнула она.

Она ребячливым жестом закрыла лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было положить ей руку на плечо, но не смог заставить себя сделать это.

– Послушай, донья Соледад, – сказал я, – давай забудем все это. Позволь мне вручить тебе эти пакеты, и я уеду.

Я остановился перед ней, собираясь заглянуть ей в лицо. Я увидел из-за ее руки черные сияющие глаза. Она не плакала. Она смеялась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала. Мы долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать лицо, но было видно ее глаза, наблюдающие за мной.

Я стоял парализованный страхом и отчаянием. Положение было безвыходным. Мое тело знало, что донья Соледад – колдунья, и все же я еще не мог поверить в это. Мне отчаянно хотелось верить, что она просто сумасшедшая, и ее держат здесь, а не в психиатрической лечебнице.

Я не отваживался двинуться или отвести глаза. Мы, должно быть, стояли так минут пять. Она не опускала руку и оставалась неподвижной. Стояла она у заднего крыла машины, почти прислонившись к нему. Крышка багажника была все еще открыта. Я задумал сделать бросок к правой дверце. Ключ зажигания был на месте.

Я немного расслабился, чтобы собрать энергию для броска. Она, кажется, заметила это. Ее рука двинулась вниз, открывая лицо. Зубы у нее были стиснуты, глаза смотрели жестко и злобно. Внезапно она сделала выпад в мою сторону, топнув правой ногой, как фехтовальщик, и с пронзительным воплем протянула скрюченные пальцы, пытаясь схватить меня за талию.

Мое тело отпрыгнуло назад, из пределов ее досягаемости. Я рванулся к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась мне в ноги и сделала подсечку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я согнул правую ногу и оттолкнул бы ее лицо подошвой ботинка, если бы она не отпустила меня и не откатилась назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверцу машины. Она была заперта. Я перелетел через капот и бросился к другой, но каким-то образом донья Соледад опередила меня. Я попытался перекатиться назад по капоту, но по пути я ощутил резкую боль в правой икре. Она вцепилась мне в голень. Я не мог ударить ее левой: она успела прижать обе моих ноги к капоту. Она рванула меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, но еще страшнее были вопли. Я еле двигался под гигантским давлением ее тела. Дело было не столько в весе, сколько в создаваемом ее телом

напряжении. Внезапно я услышал рычание, и огромный пес прыгнул ей на спину, отшвырнув ее от меня. Я встал и хотел броситься в машину, но около дверцы боролись женщина и пес. Единственным спасением был дом. Я оказался там за одну-две секунды. Не оглядываясь, я бросился внутрь и захлопнул за собой дверь, закрыв ее на железную щеколду, потом побежал к черному ходу и проделал то же самое.

Снаружи доносились яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг рычание и лай пса оборвались, и он заскулил, как от страха или боли. Меня словно что-то ударило под ложечку, в ушах зазвенело. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. На меня накатила волна полнейшего ужаса. Я клял себя на чем свет стоит за свою идиотскую идею забежать в дом. Атака доньи Соледад настолько ошеломила меня, что отшибла всякую логику и стратегическое чутье. Я вел себя так, словно убегал от обычного противника, которому можно было преградить путь закрытой дверью. Я услышал, как кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаюсь открыть. Затем послышались громкие удары в дверь.

– Открой дверь, – приказала донья Соледад твердым тоном. – Проклятая собака покалечила меня.

Я колебался. Мне вдруг вспомнилось столкновение с женщиной-магом, которая несколько лет назад, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Донья Соледад явно не была той, которую я знал, но мне как-то не верилось, что она была магом. В этом моем убеждении решающую роль играл элемент времени. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро много лет, но все еще совершенно не были магами; когда же могла успеть стать магом донья Соледад? Неважно, насколько она изменилась, она не могла симпровизировать нечто такое, для чего потребовалась бы целая жизнь.

– Почему ты напала на меня? – спросил я громко, чтобы она могла расслышать меня через массивную дверь.

Она ответила, что Нагуаль велел ей не позволить мне уехать. Я спросил ее, почему. Она не отозвалась. Вместо этого она стала яростно колотить в дверь, а я в ответ заколотил еще сильнее со своей стороны. Мы продолжали стучать так в течение нескольких минут. Она остановилась и стала умолять меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Я знал, что если я открою щеколду, у меня будет шанс спастись бегством. Я открыл дверь. Она вошла, пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Повязка, удерживавшая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

– Посмотри, что этот сукин сын сделал со мной, – закричала она. – Смотри! Смотри!

Я сделал глубокий вдох. Она казалась несколько ошеломленной. Сев на скамейку, она принялась стаскивать порванную блузу. Воспользовавшись этим, я мгновенно выскочил из дома и бросился к машине. С быстротой, порожденной страхом, я вскочил внутрь, захлопнул дверцу, автоматически включил зажигание и перевел машину на задний ход. Я нажал педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть через заднее стекло. Раздалось ужасающее рычание, я ощутил горячее дыхание на своем лице и в то же мгновение увидел рядом демонические глаза пса.

Он стоял на заднем сидении. Его клыки мелькнули возле самых моих глаз. Я быстро наклонил голову, и его зубы вцепились мне в волосы. Я изогнулся всем телом и убрал ногу с педали сцепления. Резкий рывок машины заставил пса потерять равновесие. Я распахнул дверцу и выкарабкался наружу. Голова пса протиснулась за мной. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда он, захлопнув пасть, промахнулся всего на несколько дюймов от моих каблуков. Машина тронулась и стала медленно катиться назад, а я снова метнулся к дому. Но остановился я, не успев достичь двери.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала волосы и накинула на плечи шаль. Она одно мгновение пристально смотрела на меня, а затем начала смеяться, сначала еле слышно, словно ее раны причиняли ей боль, а потом все громче, указывая на меня

пальцем и схватившись за живот от хохота. Она с усилием согнулась пополам, чтобы перевести дыхание. Я мог видеть ее груди, сотрясавшиеся от смеха. Она была обнажена до пояса.

Я понял, что все пропало, и оглянулся. Машина проехала четыре-пять футов и остановилась. Дверца снова захлопнулась, закрыв пса изнутри. Я видел и слышал, как громадная зверюга грызет спинку переднего сидения и яростно скребет окно.

В этот момент я оказался перед весьма своеобразным выбором. Я не знал, кто для меня страшнее – донья Соледад или этот проклятый пес. После краткого раздумья я решил, что собака – всего лишь глупое животное.

Я бегом вернулся к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса, слышно было, как он рвет клыками обивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверцу водителя. У меня была идея – открыть обе дверцы, а затем соскользнуть с крыши в машину через одну из них, когда пес выскочит в другую. Я свесился, чтобы открыть правую, забыв, что она заперта изнутри. В этот момент голова собаки высунулась из открытой дверцы. В дикой панике при одной мысли, что сейчас он выберется и бросится на меня, я соскочил с крыши и опять мгновенно оказался у двери дома.

Донья Соледад, обхватив себя руками, стояла в дверном проеме. Смех, сотрясавший ее, уже походил на болезненные конвульсии.

Пес уже снова сидел в машине, все еще исходя пеной от ярости. Очевидно, он был чересчур велик для нее и не мог протиснуться над передним сидением. Я подошел к машине и осторожно закрыл левую дверцу, потом стал искать длинную палку, чтобы открыть замок правой. Поиски на площадке перед домом ни к чему не привели. Вокруг не было видно ни куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свое положение. У меня не было другого выбора, как только обратиться к ее помощи. С крайней опаской я переступил порог дома, озираясь по сторонам на случай, если она, подстергая меня, прячется где-нибудь за дверью.

– Донья Соледад? – крикнул я.

– Какого черта тебе надо? – донесся крик из ее комнаты.

– Пожалуйста, выйди и заberi собаку из машины.

– Ты шутишь? – отвечала она. – Это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

– А где твои девочки?

– Они в горах.

Она вышла из своей комнаты и остановилась передо мной.

– Хочешь увидеть, что этот проклятый пес со мной сделал? – спросила она сухим тоном. – Смотри!

Она сбросила шаль и показала мне свою обнаженную спину.

Никаких заметных следов от клыков или когтей пса на ее спине не было. Только несколько длинных неглубоких царапин, которые она могла заработать, когда каталась по земле или нападала на меня.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Пойди и посмотри на свету, – сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо, вокруг глаз, особенно возле бровей, было какое-то неприятное напряжение. Вместо того чтобы подойти к ней, я вышел наружу.

Пес был на месте и начал лаять, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было винить, кроме себя самого. Я попал в эту ловушку, как дурак. Сейчас возьму и уйду пешком в город, решил я. Но мой бумажник, все мои документы, все, что у меня было, лежало в портфеле на полу машины как раз под лапами у собаки. Меня охватил приступ отчаяния. Идти в город было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы и

на чашку кофе. Ни единой живой души в этом городе я не знал. Мне оставалось только одно – выгнать пса из машины.

– Что ест эта собака? – закричал я, стоя у двери.

– Почему бы тебе не угостить ее своей ногой? – крикнула в ответ донья Соледад из своей комнаты и захихикала.

Я поискал на кухне какой-нибудь еды. Горшки были пустыми. Мне оставалось только вновь обратиться к ней.

Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрывшись шалью.

– Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, – сказала она прямо, глядя в потолок. Ее прямота погасила мой гнев.

– Ты должен понять мое положение, – продолжала она. – Я не могла позволить тебе уйти.

Она тихо засмеялась и ясным, спокойным и очень приятным голосом сказала, что чувствует свою вину за то, что была жадной и неуклюжей настолько, что ей почти удалось до смерти испугать меня своими выходками. Но сейчас ситуация внезапно изменилась.

Она сделала паузу и села в постели, прикрыв грудь шалью, а затем добавила, что в ее тело влилась странная уверенность. Она подняла глаза к потолку и стала в каком-то завораживающем ритме размахивать руками, как ветряная мельница.

– Возможности уехать сейчас для тебя не существует, – заявила она.

Она изучающе взглянула на меня без тени улыбки. Мой гнев утих, но отчаяние достигло предела. Я хорошо понимал, что мне не справиться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предreshена много лет назад, и что ни один из нас не имеет достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

– Не истощай себя, пытаясь уехать, – сказала она. – Твои усилия уехать так же бесполезны, как и мои – удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызовет тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то странным образом ее уверенность не только смягчила ее, но и придала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимо убедительными и кристально ясными. Дон Хуан сказал когда-то, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она говорила, я поймал себя на мысли, что она в действительности вовсе не столь ужасна, как мне показалось. Она больше не вызывала у меня чувства в любой момент готовой к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но что-то во мне не поддавалось. Все мышцы моего тела были подобны натянутым струнам, однако я вынужден был признаться себе, что хоть она меня и испугала до полусмерти, она все же была очень привлекательна. Она наблюдала за мной.

– Я покажу тебе, что бесполезно пытаться уехать, – сказала она, соскакивая с постели. – Я собираюсь помочь тебе. Что тебе нужно?

Она следила за мной с блеском в глазах. Ее мелкие белые зубы придавали улыбке что-то дьявольское. Круглое лицо было удивительно гладким, совершенно без морщин. Две глубокие линии, сбегающие от крыльев носа к уголкам рта, придавали лицу отпечаток зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, шаль соскользнула, обнажив ее полные груди. Не дав себе труда вновь накрыться, она еще и выпятила грудную клетку, заставив грудь приподняться.

– О, ты уже заметил, да? – и повернула тело из стороны в сторону, словно любуясь собой. – Я всегда стягиваю волосы на затылке. Нагуаль велел мне делать так. Натяжение делает мое лицо моложе.

Я был уверен, что она заговорит и о груди. Ее уловка удивила меня.

– Я не имела в виду, что натяжение волос заставляет меня выглядеть моложе, – продолжала она с улыбкой. – Оно делает меня моложе.

Я поинтересовался, как это может быть.

Она ответила мне вопросом на вопрос, поинтересовавшись, понял ли я как следует дона Хуана, когда он говорил, что всякая вещь становится возможной, если человек хочет ее с нестигаемым намерением. Я пожелал более точного объяснения. Мне хотелось знать, что еще, кроме стягивания волос она делает, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что ложится на свою кровать и опустошает себя от всех мыслей и чувств, а затем позволяет линиям своего пола убрать все морщины прочь. Я добивался от нее более детального ответа о ее ощущениях, чувствах и восприятиях, которые она испытывала, лежа на своей постели. Она настаивала, что не ощущает ничего и не знает, как действуют линии ее пола. И она знает только, что не надо позволять вмешиваться своим мыслям.

Она положила руки мне на грудь и очень мягко оттолкнула. По-видимому, это был жест, показывающий, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но среди них не было длинных палок. Я спросил, не сможет ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска дерева из поленницы. Мы обшарили весь дом, но гвоздей не нашли. Наконец я вытащил самую длинную палку, какую удалось найти, из курятника, построенного Паблито за домом. Эта жердь, хотя и была немного тонковатой, казалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад помогала мне в моих поисках не улыбаясь и без шуточек. Казалось, она была полностью поглощена своей задачей помогать мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я чувствовал, что она желает мне достичь успеха. Вооруженный длинной жердью и поленом из дровяной кучи, я подошел к своей машине. Донья Соледад стояла у передней дверцы.

Я стал дразнить собаку короткой палкой, в то же время пытаюсь освободить замок жердью. Пес едва не цапнул меня за руку, и я выронил короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими безмерными, что я чуть не потерял и длинную палку тоже. Пес пытался перекусить ее надвое, как вдруг донья Соледад пришла мне на помощь. Колотя в заднее стекло, она отвлекла внимание пса, и он отпустил палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине сидения и успел-таки освободить замок. Я тут же ринулся назад, но пес бросился на меня сзади со всей своей мощью, и его массивные плечи и лапы нависли над передним сидением, прежде чем я успел вернуться назад. Я почувствовал его лапы на своем плече и съежился от страха. Я не сомневался, что сейчас он меня прикончит. Пес наклонил голову, собираясь меня растерзать, но ударился о рулевое колесо. Я стремительно рванулся и одним движением взлетел на капот, затем на крышу. Я весь покрылся мурашками.

Я открыл правую дверцу, попросил донью Соледад подать мне длинную палку и нажал на рычаг, освобождающий спинку сиденья, закрепленную вертикально. Я надеялся, что если буду дразнить пса, то он свалит ее вперед и освободит себе путь к выходу, но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал, что ей не следует оставаться на крыше, так как когда пес вылезет, я собираюсь соскользнуть в машину и немедленно уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей лучше вернуться в дом. Она пожала плечами, спрыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я снова нажал на защелку и начал дразнить пса своей кепкой. Я хлопал ею у самых его глаз, прямо перед мордой. Ярость пса была неопишима, однако он не собирался покидать сидение. Наконец его мощные лапы выбили палку из моей руки. Я опустил ее вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад:

– Осторожно! Он вылезает!

Я рывком обернулся. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. Он был почти на свободе.

Я бросился к дому и оказался внутри в тот самый момент, когда пес всем телом с размаху ударил в дверь. Заперев дверь на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

– Я говорила тебе, что это бесполезно.

Она прочистила горло и повернулась ко мне.

– Ты можешь привязать его на веревку? – спросил я.

Я был уверен, что получу ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл дверь. Пса там больше не было. Я рискнул распахнуть дверь пошире и выглянуть наружу. Его не было видно. Я надеялся, что он убрался наконец в свой загон. На всякий случай я решил подождать еще немного, а затем сделать бросок к машине, как вдруг услышал злобное рычание и увидел массивную голову внутри машины. Он снова забрался на переднее сидение.

Донья Соледад была права – бесполезно было и пытаться сбежать. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что конец мой близок.

В порыве полного отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять на кухне нож и убить пса или быть убитым им. И я сделал бы это, если бы в доме был хоть один металлический предмет.

– Разве Нагуаль не учил тебя принимать свою судьбу? – спросила донья Соледад, следуя за мной по пятам. – Этот пес – не обычная собака. У него есть сила. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя, если нужно.

На мгновение я оказался на грани неконтролируемого срыва. Рассвирепев, я схватил ее за плечи и зарычал. На нее это не произвело никакого впечатления. Она повернулась ко мне спиной и сбросила на пол свою шаль. Ее спина была очень сильной и красивой. У меня было неудержимое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и шелковистой. Руки и плечи были мускулистыми, но не массивными. Лишь минимальный слой жира окружал ее мускулы и делал тело гладким на вид, однако пальцами я чувствовал невидимые под кожей твердые мышцы. Мне не хотелось смотреть на ее грудь.

Она пошла на террасу в задней части дома, и я последовал за ней. Она села на скамейку и не торопясь помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я в сильной тревоге заглянул зачем-то в новую пристройку в задней части дома. Когда я выходил оттуда, она встретила меня у двери.

– Ты любишь поговорить, – сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. – Торопиться некуда. Теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с крышки своего комода, куда, должно быть, сама его сунула, и вручила мне с преувеличенной осторожностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила туда, где прежде лежал блокнот. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала была розовато-красной, почти под цвет пола. Покрывала же были темно-коричневыми, как дерево потолка и ставней.

– Давай поговорим, – сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она обхватила руками колени, касаясь их голой грудью. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивные и властные манеры исчезли, сменившись обаянием. В этот момент она была полной противоположностью недавней донье Соледад. Я невольно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напоминала мне дону Хуана.

– Теперь у нас есть время, – сказала она. Ветер переменился. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее благоприятным направлением, и теперь ветер превратился в ее помощника.

– Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? – спросил я, спокойно усевшись в ногах ее постели.

– Только то, чему учил меня Нагуаль, – сказала она. – Каждая из нас, то есть женщин, имеет свое собственное направление, особый ветер. Мужчины не имеют. Я – северный ветер; когда он дует, я становлюсь другой. Нагуаль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, что пожелает. Лично я с его помощью привела в порядок свое тело и переделала его. Смори на меня. Я – северный ветер. Почувствуй меня, когда я вхожу сквозь окно.

Сильный ветер дул через окно, которое стратегически было обращено к северу.

– Как ты думаешь, почему у мужчин нет ветра?

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагуаль никогда не упоминал, почему.

– Ты хотел знать, кто сделал этот пол, – сказала она, укутывая одеялом плечи. – Я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были сориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена в полном соответствии со сторонами света, поэтому ее постель находилась под некоторым углом к стенам, как и линии, образованные глиняными плитками.

– Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

– Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагуаль сказал мне, где искать, и он же помогал мне носить ее, а с ним и все остальные. Они все мне помогали.

– Как ты обжигала глину?

– Нагуаль заставил меня вырыть яму. Мы заполнили ее топливом, а потом положили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я закрыла яму крышей из почвы и проволоки и подожгла дрова. Они горели несколько дней.

– Как ты уберегла плитки от искривления?

– Это не я. Это сделал ветер, северный ветер, который дул все время, пока горел огонь. Нагуаль показал мне, как вырыть яму, чтобы она была обращена к северу и северному ветру, и заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне проделать одну дыру в центре крышки, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил гореть дерево в течение нескольких дней. Когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года, чтобы сделать достаточно плиток для того, чтобы закончить свой пол.

– Как ты придумала узор?

– Мне дал его ветер. Когда я делала пол, Нагуаль уже научил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как отдаваться своему ветру и позволять ему руководить мной. На это он потратил много времени - годы и годы. Это было очень сложно. Вначале я была слабоумной старухой. Он говорил мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я старая, и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были громадные трудности из-за моего постоянного страха. Одно присутствие Нагуаля заставляло меня заикаться и падать в обморок. Так же чувствовали себя с ним и остальные. Это была его судьба – наводить ужас.

Она перестала говорить и пристально взглянула на меня.

– Нагуаль – не человек, – сказала она.

– Почему ты так говоришь?

– Нагуаль – дьявол, кто знает с каких пор.

От ее слов меня бросило в дрожь. Я ощутил, как заколотилось сердце. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был бесконечно заинтригован и попросил объяснений.

– Его касание изменяло людей, – проговорила она. – Ты знаешь это сам. Он изменил твое тело. Причем ты, как видно, даже не догадываешься об этом. Но он вошел в твое прежнее тело, он что-то вложил в него. То же самое он проделал со мной. Он оставил что-то во мне, и это нечто взяло вверх. Такое может только дьявол. Теперь я – северный ветер и не боюсь никого и ничего. А до того, как он изменил меня, я была слабой, безобразной старухой, индеанкой, падающей в обморок от одного его имени, Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он сам боялся Нагуаля больше самой смерти.

Однажды Нагуаль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слышала их за дверью, словно крадущихся ягуаров. Я перекрестилась. Для меня они были демонами, однако я вышла, чтобы посмотреть, что я могу сделать для них. Они были голодны, и я охотно приготовила им еду. У них были миски, сделанные из тыквы, и я налила им обоим супа. Нагуаль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой, неуклюжей женщиной, и, притворившись неуклюжим, рукой смахнул миску со стола. Но миска, вместо того, чтобы опрокинуться и выплеснуться на пол, от силы удара Нагуаля соскользнула и упала на мою ногу, да так и стояла там, пока я не нагнулась и не подняла ее. Ни капли супа не пролилось. Я поставила ее на стол перед ним и сказала, что хотя я и слабая женщина и всегда боюсь его, моя пища приготовлена с добрыми чувствами. С этого момента Нагуаль изменился по отношению ко мне. То, что миска упала на мою ногу и не разлилась, было знаком, что сила указывает на меня. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению ко мне потому, что ему стало стыдно за свой отказ от моей пищи. Я не придавала значения этой перемене. Я

все еще боялась его и не могла даже смотреть ему в глаза. Но он стал все больше обращать на меня внимания. Он даже принес мне подарки: шаль, платье, гребенку и другие вещи. Это привело меня в ужас. Я стыдилась, ибо думала, что он мужчина, который ищет женщину. У Нагуаля были молодые девушки; чего он хотел от такой старой индеанки, как я? Сначала я не хотела и смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. После этого я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться с ним наедине. Я знала, что он не мужчина, а дьявол. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Тут я не мог не перебить ее. Я сказал, что впервые слышу о женщине в жизни дона Хуана.

– Да ты знаешь, кого я имею в виду.

– Поверь мне, донья Соледад, не знаю.

– Не говори так. Ты хорошо знаешь, что я говорю о Ла Горде.

Единственная «Ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка по прозвищу Горда, Толстуха. У меня было чувство, что на самом деле она не была дочерью доньи Соледад, хотя мне этого никто не говорил. А выспрашивать об этом мне как-то не хотелось. Внезапно я вспомнил, что эта девушка исчезла из дома, и никто не мог или не смел сказать мне, что с ней.

– Однажды я была одна возле дома, – продолжала донья Соледад. – Я расчесывала волосы на солнце гребнем, подаренным Нагуалем, и не догадывалась, что он пришел и стоит за спиной. Вдруг я почувствовала, как его руки схватили меня за подбородок. Я услышала, как он мягко сказал, чтобы я не двигалась, иначе я могу сломать шею. Он повернул мне голову налево, не до упора, а немного. Я была очень испугана, кричала и пыталась освободиться от его хватки, но он твердо держал мою голову долгое-долгое время.

Когда он выпустил мой подбородок, я потеряла сознание. Я не помню, что было потом. Когда я пришла в себя, я лежала на земле прямо там, где сидела. Нагуаль уже ушел. Мне было так стыдно, что

я никого не хотела видеть, особенно Ла Горду. Долгое время я даже думала, что Нагуаль никогда не поворачивал мне шею и что у меня был ночной кошмар.

Она остановилась. Я ожидал объяснения тому, что случилось. Но она казалась задумчивой и отсутствующей.

– Что же случилось на самом деле, донья Соледад? – спросил я, не сумев сдержаться. – Он действительно что-то сделал с тобой?

– Да! Он повернул мою шею, чтобы изменить направление моих глаз, – сказала она громко и засмеялась, заметив мое удивление.

– Я имею в виду, не сделал ли он...?

– Да. Он изменил мое направление, – продолжала она, не обращая внимания на мои расспросы. – Он сделал это и с тобой и со всеми остальными.

– Действительно, он сделал это и со мной. Но зачем, как ты думаешь, он сделал это?

– Он должен был. Это самая важная вещь, которую нужно сделать.

Она имела в виду своеобразное действие, которое дон Хуан считал абсолютно необходимым. Я никогда ни с кем не говорил об этом. Фактически я почти забыл о нем. В начале моего ученичества он однажды развел два небольших костра в горах Северной Мексики. Они находились футах в двадцати друг от друга. Он велел мне встать тоже в двадцати футах от них, удерживая тело и особенно голову в максимально расслабленном и естественном положении лицом к костру справа. Зайдя сзади, он повернул мою шею налево и направил мои глаза (но не плечи) в сторону второго огня. Он удерживал в этом положении мою голову несколько часов, пока не погас огонь. «Новое направление» было юго-востоком; точнее, он расположил второй костер в юго-восточном направлении. Я воспринял все это как еще одно из загадочных чудачеств дона Хуана, один из его ничего не значащих ритуалов.

– Нагуаль сказал мне, что все мы, на протяжении наших жизней, развиваем одно направление для взгляда (Direction to look), – продолжала она. – Оно становится направлением для глаз духа. С течением времени это направление от чрезмерного использования становится слабым и неприятным, и поскольку мы привязаны к этому направлению, то мы и сами становимся слабыми и неприятными. В день, когда Нагуаль повернул мне шею и держал ее, пока я не упала в обморок от страха, он дал мне новое направление.

– Какое именно?

– Зачем ты спрашиваешь? – сказала она с излишней силой. – Ты думаешь, что возможно Нагуаль дал мне другое направление?

– Я могу сказать, какое направление он дал мне.

– Не надо, – отрезала она. – Он говорил мне об этом сам.

Она казалась возбужденной. Поменяв позу, она легла на живот. У меня затекла спина, я долго писал согнувшись. Я спросил ее, могу ли я сесть на пол и использовать кровать как стол. Она встала и вручила мне сложенное покрывало в качестве подстилки.

– Что еще делал с тобой Нагуаль? – спросил я.

– После изменения моего направления Нагуаль начал по-настоящему беседовать со мной о силе, – сказала она, ложась снова. – Сначала он говорил об этих вещах от случая к случаю, так как не знал точно, что со мной делать. Однажды он взял меня на короткую прогулку в горы. Потом, в другой раз, мы с ним поехали на автобусе в его родные края в пустыню. Понемногу я привыкла к путешествиям с ним.

– Он когда-нибудь давал тебе растения силы?

– Однажды, когда мы были в пустыне, он дал мне Мескалито. Но так как я была пустой женщиной, Мескалито не принял меня. Встреча с ним была просто ужасной. Именно тогда Нагуаль понял, что вместо этого меня надо познакомить с ветром. Все это было,

конечно, лишь после того, как он получил знак. Он снова и снова повторял, что хотя он и был магом, научившимся видеть, но если нет знака, то нет возможности узнать, какой путь избрать. Он ждал указания обо мне уже несколько дней, но сила не хотела давать его. Я полагаю, отчаявшись, он представил меня своему гуахе, и я встретилась с Мескалитом.

Я перебил ее. Ее употребление слова «гуахе» (тыква-горлянка)² привело меня в замешательство. В контексте ее рассказа оно было лишено смысла. Я подумал, что она говорит метафорически, или что «тыква» здесь была эвфемизмом.

– Что такое «гуахе», донья Соледад?

В ее глазах мелькнуло удивление. После паузы она ответила.

– Мескалито – гуахе Нагуаля.

Ее ответ еще больше смутил меня. Я был подавлен тем, что она, казалось, действительно пыталась сделать это понятным для меня. Когда я попросил дальнейших объяснений, она уверяла, что я все знаю сам. Это был излюбленный прием дона Хуана для пресечения всех расспросов. Я сказал ей, что дон Хуан говорил мне, что Мескалито – это божество или сила, содержащаяся в бутонах пейота. Сказать, что Мескалито был его тыквой-горлянкой, было явной бессмыслицей.

– Нагуаль с помощью своей горлянки может познакомить тебя с чем угодно, – сказала она после паузы. – Тыква – ключ к его силе. Пейот может дать любой, но только маг с помощью своей горлянки может познакомить тебя с Мескалитом.

Она замолчала и пристально посмотрела на меня. Взгляд был свирепым.

– Почему ты заставляешь меня повторять то, что ты и так давно знаешь? – спросила она гневно.

² Gourd – тыквы, бутылки из тыквы.

Ее перемена застала меня врасплох – только что она была такой мягкой и милой.

– Не обращай внимания на перемены моего настроения, – сказала она, улыбаясь. – Я – северный ветер. Я очень нетерпима. Всю свою жизнь я не смела быть откровенной. Теперь я не боюсь никого. Я говорю то, что чувствую. Чтобы общаться со мной, ты должен быть сильным.

Она подползла на животе поближе ко мне.

– Итак, Нагуаль познакомил меня с Мескалито, который вышел из его горлянки, – продолжала она. – Однако он не мог предположить, чем это кончится. Он думал, что моя встреча с Мескалито будет похожа на твою или Элихио. В обоих случаях он был в затруднении и предоставил тыкве-горлянке решать, что делать дальше. И в обоих случаях тыква-горлянка помогала ему. Со мною все было иначе. Мескалито сказал ему никогда не приводить меня. Мы с Нагуалем спешно покинули то место. Вместо того чтобы вернуться домой, мы поехали на север. Мы сели в автобус, идущий в Мехикали, но вышли посреди пустыни. Было уже очень поздно. Солнце садилось за горы. Нагуаль хотел перейти дорогу и идти пешком на юг. Мы ожидали, пока проедут какие-то быстро мчавшиеся машины, но вдруг он хлопнул меня по плечу и указал на дорогу перед нами. Порыв ветра вздымал спиралью пыль в стороне от дороги. Мы наблюдали, как она движется к нам. Нагуаль перебежал дорогу, и ветер окутал меня. Он мягко закружил меня, а потом исчез. Это и был знак, которого ожидал Нагуаль.

С тех пор мы ходили в горы или пустыню искать ветер. Сначала ветер не любил меня, потому что я была своим старым «я». Поэтому Нагуаль постарался изменить меня. Сначала он велел мне сделать эту комнату и этот пол. Затем он велел мне носить новые платья и спать на матрасе вместо соломенной циновки. Он велел мне носить обувь и набить одеждой полные комоды. Он заставлял меня ходить сотни миль и научил быть спокойной. Я училась очень быстро. Он также заставлял меня делать всякие странные вещи, не имеющие никакого смысла.

И однажды, когда мы были в горах, в его родных местах, я в первый раз услышала ветер. Он вошел прямо в мою матку. Я лежала на верхушке плоской скалы, и ветер кружил вокруг меня. Я уже видела его в этот день, когда он кружился в кустах, но на этот раз он пришел ко мне и остановился. Я чувствовала это так, как будто птица села мне на живот. Нагуаль велел мне снять всю свою одежду. Я была совершенно голая, но мне не было холодно, меня согревал ветер.

– Ты боялась, донья Соледад?

– Боялась? Да я оцепенела от ужаса. Ветер был живой; он лизал меня с головы до пяток. А затем он вошел внутрь моего тела. Я была как воздушный шар, и ветер выходил из моих ушей, рта и других мест, о которых я упоминать не хочу. Я думала, что сейчас умру, и я бы удрала, если бы Нагуаль не прижимал меня к скале. Он говорил мне на ухо, чтобы я не боялась, и успокаивал меня. Я лежала спокойно и позволяла ветру делать со мной все, что ему угодно. Именно тогда он сказал мне, что делать.

– Что делать с чем?

– С моей жизнью, с моими вещами, моей комнатой, моими чувствами. Сначала это было не ясно. Мне казалось, что это мои мысли. Нагуаль сказал мне, что все мы так думаем. Но стоит по-настоящему успокоиться, – и мы понимаем, что есть еще нечто, говорящее нам разные вещи.

– Ты слышала голос?

– Нет. Ветер движется внутри тела женщины. Нагуаль говорил, что это потому, что у женщины есть матка. Когда ветер находится внутри матки, он просто ловит тебя и говорит, что делать. Чем более спокойна и расслаблена женщина, тем лучше результаты. Можно сказать, что внезапно женщина обнаруживает, что делает вещи, не имея ни малейшего представления, как их делать.

С того дня ветер приходил ко мне постоянно. Он говорил в моей матке и рассказывал мне все, что я хотела знать. Нагуаль видел с

самого начала, что я была северным ветром. Другие ветры никогда не разговаривали со мной, как этот, хотя я научилась различать их.

– А сколько их всего?

– Есть четыре ветра, как и четыре направления. Это, конечно для магов и для всего того, что они делают. Четыре – это число силы для нас. Первый – бриз, утренний ветер. Он приносит надежду и свет; он является вестником дня. Он приходит и уходит, и проникает во все. Иногда он мягкий и незаметный, иногда – назойливый и докучный.

Другой ветер – суровый ветер, холодный или горячий, или и то и другое вместе. Это полуденный ветер. Губительный, полный энергии, он полон и безрассудства. Он вламывается в двери и рушит стены. Маг должен быть очень сильным, чтобы совладать с этим суровым ветром.

Затем есть холодный послеполуденный ветер. Унылый и докучливый, он никогда не оставит тебя в покое.

Он будет приводить тебя в уныние и заставит плакать. Однако Нагуаль сказал, что в нем есть такая глубина, которая заслуживает особого внимания в его поисках.

И, наконец, есть горячий ветер. Он согревает, защищает и окутывает все. Это ночной ветер для магов. Его сила приходит вместе с темнотой.

Таковы четыре ветра. Они связаны с четырьмя направлениями. Бриз – это восток. Холодный ветер – запад. Горячий – юг. Суровый – север.

Четыре ветра – это еще и личности. Бриз – игривый, вкрадчивый и переменчивый. Холодный ветер – угрюмый, тоскливый и всегда печальный. Горячий ветер – счастливый, безудержный³ и хвастливый. Суровый ветер – энергичный, властный и нетерпеливый.

³ Abandoned – заброшенный, покинутый, распутный.

Нагуаль сказал мне, что четыре ветра являются женщинами. Именно поэтому войны-женщины ищут их. Ветры и женщины родственны друг другу. В этом также причина того, что женщины лучше мужчин. Я сказала бы, что женщины потому и учатся быстрее, если только верны своему собственному ветру.

– Как женщине узнать, какой из ветров – ее?

– Если она успокоилась и не разговаривает сама с собой, ее ветер просто схватит ее вот так.

Она сделала рукой хватающий жест.

– Должна ли она лежать обнаженной?

– Это помогает. Особенно если она стыдливая. Я была толстой старухой. Я никогда не снимала своей одежды. Я спала в ней и всегда купалась в нижнем белье. Для меня показать свое тело ветру было подобно смерти. Нагуаль знал это и сыграл на этом, как смог. Он знал о дружбе женщин с ветром, но я сбила его с толку, и он привел меня к Мескалито.

После того, как Нагуаль в тот первый ужасный день повернул мою голову, он почувствовал, что несет за меня ответственность. Он говорил, что не имел понятия, как со мной быть. Одно было несомненно – ему не нужна была толстая старуха, шныряющая вокруг его мира. Нагуаль сказал, что он находился со мной в таком же неопределенном положении, как и с тобой. Он был в растерянности. Нам обоим нечего было делать в мире Нагуаля. Ты не индеец, а я – старая корова. Если говорить прямо, оба мы никуда не годились. Но посмотри на нас теперь. Кое-что с нами явно произошло.

Женщины, конечно, гораздо податливее мужчин. Женщина изменяется очень легко под воздействием силы мага. Особенно такого мага, как Нагуаль. С учеником-мужчиной, согласно Нагуалю, намного сложнее. Ты, например, не изменился так сильно, как Ла Горда, а она вступила на свой путь ученичества гораздо позже тебя. Женщина мягче и послушнее, а самое главное, женщина подобна

бутыли из тыквы – она получает (принимает)⁴. Но так или иначе, мужчина управляет большей силой. Хотя Нагуаль никогда не соглашался с этим. Он полагал, что женщины несравненно выше. Он также полагал, что я чувствую себя ниже мужчин, потому что я – пустая женщина. Он, должно быть, был прав. Я так долго была пустой, что забыла, что это – чувствовать как полная. Нагуаль сказал, что если я когда-нибудь стану полной, я изменю свои чувства на этот счет. Однако если бы он был прав, Ла Горда добила бы таких же успехов, как Элихио, а ты знаешь, что это не так.

Мне трудно было следить за ходом ее повествования, так как она молчаливо подразумевала, что я знаю, о чем она говорит.

– Чем Ла Горда отличалась от Элихио?

Она на миг взглянула на меня, как бы взвешивая что-то во мне. Затем она села, подтянув колени к груди.

– Нагуаль рассказывал мне все, – сказала она оживленно. – У Нагуаля не было от меня секретов. Элихио был самым лучшим; поэтому его теперь нет в мире. Он не вернулся. На самом деле он был таким хорошим, что у него не было необходимости прыгать с обрыва, когда время его ученичества подошло к концу. Он был подобен Хенаро. Однажды, когда он работал в поле, что-то пришло к нему и забрало его отсюда. Он знал, как позволить унести себя (как отпустить – How to let go).

У меня возникло желание спросить ее, действительно ли я прыгал с обрыва. Прежде чем задать этот вопрос, я некоторое время колебался. В конце концов, я приехал сюда, чтобы увидеть Паблито и Нестора именно для этого. Любая информация на эту тему от любого вовлеченного в мир дона Хуана человека была бы весьма полезна для меня.

Как я и ожидал, она засмеялась, услышав мой вопрос.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь того, что сам сделал?

⁴ She receives – получать, принимать, вмещать, воспринимать.

– Это слишком необыкновенно, чтобы быть реальным.

– Таков мир Нагуаля. Ни одна вещь в нем не является реальной. Он сам советовал мне не верить ничему. Тем не менее, ученики-мужчины должны прыгнуть. Если только они не такие великолепные, как Элихио.

Нагуаль взял нас, меня и Ла Горду, на эту гору и велел нам смотреть вниз, на ее подножие. Там он показал нам, того летающего нагуаля, каким он был. Но последовать за ним могла только Ла Горда. Она тоже хотела прыгнуть в пропасть, но Нагуаль сказал ей, что это бесполезно. Он сказал, что женщины должны делать более болезненные и трудные вещи, чем эта. Еще он сказал, что прыжок был предназначен только для вас четверых. Так оно и произошло: вы четверо прыгнули.

По ее рассказу получалось, что дон Хуан и дон Хенаро последовали за нами, тогда как я полагал, что прыгнули только мы с Паблито. Это не показалось мне странным, скорее приятным и трогательным.

– Ну что ты несешь! – воскликнула она, когда я высказал свою догадку. – Ты что, не знаешь, что я имею в виду тебя и трех учеников Хенаро? Ты, Нестор и Паблито прыгнули вместе в тот день.

– А кто же третий ученик Хенаро? Я знаю только Паблито и Нестора.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, что Бениньо был учеником Хенаро?

– Для меня это новость.

– Он был самым старым учеником Хенаро. Он прыгнул до того, как это сделал ты, и он прыгнул сам.

Бениньо был одним из пяти индейских юношей, которых я однажды встретил, когда бродил с доном Хуаном по Сонорской пустыне. Они искали предметы силы. Дон Хуан сказал мне, что все

они были учениками магии. Несколько раз после этого я вновь виделся с Бениньо, и очень с ним подружился. Он был из южной Мексики. Мне он очень нравился. Непонятно зачем, но он с видимым наслаждением окутывал свою жизнь непроницаемой тайной. Я никогда не мог выяснить, кем он был и что делал. При каждой нашей встрече он неизменно сбивал меня с толку обезоруживающей прямоотой, с которой отклонял все расспросы. Однажды дон Хуан по собственному почину дал мне некоторую информацию о Бениньо, сказав, что тому очень повезло с учителем и бенефактором. Я принял слова дон Хуана как ничего не значащее случайное замечание. Донья Соледад прояснила для меня загадку десятилетней давности.

– Как ты думаешь, почему дон Хуан ничего не рассказывал мне о Бениньо?

– Откуда мне знать? Наверное, причина была. Нагуаль никогда ничего не делал просто так.

Чтобы продолжать писать, мне пришлось прислониться ноющей от усталости спиной к ее кровати.

– И что же случилось с Бениньо?

– С ним все в порядке. По-видимому, его положение лучше, чем у кого бы то ни было. Ты увидишь его. Они с Паблито и Нестором неразлучны. На них печать Хенаро. То же и с девочками: они неразлучны, так как на них печать Нагуаля.

Я перебил ее снова и спросил, о каких девочках идет речь.

– О моих девочках, – сказала она.

– О твоих дочерях? Я имею в виду – о сестрах Паблито?

– Они не сестры Паблито, они – ученицы Нагуаля.

Я был поражен. С тех пор, как я встретил Паблито, я был склонен считать, что четыре девушки в его доме – его сестры. Дон

Хуан сам говорил мне это. На меня почему-то вновь нахлынуло отчаяние, которым так богат был сегодняшний день.

Донье Соледад не следовало верить: она явно готовила какую-то очередную ловушку. Я был убежден, что дон Хуан ни при каких обстоятельствах не стал бы так грубо обманывать меня.

Донья Соледад изучала меня с явным любопытством.

– Ветер только что сказал мне, что ты мне не веришь, – сказала она и засмеялась.

– Ветер прав, – отозвался я сухо.

– Девочки, которых ты видел несколько лет, принадлежат Нагуалю. Они были его ученицами. Теперь, когда Нагуаль ушел, они являются самим Нагуалем. Но они также и мои девочки. Мои!

– Ты имеешь в виду, что на самом деле ты не мать Паблито, и что именно они – твои дочери?

– Я имею в виду, что они мои. Нагуаль оставил их на мое попечение. Ты всегда ошибаешься, так как ты полагаешься на слова, чтобы объяснить все. Так как я мать Паблито, и ты слышал, что они – мои девочки, ты сделал вывод, что они должны быть братом и сестрами. Девочки – мои настоящие дети. Паблито, хоть и приходится мне сыном, вышедшим из моей утробы, – мой смертельный враг.

Моей реакцией была смесь отвращения и гнева. Я подумал, что она не только ненормальная, она опасна. Каким-то образом что-то во мне знало это с самого момента моего приезда сюда.

Она долго наблюдала за мной. Чтобы не встречаться с ней глазами, я снова сел на покрывало.

– Нагуаль предостерегал меня о твоих причудах, – сказала она внезапно, – но я не могла понять, что он имел в виду. Теперь я знаю. Он говорил мне, чтобы я не сердила тебя и была осторожна, так как ты вспыльчив, и непредсказуем. Извини, что не была так

внимательна, какой должна была быть. Еще он говорил, что когда ты пишешь, ты можешь оказаться в самом пекле и даже не почувствовать этого. Здесь я также не беспокоила тебя. Затем он сказал мне, что ты недоверчив, так как слова путают тебя. И я не запутывала тебя. Я заговорила до умопомрачения, пытаюсь тебя не запутать.

В ее тоне было молчаливое обвинение. Я был сбит с толку и раздосадован.

– В то, что ты говоришь, очень трудно поверить, – сказал я. – Либо ты, либо дон Хуан, но кто-то из вас двоих ужасно обманул меня.

– Никто из нас не лгал. Ты понимаешь только то, что хочешь понять. Нагуаль сказал, что это обусловлено твоей пустотой. Девочки – дети Нагуаля, так же как ты и Элихио. Он сделал шестерых детей, четырех женщин и двух мужчин. Хенаро сделал трех мужчин. Всего получается девять. Один из вас, Элихио, уже все закончил, так что вас осталось восемь, пытающихся выполнить то же.

– Куда ушел Элихио?

– Он ушел, чтобы присоединиться к Нагуалю и Хенаро.

– А куда ушли Нагуаль и Хенаро?

– Ты знаешь, куда они ушли. Ты дурачишь меня, что ли?

– В том-то и дело, донья Соледад. Я не обманываю тебя.

– Тогда слушай. Я не могу ни в чем отказать тебе. Нагуаль и Хенаро вернулись в то место, откуда пришли – в другой мир. Когда пришло их время, они просто шагнули в окружающую тьму там, вовне, а так как они не собирались возвращаться, тьма ночи поглотила их.

Я понял, что расспрашивать дальше бесполезно. Мне хотелось сменить тему, но она меня опередила.

– Ты ухватил проблеск другого мира, когда прыгнул, – продолжала она. – Но, наверное, прыжок привел тебя в замешательство. Очень плохо. С этим ничего не поделаешь. Это твоя судьба, ты мужчина.

Женщины в этом отношении лучше мужчин. Им прыгать в пропасть нет нужды. У женщин свои собственные пути. У них свои собственные пропасти. У них менструации. Нагуаль говорил, что это – дверь для них. Во время своего женского цикла они становятся чем-то еще. Я знаю, это в это время он и учил моих девочек. Мне было уже слишком поздно. Я слишком стара, поэтому я на самом деле не знаю, как выглядит эта дверь. Нагуаль настаивал, чтобы девочки уделяли внимание всему, что происходит с ними во время этого периода. Он обычно брал их в эти дни в горы и оставался с ними до тех пор, пока они не начинали видеть трещину между мирами.

Нагуаль был лишен каких-либо страхов и колебаний, он подвергал их безжалостному давлению, чтобы они сами могли обнаружить, что у женщин есть трещина, которую все они отлично маскируют. Во время этого периода, как бы ни хороша была маскировка, она спадает, и женщина оказывается обнаженной. Нагуаль давил на них до полусмерти, чтобы открыть эту трещину. Они сделали это. Он заставил их сделать это, но на это понадобилось несколько лет.

– Как они стали ученицами?

– Лидия была первой. Он нашел ее однажды утром, когда наткнулся как-то на разрушенную хижину в горах. Нагуаль говорил мне, что хижина была пуста, но с самого утра были знаки, звавшие его в этот дом. Бриз сильно беспокоил его. Он не мог даже открыть глаза, когда пытался уйти оттуда. Поэтому когда он увидел хижину, он понял, что там кто-то есть. Он заглянул под кучу соломы и хвороста и нашел девочку. Она была очень больна. Она едва могла говорить, но, тем не менее, заявила ему, что не нуждается в помощи. Она собиралась спать дальше, и если бы она больше не проснулась, никто бы ничего не потерял. Нагуаль понравился ее дух, и он заговорил с нею на ее языке. Он сказал, что собирается вылечить ее

и заботиться о ней до тех пор, пока она не станет сильной снова. Она отказалась. Она была индеанкой, которая знала одни лишь лишения и боль. Она сказала Нагуалью, что родители давали ей всякие лекарства, но ничего не помогло.

Слушая ее, Нагуаль все больше убеждался, что знак указал ему на нее самым своеобразным способом. Знак скорее походил на приказание.

Нагуаль поднял ее и положил себе на плечи, как ребенка, а потом отнес ее к Хенаро. Хенаро приготовил для нее лекарства. Она больше не могла открыть глаза. Ее веки слиплись. Они распухли и гноились.

Нагуаль ухаживал за ней, пока она не выздоровела. Он нанял меня смотреть за ней и готовить ей еду. Моя еда помогла ей поправиться. Она – мой первый ребенок. Когда она поправилась, а на это ушел почти целый год, Нагуаль собирался вернуть ее к родителям, но девушка отказалась уйти и осталась с ним.

Вскоре после того, как он нашел Лидию, когда она все еще была больной, Нагуаль нашел тебя. Тебя привел человек, которого он никогда в жизни не видел. Нагуаль видел, что смерть витает над головой этого человека, и ему показалось очень странным, что он указывает на тебя именно в такой момент. Ты насмешил Нагуаля, и он немедленно устроил тебе проверку. Он не взял тебя, но сказал, чтобы ты пришел сам и нашел его. С тех пор он все время испытывал тебя, как никого другого. Он говорил, что таков был твой путь.

Три года у него было два ученика – Лидия и ты. Но как-то раз, когда он был в гостях у своего друга Висенте, целителя с Севера, к тому привели помешанную девочку, которая только и делала, что кричала и плакала без конца.

Люди, приведшие ее, приняли Нагуаля за Висенте и передали девочку в его руки. Нагуаль говорил мне, что эта девочка подбежала и ухватилась за него, словно знала его. Нагуаль предложил ее родителям оставить ее у него. Они беспокоились о плате, но Нагуаль заверил их, что будет лечить ее даром. Я полагаю, что девочка так

осточертела им, что они были не против от нее избавиться. Нагуаль привел ее ко мне. Это был сущий ад! Она и вправду была помешанной. Это была Хосефина. Нагуалью понадобилось несколько лет, чтобы вылечить ее. Но и по сей день она совершенно сумасшедшая. Она, конечно, помешалась на Нагуале, и на этой почве у нее с Лидией началась смертельная вражда. Они ненавидели друг друга. Но я любила их обеих. Увидев, что они не ладят, Нагуаль стал с ними очень жестким. Ты знаешь, Нагуаль не мог рассердиться ни на кого. Итак, он напугал их обеих до полусмерти. Однажды Лидия не выдержала и сбежала. Она решила найти себе молодого мужа. По дороге она нашла крошечного цыпленка. Он только что вылупился и потерялся. Лидия подобрала его, а так как она была одна посреди пустынной местности и вокруг не было никаких домов, то она решила, что цыпленок ничей. Она засунула его под блузу между грудей, чтобы согреть его. Лидия рассказывала мне, что когда она бежала, маленький цыпленочек начал перемещаться набок. Она попыталась вернуть его на место, но никак не могла его схватить. Цыпленок быстро шнырял под блузкой по всему ее телу. Лапки цыпленка вначале щекотали ее, а затем довели до помешательства. Когда она поняла, что не в состоянии вытащить его, она примчалась обратно ко мне, вопя без памяти и упрашивая меня вытащить это проклятое создание. Я раздела ее, но это было бесполезно. Там не оказалось никакого цыпленка, тем не менее, она продолжала чувствовать, как его лапки снова и снова бегают вокруг ее тела.

Тут к нам пришел Нагуаль. Он сказал, что только тогда, когда она отпустит свое старое «я», бег цыпленка прекратится. Лидия бесновалась три дня и три ночи. Нагуаль велел мне связать ее. Я кормила ее, убирала за ней и давала ей воду. На четвертый день она стала очень мирной и тихой. Я развязала ее, и она стала одеваться, а когда она оделась так, как в тот день, когда сбежала, из блузы вышел маленький цыпленок. Она взяла его на руки, целовала и благодарила его. Потом она отнесла его туда, где нашла. Я провожала ее часть пути.

С тех пор Лидия никого не беспокоила. Она приняла свою судьбу. Ее судьба – Нагуаль; без него она уже умерла бы. Какой

смысл пытаться изменить или отвергнуть то, что можно лишь принять?

Затем пришла очередь Хосефины. Случившееся с Лидией порядочно ее напугало, но вскоре она забыла об этом. Однажды в воскресенье, во второй половине дня, когда она шла домой, сухой лист зацепился за нити ее шали. Эта шаль была связана неплотно. Она попыталась вытащить листик, но побоялась распустить шаль. Поэтому, войдя в дом, она немедленно стала высвобождать его. Но это никак не получалось, листик сильно застрял. В порыве гнева Хосефина стиснула шаль с листом и раскрошила его рукой. Она рассчитывала, что маленькие кусочки легче будет вытряхнуть. Я услышала иступленный вопль, и Хосефина упала на землю. Я подбежала к ней и обнаружила, что она не может разжать руку. Лист исполосовал ей ладонь, как обломками бритвенного лезвия. Мы с Лидией нянчились с ней несколько дней. Она была упрямее всех, и чуть не умерла. В конце концов ей удалось раскрыть свою руку, но только после того, как она решилась оставить старые пути. У нее до сих пор еще время от времени бывают боли в теле, особенно в руке, во время ее отвратительного поведения, которое все еще возвращается к ней. Нагуаль сказал им обоим, чтобы они не слишком полагались на свою победу, так как каждый из нас всю свою жизнь ведет борьбу против своих старых «я».

Лидия и Хосефина никогда больше не враждовали. Не думаю, что они любят друг друга, но они, безусловно, ладят. Я люблю этих двоих больше всего. Все эти годы они были со мной. Я знаю, что они меня тоже любят.

– А откуда взялись две другие?

– Годом позже появилась Елена. Она и есть Ла Горда. Дела ее были совсем плохи. Она весила двести двадцать фунтов и была отчаявшейся женщиной. Паблито приютил ее в своей мастерской. Чтобы содержать себя она стирала и гладила. Однажды утром Нагуаль пришел к Паблито и заметил работающую там толстую девушку, над головой которой кружился рой бабочек. Он рассказал, что мотыльки образовали для него идеальный круг. Он видел, что женщина близка к концу своей жизни, но бабочки, должно быть,

имели абсолютную убежденность для того, чтобы дать ему такой знак. Нагуаль действовал быстро и взял ее с собой.

Некоторое время она действовала хорошо, но ее дурные привычки так глубоко укоренились, что она никак не могла отказаться от них. Оставалось либо помочь ей, либо убить ее. Поэтому однажды Нагуаль обратился за помощью к ветру. Ветер дул так, что выгнал ее из дому. В тот день она была одна, и никто не видел, что происходило. Ветер тащил ее через холмы и овраги, пока она не упала в яму, в точности похожую на могилу. Ветер держал ее там несколько дней. Когда Нагуаль наконец нашел ее, она уже сумела остановить ветер, но ослабела так, что не могла идти.

– Как девушкам удавалось остановить это нечто, воздействующее на них?

– Ну, во-первых, то, что оказывало на них влияние, было бутылочкой из тыквы, которую Нагуаль носил привязанной к поясу.

– А что было в этой бутылочке из тыквы?

– Союзники, которых Нагуаль носит с собой. Он говорил, что союзники вылетают из его горлянки. Не спрашивай больше, я ничего не знаю о союзниках. Я знаю только, что Нагуаль распоряжался двумя, и заставлял их помогать ему. В случаях с моими девочками союзник возвращался в тыкву, когда они были готовы измениться. Для них, конечно, это был выбор – либо измениться, либо умереть. Но это случалось со всеми нами, так или иначе. И Ла Горда изменилась больше, чем кто-либо. Она была пустой, даже более пустой, чем я, но она работала над своим духом, и теперь она – сама сила. Я не люблю ее. Я боюсь ее. Она проникает внутрь меня и моих чувств, а это беспокоит меня. Но никто не может ничего сделать с ней, потому что она никогда не теряет свою бдительность. Она не испытывает ко мне ненависти, но думает, что я злая женщина. Может быть, она и права. Я думаю, что она знает меня достаточно хорошо, а я не столь безупречна, как хотела бы. Но Нагуаль советовал мне не обращать внимания на мои чувства к Ла Горде. Она подобна Элихио; мир больше не затрагивает ее.

– Что же такого особенного Нагуаль сделал с ней?

– Он учил ее вещам, каким не учил больше никого. Он никогда не баловал ее или что-нибудь в этом роде. Он доверял ей. Она знает все обо всех. Нагуаль рассказывал обо всем и мне, но только не о ней. Может, именно поэтому я не люблю ее. Она знает все, что я делаю. Нагуаль велел ей быть моим надзирателем. Куда бы я ни пошла, я нахожу ее. Например, я не удивлюсь, если она и сейчас заявится.

– Ты думаешь, она придет?

– Сомневаюсь. Сегодня вечером ветер на моей стороне.

– Что она должна сделать? Может, у нее какое-нибудь особое задание?

– Я уже достаточно говорила о ней. Боюсь, что если я продолжу, она заметит меня оттуда, где сейчас находится, а мне бы этого очень не хотелось.

– Тогда расскажи мне о других.

– Спустя несколько лет после того, как появилась Горда, Нагуаль нашел Элихио. Он рассказал мне, что привез тебя в свои родные места, а Элихио пришел посмотреть на тебя, так как ты заинтересовал его. Нагуаль не обратил на него внимания. Он знал его с детских лет. Но как-то утром Нагуаль шел к дому, где ты ожидал его, и столкнулся с Элихио. Они прошли вместе совсем небольшое расстояние, и вдруг кусочек чольи упал на носок левого башмака Элихио. Он попытался стряхнуть его, но колючки чольи вцепились в кожу башмака, словно когти. Нагуаль сказал, что Элихио указал пальцем в небо и встряхнул ногой; чолья сорвалась и пулей взвилась в воздух. Элихио засмеялся, словно это была хорошая шутка, но Нагуаль понял, что у него есть сила, о которой он даже не подозревает. Вот почему он без особых забот стал совершенным, безупречным воином.

То, что я с ним познакомилась, было для меня большой удачей. Нагуаль считал, что мы с ним кое в чем схожи: если мы за что-то ухватимся, то уже не отпускаем. Я ни с кем не разделяла эту свою большую удачу, даже с Ла Гордой. Она встречала его, но, как и ты,

как следует не узнала. Нагуаль с самого начала знал, что Элихио уникален, – и от всех его изолировал. Он знал, что ты и девочки – одна сторона монеты, а Элихио, сам по себе, – другая. Нагуалью и Хенаро действительно очень повезло, что они нашли его.

Я впервые встретила с ним, когда Нагуаль привел его в мой дом. Элихио не ладил с моими девочками. Они ненавидели его и боялись. Но ему было совершенно все равно, мир не затрагивал его. Особенно Нагуаль не хотел, чтобы именно ты часто встречался с Элихио. Нагуаль говорил, что ты маг такого рода, от которого надо держаться подальше. Он говорил, что твое касание не умиротворяет, а наоборот – портит. Он сказал, что твой дух захватывает в плен. Ты вообще был ему в каком-то смысле противен, но в то же время и нравился. Он говорил, что когда нашел тебя, ты был еще более помешанным, чем Хосефина, да ты и сейчас такой.

Странно и не слишком приятно было слышать от кого-то, что говорил обо мне дон Хуан. Сначала я пытался игнорировать слова доньи Соледад, но потом понял, что это была крайне дурацкая и неуместная попытка защитить свое эго.

– Он возился с тобой потому, что так приказала сила. И он как безупречный воин подчинялся своей хозяйке и охотно делал то, что велела делать с тобой сила.

Наступила пауза. Мне ужасно хотелось узнать еще что-нибудь об отношении ко мне дон Хуана. Вместо этого я попросил ее рассказать мне о четвертой девочке.

– Месяц спустя после того, как нашел Элихио, Нагуаль нашел Розу. Роза была последней. Теперь Нагуаль знал, что его число стало полным.

– Как он нашел ее?

– Он отправился повидать Бениньо к нему домой. Он уже подходил к дому, как вдруг из густого кустарника у дороги выбежала Роза, преследуя вырвавшуюся и убегающую свинью. Свинья бежала гораздо быстрее Розы. Роза налетела на Нагуаля и не смогла поймать свинью. Тогда она повернулась к Нагуалью и

стала орать на него. Он сделал жест, словно хватал ее, но она готова была драться с ним. Нагуалью сразу понравился ее дух, но не было знака. Вдруг свинья побежала обратно и остановилась возле него. Это был знак. Роза привязала свинью на веревку, а Нагуаль сразу прямо спросил, довольна ли она своей работой. Она сказала, что нет. Она была служанкой, живущей у хозяев. Нагуаль спросил ее, не хочет ли она пойти с ним, и она сказала, что если для того, что она предполагает, то нет. Нагуаль сказал ей, что приглашает ее работать, и она захотела узнать, сколько он будет платить. Он назвал ей цифру, и она спросила, что это будет за работа. Нагуаль сказал ей, что она будет работать вместе с ним на табачных плантациях в Веракрусе. Тогда она призналась, что испытывала его: если бы он пригласил ее работать горничной, то она знала бы, что он лгун, поскольку он выглядел как человек, который никогда в своей жизни не имел дома.

Нагуаль был обрадован и сказал, что если она захочет вырваться из ловушки, в которой находится, то должна прийти в дом Бениньо к полудню. Еще он сказал ей, что будет ждать ее только до двенадцати. Если она придет, то должна быть готова к трудной жизни и тяжелой работе. Она спросила, как далеко находятся табачные плантации, и он ответил, что в трех днях езды на автобусе. Если это в самом деле так далеко, ответила Роза, она, безусловно, готова ехать, как только отведет свинью в загон. Так она и сделала. Она приехала сюда, и все сразу полюбили ее. Она никогда не была ни вредной, ни надоедливой. Нагуалью не нужно было заставлять ее или трюками вовлекать в работу. Меня она совсем не любит, но заботится обо мне больше всех. Я доверяю ей и все-таки совсем не люблю ее, а когда уезжаю, то скучаю по ней больше всех. Можешь представить себе такое?

Я увидел печальный блеск в ее глазах. Мои подозрения окончательно рассеялись. Она механически вытерла глаза.

Здесь наша беседа сама собой угасла, и наступила естественная пауза. К тому времени уже начало темнеть, и я едва различал то, что пишу. К тому же мне нужно было сходить в туалет. Она настояла, чтобы я воспользовался уборной во дворе прежде нее, как сам Нагуаль.

После этого она принесла две круглые бадьи размером с детскую ванночку, до половины налила их теплой водой и добавила немного зеленых листьев, сначала тщательно размяв их руками. Авторитетным тоном она велела мне помыться в одной бадье, а сама она возьмет другую. Вода пахла почти как духи. Она вызывала ощущение щекотки и легкое ментольное ощущение на лице и руках.

Мы вернулись в ее комнату. Она положила на комод мои письменные принадлежности, оставленные на ее постели. Через открытые окна было видно, что еще не стемнело. Очевидно, было около семи.

Донья Соледад, улыбаясь мне, легла на спину. Я подумал, что она – воплощение тепла, только глаза ее, несмотря на улыбку, вызывали чувство безжалостности и негибимой силы.

Я спросил ее, как долго она была с доном Хуаном как его женщина или ученица. Она посмеялась над моей осторожностью в определениях, и ответила, что семь лет. Потом она сказала мне, что мы не виделись пять лет. До этого я был убежден, что видел ее два года назад. Я попытался вспомнить нашу последнюю встречу, но не смог.

Она предложила мне лечь рядом с ней. Я опустился на колени рядом с ней на кровати. Она очень тихо спросила, боюсь ли я. Я сказал, что не боюсь, и это было правдой. В этот момент в ее комнате я столкнулся со своей старой реакцией, проявлявшейся бесчисленное число раз как смесь любопытства с губительным безразличием.

Почти шепотом она сказала мне, что должна быть безупречной со мной, и сообщила, что эта встреча была решающей для нас обоих. Она сказала, что Нагуаль дал ей прямые указания, что и как делать. Когда она все это говорила, я не мог удержаться от смеха, глядя на ее усилия подражать дону Хуану. Я слушал и мог предугадывать, что она скажет дальше.

Внезапно она села, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. Я видел ее белые зубы, блестящие в полутьме комнаты. Вдруг она обвила меня руками и повалила на себя.

Мой ум был предельно ясен, но что-то вело меня все глубже и глубже в какую-то трясину. Я ощущал себя как нечто совершенно чуждое. Внезапно я понял, что все время каким-то образом чувствую ее чувства. Она была очень странной. Она загипнотизировала меня словами. Она была холодной старой женщиной, и ее планы не были планами молодости и энергичности, несмотря на ее жизненную и физическую силу. Меня озарило, что дон Хуан повернул ее голову в совершенно ином направлении, чем мою. Эта мысль была бы нелепа в любом другом контексте, но в тот миг я принял ее как ошеломляющее откровение. Все тело охватило чувство опасности. Я хотел броситься из ее постели, но какая-то сила, находившаяся вокруг меня, удерживала меня неподвижным. Я был парализован.

Она, должно быть, почувствовала, что я осознал это. Молниеносным движением она сорвала повязку с волос и накинула ее вокруг моей шеи. Я чувствовал давление повязки на своей коже, но это почему-то казалось нереальным.

Дон Хуан всегда говорил мне, что нашим ужасным врагом является тот факт, что мы никогда не верим в то, что происходит с нами. И в тот момент, когда донья Соледад накинула мне петлю на шею, я знал, что он имел в виду. Но даже после возникновения этой интеллектуальной рефлексии мое тело все еще не реагировало. Я оставался вялым, почти безразличным к тому, что, по-видимому, будет моей смертью.

Я чувствовал, с какой силой и ловкостью она затягивала ленту вокруг моей шеи. Я начал задыхаться. Ее глаза блестели иступленным блеском. Тогда я понял, что она хочет прикончить меня.

Дон Хуан говорил, что когда мы, наконец, осознаем происходящее, часто бывает слишком поздно. Именно наш разум оставляет нас в дураках, потому что первым получает сигнал опасности, но вместо того, чтобы поверить ему и реагировать на него немедленно, он начинает с ним забавляться.

Затем я услышал – или скорее ощутил – звук щелчка в основании шеи, прямо позади трахеи. Я подумал, что она сломала

мне шею. В ушах у меня зашумело, потом зазвенело. Все звуки стали невероятно отчетливыми. Я подумал, что умираю. Я ненавидел свою неспособность сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить себя. Я и пальцем не мог пошевелить, чтобы ударить ее. Я не мог больше дышать. Мое тело задрожало, и вдруг я внезапно встал и стал свободным от ее смертельной хватки. Я взглянул вниз, на постель. Казалось, я смотрел с потолка. Тут я увидел свое тело, неподвижное и вялое, навалившееся на нее.

Я увидел ужас в ее глазах. Мне хотелось, чтобы она отпустила петлю. Меня охватила ярость из-за своей бестолковости, и я ударил ее кулаком прямо в лоб. Она пронзительно вскрикнула, схватилась за голову, а потом потеряла сознание. Но до этого передо мной мелькнула призрачная сцена: я увидел, как донья Соледад была выброшена из постели силой моего удара. Я видел, как она бежит к стене и прижимается к ней, точно испуганный ребенок.

Следующим впечатлением была ужасная затрудненность дыхания. Моя шея ужасно болела. Горло казалось сильно пересохшим, так что я не мог глотать. Мне понадобилось немало времени, чтобы собрать достаточно силы и подняться. Я стал рассматривать донью Соледад. Она лежала на постели без сознания, на лбу у нее вздулась огромная красная шишка. Я сходил за водой и побрызгал ей в лицо, как всегда поступал со мной дон Хуан. Когда она пришла в себя, я заставил ее пройти, поддерживая подмышки. Она была вся мокрая от пота. Я положил ей на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Ее вырвало. Я был почти уверен, что она получила сотрясение мозга. Ее трясло. Я попробовал укрыть ее одеждой и одеялами, но она сняла всю свою одежду и повернула тело в сторону ветра. Она попросила оставить ее одну и сказала, что если ветер изменит направление, это будет знак, что она выздоровеет. Она подержала меня за руку, похожим на короткое рукопожатие жестом и сказала, что это судьба столкнула нас друг с другом.

— Я думаю, что одному из нас было предназначено умереть сегодня вечером.

– Не говори глупостей. Ты ведь еще не скончалась, – сказал я, и я действительно это имел в виду.

Что-то убеждало меня, что с ней действительно все обойдется. Я вышел из дому, подобрал палку и пошел к своей машине. Пес зарычал. Он все еще был там и лежал, свернувшись на сидении. Я приказал ему убираться, и он покорно выпрыгнул из машины. В его поведении что-то резко изменилось. Я увидел, как его огромный силуэт затрусил в полутьме в свою загородку.

Я был свободен. Я сел в машину, чтобы все обдумать. Нет, я не был свободен, что-то тянуло меня обратно в дом. Там оставалось незаконченное дело. Я больше не боялся доньи Соледад. В действительности, необычайное безразличие овладело мною. Я чувствовал, что она, намеренно или бессознательно, дала мне исключительно важный урок. Ее ужасающе целенаправленная попытка убить меня заставила меня действовать против нее на уровне, недостижимом для меня при обычных обстоятельствах. Я был почти задушен, что-то в ее адской комнате сделало меня беззащитным, и все же я выбрался. Я не мог понять, что произошло. Видимо, прав был дон Хуан, что все мы имеем в своем распоряжении мощные скрытые силы, которые никогда не используются. Фактически я ударил донью Соледад из положения призрака. Я взял из машины фонарик, вернулся в дом, зажег все керосиновые лампы, какие смог найти, и сел писать у стола в гостиной. Работа расслабила меня.

На рассвете донья Соледад вышла из своей комнаты, с трудом удерживая равновесие и спотыкаясь. Она была совершенно обнаженной. У двери ей стало дурно, и она упала. Я дал ей воды и попытался укрыть ее одеялом, но она опять отказалась от него. Я беспокоился, что она может переохладиться. Она пробормотала, что должна быть обнаженной, чтобы ветер мог исцелить ее. Она сделала пластырь из размятых листьев, наложила его себе на лоб и обвязала тюрбаном. Потом она закуталась в одеяло, подошла к столу, где я писал, и села напротив меня. Глаза ее были красными. Она выглядела больной.

– Я должна рассказать тебе кое-что, – сказала она слабым голосом. – Нагуаль оставил меня ждать тебя; я должна была ждать, даже если бы на это понадобилось двадцать лет. Он дал мне подробные инструкции, как завлечь тебя и похитить твою силу. Он знал, что рано или поздно, но ты должен приехать, чтобы увидеть Нестора и Паблито, поэтому он сказал мне использовать эту возможность, чтобы околдовать тебя и взять у тебя все, что ты имеешь. Нагуаль сказал, что если я буду жить безупречной жизнью, моя сила должна привести тебя сюда, когда в доме никого больше не будет. Моя сила сделала это. Ты пришел, когда остальные удалились. Моя безупречная жизнь помогла мне. Мне оставалось только взять твою силу, а потом убить тебя.

– Но зачем ты хотела сделать такую ужасную вещь?

– Потому что я нуждаюсь в твоей силе для своего собственного путешествия. Нагуаль должен был это устроить таким способом; ты должен был быть тем, кто мне нужен. В конце концов, я почти не знаю тебя. Ты ничего не значишь для меня. Так почему же мне не взять у тебя то, в чем я так отчаянно нуждаюсь? Это были собственные слова Нагуаля.

– Зачем Нагуалю нужно было причинить мне вред? Ведь ты сама сказала, что он заботился обо мне.

– То, что я сделала с тобой прошлой ночью, не имеет никакого отношения к тому, что он чувствовал по отношению к тебе или ко мне. Это исключительно наше дело. Не было свидетелей тому, что произошло между нами вчера, так как мы оба – часть самого Нагуаля. Но ты получил от него что-то такое, чего нет у меня. Ты владеешь тем, в чем я отчаянно нуждаюсь, – особенной силой, которую он дал тебе. Нагуаль сказал, что он дал что-то каждому из своих шести детей. Элихио для меня недоступен. Я не могу взять это у своих девочек. Таким образом, в качестве моей жертвы остаешься ты. Я увеличивала силу, которую дал мне Нагуаль, и, увеличившись, она изменила мое тело. Ты тоже увеличил свою силу. Мне нужна была твоя сила, поэтому я должна была убить тебя. Нагуаль сказал, что даже если ты не умрешь, то ты все равно должен пасть жертвой моих чар и стать моим пленником на всю

жизнь, если я этого захочу. В любом случае твоя сила перешла бы ко мне.

– Но какая польза для тебя от моей смерти?

– Не от смерти, но от твоей силы. Я делала это, потому что нуждаюсь в поддержке. Без нее мое путешествие будет адски трудным. Мне недостает стойкости⁵. Поэтому я не люблю Ла Горду. Она молодая и обладает большой стойкостью. Я старая, и у меня есть задние мысли и сомнения. Если хочешь знать правду, то истинная борьба происходит между мной и Паблито. Он – мой смертельный враг. Нагуаль сказал мне, что твоя сила могла сделать мое путешествие более легким и помочь мне получить то, что нужно.

– Как может Паблито быть твоим врагом?

– Когда Нагуаль изменял меня, он знал, к чему это ведет. Прежде всего, он устроил так, чтобы мои глаза смотрели на север. И хотя ты, я и мои девочки – одно и то же, я противоположна вам. Я иду в другом направлении. Паблито, Нестор и Бениньо – с тобой. Направление их глаз – то же. Все вы будете идти в сторону Юкатана.

Паблито – мой враг, но не из-за направления, а потому, что он мой сын. Вот о чем я должна была рассказать тебе, даже если ты и не понимаешь, о чем я говорю. Я должна войти в другой мир. Туда, где сейчас Нагуаль, Хенаро и Элихио. Даже если ради этого я должна уничтожить Паблито.

– Что ты несешь, донья Соледад? Ты сошла с ума!

– Нет, не сошла. Нет ничего важнее для нас, живых существ, чем войти туда. Видишь ли, для меня это именно так. Чтобы войти в тот мир, я живу так, как учил меня Нагуаль. Без надежды на тот мир я – ничто, ничто. Я была старой жирной коровой. Теперь только эта надежда дает мне руководство, направление, и даже если я не могу взять твою силу, у меня по-прежнему остается цель.

⁵ Guts – Pl. разг. мужество, выдержка, сила воли, характер.

Она положила голову на руки, сложенные на столе. Сила ее речи ошеломила меня. Я не совсем понял, что она имела в виду, но почти сочувствовал ей, хотя это было наиболее странным из всего того, что я слышал от нее этой ночью. Ее цель была в стиле и терминологии дона Хуана целью воина. Однако я и не подозревал, что для ее достижения нужно уничтожать людей.

Она подняла голову и посмотрела на меня сквозь полуприкрытые веки.

– В начале вечера все для меня складывалось благоприятно. Я была несколько испугана, когда ты приехал. Я ждала этого момента годы. Нагуаль сказал мне, что ты любишь женщин. Он сказал, что ты – легкая добыча для них, и я сыграла на этом ради быстрой развязки. Я рассчитала, что ты попадешься на этом. Нагуаль научил меня, как захватить тебя в тот момент, когда ты будешь наиболее слабым. Я вела тебя к этому моменту с помощью моего тела. Но ты заподозрил неладное. Я была слишком неуклюжей. Я привела тебя в свою комнату, где линии моего пола должны были захватить тебя и сделать тебя беспомощным. Но ты одурачил мой пол тем, что он тебе понравился и рассматриванием его линий. Стоило тебе опустить глаза на его линии – и он терял всякую силу. Твое тело знало, что делать. Затем ты напугал мой пол, завопив так, как ты это сделал. Внезапные шумы вроде этого губительны, особенно голос мага. Сила моего пола умерла, как пламя. Я знала это, а ты – нет.

Потом ты был близок к тому, чтобы сбежать, и я должна была задержать тебя. Нагуаль рассказал мне, как использовать свою руку, чтобы ухватить тебя. Я пыталась сделать это, но у меня не хватило силы. Мой пол был напуган. Твои глаза заставили оцепенеть его линии. Никто другой никогда не бросал на них ни единого взгляда.

Поэтому я потерпела неудачу, пытаясь обхватить твою шею. Ты выскользнул из моей хватки прежде, чем я успела прижать тебя. Тогда я поняла, что ты ускользаешь, и предприняла еще одну финальную атаку. Я использовала ключ, который, по словам Нагуаля, больше всего действует на тебя – страх. Я напугала тебя своими воплями, и это дало мне достаточно силы, чтобы подчинить

тебя. Я думала, что ты у меня в руках, но мой дурацкий пес одурел и сбросил меня с тебя, когда ты почти уже был в моей власти. Теперь я понимаю, он совсем не был таким уж идиотом, вероятно, он заметил твоего дубля и бросился на него, но вместо этого свалил меня.

– Ты говорила, что это не твой пес.

– Я специально обманула тебя. Он был моей козырной картой. Нагуаль научил меня, что всегда надо иметь козырь – некий неожиданный трюк. Почему-то я знала, что мой пес может понадобиться мне. Когда я позвала тебя посмотреть на моего друга, я хотела, чтобы он принялся к тебе. Как раз койот – друг моих девочек. Когда ты побежал в дом, мне пришлось обойтись с псом довольно круто. Я запихала его внутрь твоей машины, заставив его визжать от боли. Он очень крупный и едва мог протиснуться у тебя над сидением. Я ему велела разорвать тебя в клочья. Я знала, что искусанный псом ты станешь беспомощным, и я легко смогу справиться с тобой.

Ты снова ускользнул, но ты не мог покинуть дом. Я знала, что надо набраться терпения и дожждаться темноты. А уж когда ветер изменил направление, я была уверена в успехе.

Нагуаль говорил мне, что я непременно понравлюсь тебе как женщина. Нужно было только дожждаться подходящего момента. Нагуаль сказал, что ты убил бы себя, если бы понял, что я захватила твою силу. Но если бы мне не удалось захватить ее, или если бы ты не убил себя, или мне не захотелось бы оставить тебя в живых как своего пленника, я должна была использовать свою головную повязку, чтобы задушить тебя насмерть. Он даже показал мне место, куда бросить твой труп: бездонную яму, расщелину в горах, где часто пропадают козы. Но Нагуаль никогда не упоминал о твоей устрашающей стороне. Я уже говорила, что один из нас должен был умереть этой ночью. Я никак не ждала, что это случится со мной. Нагуаль передал мне чувство, что я одержу победу. Как жестоко было с его стороны не рассказать мне всю правду о тебе.

– Представь себе, донья Соледад, что я знал еще меньше тебя.

– Это не одно и то же. Нагуаль несколько лет готовил меня к тому, что случилось вчера. Я знала каждую деталь. Ты был у меня в ловушке. Нагуаль даже показал мне листья, которые я всегда должна была держать под рукой свежими, чтобы ты оцепенел под их воздействием. Я положила их тебе в бадью, будто для аромата. Ты и не заметил, что для своей бадьи я воспользовалась другими листьями. Ты попадался на все, что я приготовила для тебя. И все-таки твоя устрашающая сторона взяла верх.

– О какой устрашающей стороне ты говоришь?

– Я имею в виду того, кто ударил меня и убьет меня сегодня ночью. Твой ужасный дубль, вышедший, чтобы прикончить меня. Я никогда не забуду его. И если выживу, в чем я сомневаюсь, я никогда уже не буду прежней.

– Он был похож на меня?

– Да, конечно, это был ты, но не такой, каким ты выглядишь сейчас. На самом деле я вообще не могу сказать, на что он был похож. От одной мысли о нем мне становится дурно.

Я рассказал ей о своем мимолетном восприятии того, как она вышла из своего тела после моего удара. Я намеревался выудить у нее еще кое-что. Мне показалось, что подлинной скрытой целью происшедшего с нами было намерение вынудить нас прибегнуть к источникам, обычно нам недоступным. Мой удар, несомненно, был ужасным. Я нанес серьезное повреждение ее телу, но сам я никак не был на такое способен. Я и в самом деле ощущал, что ударил ее своим левым кулаком – об этом свидетельствовала огромная красная шишка у нее на лбу. Но при этом суставы мои не опухли, и в них не было ни малейшей боли или хоть слегка неприятного ощущения, хотя удар такой силы должен был повредить мне руку.

Услышав, что я видел ее прижимающейся к стенке, она пришла в полное отчаяние. Я спросил, соответствовало ли хоть что-нибудь в ее ощущениях тому, что я видел. Например, было ли у нее чувство, что она покидает тело или мимолетное восприятие комнаты в неожиданном ракурсе.

– Я знаю теперь, что обречена, – сказала она. – Очень немногие выживают после касания дубля. Если моя душа уже вышла, мне не остаться в живых. Я буду слабеть, пока не умру.

Ее глаза дико блестели. Она потянулась ко мне и, похоже, хотела ударить меня, но упала обратно на стул.

– Ты забрал мою душу, – прошептала она. – Ты, должно быть, держишь ее у себя в кисете, хотя разве ты скажешь мне об этом?

Я поклялся ей, что не имел намерения причинить ей вред, что я-то в любом случае действовал исключительно ради самозащиты и не держу на нее зла.

– Если моей души нет у тебя в кисете, то это еще хуже. Она, должно быть, бесцельно бродит где-то поблизости. Тогда я никогда не получу ее обратно, – горестно проговорила она.

Казалось, силы оставили ее. Ее голос почти угас. Я предложил ей пойти прилечь, но она отказалась уйти из-за стола.

– Нагуаль сказал, что если уж я потерплю полную неудачу, я должна передать тебе сообщение, – сказала она. – Он велел мне передать тебе, что он давно заменил твое тело. Ты теперь являешься им самим.

– Что он хотел этим сказать?

– Он маг. Он вошел в твое старое тело и заменил его светимость. Теперь ты сияешь, как сам Нагуаль. Ты больше не сын своего отца. Ты – сам Нагуаль.

Донья Соледад встала. Она нетвердо держалась на ногах. Она хотела сказать что-то еще, но язык ее не слушался. Она пошла в свою комнату. Я помогал ей до двери: она не хотела, чтобы я заходил туда. Она сбросила покрывало, укрывающее ее, легла на постель и очень мягким голосом попросила меня подняться на холм невдалеке, чтобы посмотреть, не поменялся ли ветер. Она добавила мимоходом, чтобы я взял с собой ее пса. Что-то в этой просьбе мне не понравилось. Я ответил, что лучше влезу на крышу и посмотрю

оттуда. Она повернулась ко мне спиной и сказала, что попросила насчет пса как об услуге, чтобы он на холме приманил ветер. Тут я просто разозлился. Ее комната в полумраке вызывала исключительно странное чувство. Я пошел на кухню, взял две лампы и понес их обратно. Завидев свет, она истерически вскрикнула. Я тоже издал вопль, но по другой причине. Когда свет проник в комнату, я увидел, что пол свернулся коконом вокруг ее постели. Это впечатление было столь мимолетным, что в следующее мгновение я готов был поклясться, что эту призрачную сцену создали тени проволочных защитных стенок ламп. Это призрачное восприятие привело меня в ярость. Я встряхнул ее за плечи. Она заплакала как ребенок и обещала больше не устраивать никаких трюков. Я поставил лампы на комод, и она мгновенно уснула.

К середине утра ветер переменился. Я ощутил сильные порывы ветра, буквально врывающегося в северное окно. Около полудня донья Соледад вышла снова. Она еще немного пошатывалась. Краснота ее глаз исчезла, и шишка на лбу значительно уменьшилась. Осталась едва заметная припухлость.

Я почувствовал, что пора уезжать. Я сказал ей, что, хоть я и записал сообщение, переданное ею от дона Хуана, оно ничего не прояснило.

– Ты больше не сын своего отца. Ты – сам Нагуаль, – повторила она.

Со мной творилось что-то несообразное. Несколько часов назад я был совершенно беспомощным, и донья Соледад действительно пыталась убить меня; но теперь, в тот момент, когда она говорила, я забыл весь ужас этого события. И в то же время существовала другая часть меня, которая могла целыми днями размышлять над ничем не значащими столкновениями с людьми, касающимися моей личности или работы. Эта часть, казалось, была реальным мной, тем самым мной, которого я знал всю жизнь.

Та же часть меня, что прошла схватку со смертью этой ночью, а потом забыла об этом, не была реальной. Она была мною, и в то же

время не была. В свете таких несоответствий заявление дона Хуана казалось менее натянутым, но по-прежнему неприемлемым.

Донья Соледад казалась отсутствующей. Она мирно улыбалась.

– О, они здесь! – сказала она внезапно. – Какая удача для меня! Мои девочки здесь. Теперь они позаботятся обо мне.

С нею, похоже, опять что-то было не в порядке. Она выглядела такой же сильной, как и прежде, но ее поведение было более несвязным. Мои страхи выросли опять. Я не знал, оставить ее здесь или взять в больницу, в город за несколько сотен миль отсюда.

Внезапно она вскочила, как маленький ребенок, и побежала через переднюю дверь вниз по дороге в направлении шоссе. Я поспешно забрался в машину, чтобы догнать ее. Спускаться приходилось задним ходом, потому что развернуться было негде. Когда я достиг шоссе, я через заднее стекло увидел донью Соледад в окружении четырех молодых женщин.

Глава 2. Сестрички

Донья Соледад что-то объясняла четверем женщинам, окружавшим ее. Она то делала драматические жесты руками, то восклицала что-то, хватаясь за голову. Было ясно, что она рассказывала обо мне. Я вернулся по подъездной дороге на место прежней стоянки, собираясь подождать их там. Я прикидывал, остаться ли мне в машине или небрежно сесть на левое крыло. Наконец я решил встать у дверцы, готовый вскочить в нее и уехать, если возникнут намеки на возможность повторения чего-нибудь типа вчерашних событий.

Я страшно устал. Я не смыкал глаз более суток. У меня был план – сообщить молодым женщинам то, что смогу, об инциденте с доньей Соледад, чтобы они могли принять необходимые меры для помощи ей, а затем уехать. Их присутствие произвело некую перемену, все казалось заряженным новой энергией. Я почувствовал эту перемену, когда увидел донью Соледад, окруженную ими.

Откровение доньи Соледад, что они были ученицами Нагуаля, сделало их мучительно притягательными для меня, и я не мог дожидаться встречи с ними. Меня мучил вопрос, не были ли они подобны донье Соледад. Она говорила, что они похожи на меня самого, и что мы идем в одном и том же направлении. Это легко интерпретировалось в положительном смысле. Мне хотелось верить в это больше, чем во что-либо другое.

Дон Хуан обычно называл их «лас эрманитас» – сестрички, самое подходящее наименование по крайней мере для двух знакомых мне девушек, Лидии и Розы. Это были две легкие, похожие на фей очаровательные молодые девушки. Я прикинул, что когда впервые увидел их, им было чуть больше двадцати, хотя Паблито и Нестор всегда отказывались говорить об их возрасте. Две другие, Хосефина и Елена, были полной загадкой для меня. Я слышал, как их имена время от времени упоминались обычно в каком-то неблагоприятном контексте. Из случайных замечаний, сделанных доном Хуаном, я заключил, что они были какими-то чудными – одна была помешанной, а вторая – очень толстой,

поэтому их держали в изоляции. Однажды я столкнулся с Хосефиной, когда пришел с доном Хуаном. Он представил ей меня, но она закрыла лицо и убежала прочь прежде, чем я успел поздороваться. В другой раз я увидел Елену, стиравшую белье. Она была огромных размеров. Я подумал, что у нее не все в порядке с железами. Я приветствовал ее, но она даже не обернулась. Я никогда не видел ее лица.

После рекламы, сделанной им доньей Соледад, мне и ужасно хотелось поговорить с таинственными «эрманитас», и в то же время я почти боялся их. Я вскользь взглянул на дорогу, собираясь с силами, чтобы встретиться с ними со всеми сразу, но на дороге было пусто. Никто не приближался, а между тем только минуту назад они были не более чем в тридцати ярдах от дома. Я взобрался на крышу машины, но опять никого не увидел, даже собаки. Я запаниковал. Соскользнув вниз, я уже готов был вскочить в машину и уехать, но вдруг услышал, как кто-то сказал: «Эй, посмотри, кто здесь!»

Я мгновенно обернулся и оказался лицом к лицу с двумя девушками, которые только что вышли из дому. Очевидно, они прибежали впереди меня и вошли в дом через заднюю дверь. Я вздохнул с облегчением.

Ко мне подошли две юных девушки. Должен сознаться, что никогда по-настоящему не замечал их. Они были красивые, смуглые и очень стройные, но не худые. Их длинные черные волосы были подобраны. Они были одеты в незатейливые юбки, синие хлопчатобумажные жакеты и коричневые мягкие туфли на низком каблуке. Они были без чулок, ноги у них были стройными и мускулистыми. Ростом они были около пяти футов и трех-пяти дюймов. Они казались очень развитыми физически и двигались с большой ловкостью. Одна из них была Лидия, другая – Роза.

Я приветствовал их, и тогда они одновременно протянули мне руки для рукопожатия. Они встали по обе стороны от меня. Выглядели они здоровыми и бодрыми. Я попросил их достать пакеты из багажника. Когда мы несли их в дом, я услышал рычание, такое глубокое и близкое, что оно было похоже на рычание льва.

– Что это такое? – спросил я Лидию.

– Ты не знаешь? – спросила она недоверчиво.

– Это, должно быть, пес, – сказала Роза, и они побежали в дом, практически волоча меня за собой.

Мы положили пакеты на стол, а затем сели на скамейку. Обе девушки смотрели на меня. Я сказал им, что Донья Соледад больна и что я собираюсь отвезти ее в больницу в город, потому что не знаю, как помочь ей. Тут я понял, что ступил на опасную почву. Я не представлял, какую информацию я должен дать им о подлинном характере моего сражения с доньей Соледад. Я решил наблюдать за ними, пока не отыщу ключ. Я полагал, что если буду внимательно за ними наблюдать, смогу по выражению их лиц или по голосам понять, как много они знают. Но они продолжали молчать, предоставляя мне самому вести разговор. Я начал сомневаться, надо ли вообще говорить что-либо по своей инициативе. Пытаясь рассчитать, что делать, чтобы не допустить промаха, я кончил тем, что стал нести чепуху. Лидия оборвала меня. Сухим тоном она сообщила мне, что мне нечего беспокоиться насчет здоровья доньи Соледад, потому что они уже приняли меры, чтобы помочь ей. Ее слова заставили меня спросить, знает ли она, что случилось с доньей Соледад.

– Ты забрал ее душу, – бросила она обвиняюще.

Первой моей реакцией было желание оправдываться. Я горячо заговорил, но в конце концов запутался в противоречиях. Они пристально смотрели на меня. Я пришел в полное замешательство. Я пытался снова сказать то же самое, но другими словами. Но моя усталость была такой огромной, что я с трудом мог собраться с мыслями. Наконец, я сдался.

– Где Паблито и Нестор? – спросил я после долгой паузы.

– Они скоро будут здесь, – живо ответила Лидия.

– Вы были с ними?

– Нет! – воскликнула она и уставилась на меня.

– Мы никогда не будем вместе, – объяснила Роза. – Мы не имеем ничего общего с этими лодырями.

Лидия сделала повелительный знак ногой, чтобы она замолчала. Она явно была лидером. То, что я заметил движение ее ступни вызвало в моем осознании воспоминание очень своеобразной грани моих отношений с доном Хуаном. Во время наших бесчисленных скитаний дон Хуан без особых усилий успешно обучил меня системе тайных коммуникаций при помощи закодированных движений стоп.

Я заметил, что Лидия дала Розе сигнал опасности. Он употреблялся, если в поле зрения сигнализирующего появлялось что-нибудь нежелательное или опасное. В данном случае – я. Я засмеялся. Я вспомнил, что дон Хуан впервые подал мне этот знак при первом появлении дон Хенаро. Сделав вид, что не понимаю происходящего, я решил посмотреть, не смогу ли расшифровать все их знаки. Роза сделала знак, что собирается напасть на меня. Лидия ответила повелительным знаком запрета. По словам дон Хуана, Лидия была очень талантливой. Он считал ее более чувствительной и алертной, чем Паблито, Нестор или я сам. Мне никогда не удавалось завязать с ней дружбу. Она держалась отчужденно и была очень резкой. У нее были огромные черные живые глаза, никогда ни на кого не смотрящие прямо, широкие скулы и точеный нос, несколько уплощенный и расширенный к переносице. Я вспомнил, что у нее раньше были красные, вечно воспаленные веки, что служило поводом для всеобщих насмешек. Краснота век исчезла, но она продолжала часто тереть глаза и часто моргать. На протяжении всего моего знакомства с доном Хуаном я видел Лидию чаще всех, но при этом мы не обменялись с ней и дюжиной слов. Паблито считал ее очень опасным существом. Я же всегда думал, что она была просто слишком застенчивой. Роза же была очень бойкой. Я считал ее самой младшей из сестер. Ее глаза были искренними и сияющими. Она была прямой, но несколько раздражительной. Я разговаривал с Розой чаще, чем с остальными. Она была дружелюбной, очень смелой и очень веселой.

– Где остальные? – спросил я Розу. – Они собираются появиться?

– Они скоро придут, – отвечала Лидия.

По их выражениям я мог заключить, что они не были настроены дружелюбно. Судя по их сигналам, они были столь же опасны, как и донья Соледад. И все же, когда я сидел там, глядя на них, они казались мне просто замечательными. Я испытывал к ним самые теплые чувства. И чем дольше они смотрели мне в глаза, тем сильнее становилось это мое чувство. В какой-то момент я почувствовал к ним настоящую страсть. Они были так очаровательны, что я мог бы сидеть часами и смотреть на них, но вдруг некая отрезвляющая мысль заставила меня встать. Я не собирался повторять ошибок прошлой ночи. Я решил, что лучшей защитой будет выложить карты на стол. Твердым тоном я заявил, что дон Хуан устроил для меня некоего рода испытание, используя донью Соледад, или, возможно, наоборот. Существовала вероятность, что он и их настроил соответствующим образом, и нам предстоит сражаться друг с другом в некоторого рода битве, которая может плохо кончиться для кого-нибудь из нас. Я воззвал к их воинскому духу. Если они настоящие наследники дона Хуана, то они должны быть безупречными со мной, раскрыть свои карты, а не вести себя как обычные алчные человеческие существа.

Я повернулся к Розе и спросил ее, почему она хотела напасть на меня. Она на мгновение растерялась, а потом рассердилась. Ее глаза пылали гневом, губы сурово сжались.

Лидия очень вразумительно объяснила, что мне нечего бояться их, и что Роза сердится из-за моей атаки на донью Соледад. И что это исключительно ее личная реакция.

Тогда я сказал, что мне пора. Я встал. Лидия жестом попыталась остановить меня. Она казалась испуганной или сильно обеспокоенной. Она начала возражать, но меня отвлекли какие-то звуки, доносившиеся из-за двери. Девушки рванулись ко мне. Что-то тяжелое прислонилось к двери или толкало ее. Тут я заметил, что

они закрыли дверь на тяжелый железный засов. Я почувствовал отвращение. Все начиналось сначала. Я уже устал от всего этого.

Девушки взглянули друг на друга, потом на меня, потом опять друг на друга.

Я слышал поскуливание и тяжелое дыхание какого-то большого животного возле дома. Это мог быть пес.

В этот момент изнеможение ослепило меня. Я бросился к двери и стал отпирать ее. Лидия метнулась ко мне и снова закрыла дверь на щеколду.

– Нагуаль был прав, – сказала она, тяжело дыша – ты думаешь и думаешь. – Ты тупее, чем можно было ожидать.

Она толкнула меня обратно к столу. Я приготовился в подходящих выражениях высказать раз и навсегда, что с меня достаточно. Тут Роза села рядом, касаясь меня: я ощущал ее ногу, нервно трущуюся об мою. Лидия стояла лицом ко мне, неотрывно глядя на меня. Ее горящие глаза, казалось, пытались сказать мне нечто такое, чего я не мог понять.

Я начал говорить что-то, но не закончил. Внезапно на глубочайшем уровне я осознал нечто. Мое тело осознало зеленоватый свет, свечение снаружи дома. Я не видел и не слышал ничего. Я просто осознавал свет, как если бы внезапно уснул, и мои мысли превращались в образы, наложенные на мир обыденной жизни. Свет двигался с большой скоростью. Я ощущал его своим животом. Я следовал за ним или, скорее, фокусировал свое внимание на нем в мгновения, когда он двигался вокруг. В результате фокусирования на этом свете мой ум стал необыкновенно ясным. Теперь я понял, что в этом доме, в присутствии этих девушек было бы неправильно и опасно вести себя, как случайный наивный наблюдатель.

– Ты не боишься? – спросила Роза, указывая на дверь.

Ее голос нарушил мою концентрацию.

Я согласился, что нечто, находившееся за дверью, чем бы оно ни было, испугало меня на очень глубоком уровне, достаточном, чтобы умереть от страха. Я хотел сказать больше, но тут меня охватила ярость и я захотел увидеть донью Соледад и поговорить с ней. Я не верил ей. Я пошел прямо в ее комнату. Ее там не было. Я стал звать ее, выкрикивая ее имя. В доме была еще одна комната. Я распахнул дверь и ворвался туда. Там никого не было. Мой гнев вырос до таких же масштабов, как и мой страх. Я вышел в заднюю дверь и обошел вокруг дома. Не было видно даже собаки. Я яростно постучал в дверь. Открыла Лидия. Я вошел и закричал, чтобы она сказала мне, где все. Она опустила глаза и не ответила. Она хотела закрыть дверь, но я не позволил ей. Она быстро развернулась и ушла в другую комнату.

Я опять сел за стол. Роза не двигалась. Она словно застыла на месте.

– Мы – одно и то же, – сказала она внезапно. – Нагуаль сказал нам это.

– Скажи тогда, кто рыскал вокруг дома? – спросил я.

– Союзник, – отвечала она.

– Где он сейчас?

– Он все еще здесь. Он не уйдет. И когда ты будешь слабым, он сомнет тебя. Однако мы ничего не можем рассказать тебе.

– Кто же тогда может?

– Ла Горда! – воскликнула Роза, раскрывая свои глаза как можно шире. – Только она может. Она знает все.

Роза спросила меня, можно ли закрыть дверь, просто для того, чтобы быть в безопасности. Не дожидаясь моего ответа, она медленно пошла к двери и с шумом захлопнула ее.

– Мы ничего не можем сделать, кроме как ждать, пока все не придут.

Лидия вернулась в комнату со свертком, с каким-то предметом, обернутым в кусок темно-желтой ткани. Похоже, она расслабилась. Но я отметил, что она настроена очень решительно. Она каким-то образом передала свое настроение и нам с Розой.

– Ты знаешь, что здесь у меня? – спросила она.

Я не имел ни малейшего представления. Она начала неторопливо разворачивать сверток. Потом остановилась и посмотрела на меня. Она ухмыльнулась, как будто ей было неловко показывать то, что в свертке.

– Этот пакет оставил для тебя Нагуаль. Но я думаю, что нам лучше подождать Ла Горду. Я настаивал, чтобы она развернула его. Она бросила на меня свирепый взгляд и молча вынесла пакет из комнаты.

Я наслаждался игрой Лидии. Она действовала в полном соответствии с уроками дона Хуана и продемонстрировала, как можно наилучшим образом использовать заурядную ситуацию. Она чрезвычайно заинтриговала меня, показав мне сверток и сделав вид, что хочет развернуть его. Перед этим она сказала, что он оставлен мне доном Хуаном. Она понимала: я вынужден буду остаться, чтобы узнать о содержимом свертка. Я мог предполагать все что угодно. Это могла быть трубка, которой дон Хуан пользовался при применении психотропных грибов. Он как-то говорил мне, что эта трубка будет отдана мне на хранение. Это мог быть его нож, или кожаный кисет, или даже его магические предметы силы. С другой стороны, это могло быть всего лишь уловкой Лидии; дон Хуан был слишком непростым, слишком абстрактным, чтобы оставлять мне свои личные вещи в наследство.

Я сказал Розе, что еле держусь на ногах от усталости и голода. Мне хотелось вернуться в город, отдохнуть пару дней и вернуться для встречи с Паблито и Нестором. Я добавил, что к тому времени смогу встретиться и с двумя другими девушками.

Тут вернулась Лидия, и Роза сказала ей о моем намерении уехать.

– Нагуаль приказал нам подчиняться тебе как ему самому, – сказала Лидия. – Мы все являемся самим Нагуалем, но почему-то – никто не понимает почему – ты – в большей степени.

Обе заговорили одновременно, уверяя, что, в отличие от доньи Соледад, они ничего не собираются предпринимать против меня. В их взгляде была настолько горячая искренность, что мое тело было потрясено. Я поверил им.

– Ты должен дождаться возвращения Ла Горды, – сказала Лидия.

– Нагуаль говорил, что ты будешь спать в его постели, – добавила Роза.

Я зашагал по комнате, раздумывая над странной дилеммой. С одной стороны, мне хотелось остаться и отдохнуть – в их присутствии я чувствовал себя физически легким и счастливым, чего и в помине не было днем раньше с доньей Соледад. Но моя разумная сторона и не собиралась расслабляться. И на этом уровне я был все таким же испуганным. В моменты слепого отчаяния я мог действовать смело, но когда импульс этого действия иссякал, я чувствовал себя таким же уязвимым, как обычно.

Нервно расхаживая по комнате, я занимался самоанализом. Обе девушки молчали, с тревогой наблюдая за мной. Внезапно задача решилась: я знал, что какая-то часть меня лишь притворялась испуганной. В присутствии доня Хуана я хорошо познакомился с подобным способом реагирования. На протяжении многих лет нашего общения я глубоко полагался на него в том, что он найдет подходящие способы успокоить мой страх. Моя зависимость от него давала мне утешение и безопасность. Но больше я рассчитывать на это не мог – доня Хуана не было. У его учеников не было ни его терпеливости, ни его искушенности, ни его абсолютной власти. В их обществе мое желание искать утешения было явной глупостью.

Девушки отвели меня в другую комнату. Окно в ней выходило на юго-восток, так же была сориентирована и постель, в качестве которой использовалась толстая циновка похожая на матрац. Кусок

стебля агавы⁶ длиной в два фута был разрезан так, что его пористая сердцевина служила подушкой или опорой для шеи. Посредине была легкая выемка. Поверхность агавы была очень гладкой. Я лег, почувствовав при этом необычайный комфорт и телесное удовлетворение. Лежа на постели дона Хуана, я ощущал безопасность и завершенность. Несравненный покой охватил мое тело. Подобное чувство я уже испытал однажды, когда дон Хуан сделал мне постель на вершине холма в пустыне северной Мексики. Я заснул.

Проснулся я в конце дня. Роза и Лидия крепко спали, лежа почти на мне. Одну или две секунды я лежал неподвижно, а затем обе девушки одновременно проснулись.

Лидия зевнула и сказала, что они должны были спать вместе со мной, чтобы защитить меня и дать мне возможность отдохнуть. Я сильно проголодался. Лидия отправила Розу на кухню приготовить нам поесть, а сама тем временем зажгла все лампы в доме. Я чувствовал, что знал их или был с ними всю жизнь. Мы молча поели.

Когда Роза убрала со стола, я спросил Лидию, спят ли они все в постели Нагуалья: это была единственная постель в доме, кроме постели доньи Соледад. Как само собой разумеющееся Лидия сказала, что они выехали из этого дома несколько лет назад в свой собственный дом неподалеку отсюда, и что Паблито уехал одновременно с ними и живет теперь с Нестором и Бениньо.

– Что с вами случилось? Я думал, что вы живете все вместе.

– Больше нет, – ответила Лидия. – С тех пор, как ушел Нагуаль, у нас разные задачи. Нагуаль соединил нас, он же и разделил.

– А где Нагуаль сейчас? – спросил я как можно небрежней.

Они посмотрели на меня и переглянулись.

⁶ Maguey

– Но мы не знаем, – ответила Лидия. – Они с Хенаро покинули нас.

Казалось, она говорит правду, но я настаивал, чтобы они рассказали мне все, что им известно.

– Мы действительно ничего не знаем, – огрызнулась Лидия, явно раздраженная моим вопросом. – Они переместились в другую область. Спроси об этом Ла Горду. Она должна тебе кое-что рассказать. Она еще вчера знала, что ты приехал, и мы спешили всю ночь, чтобы застать тебя.

Мы боялись, что ты уже мертв. Нагуаль сказал, что мы должны помогать и верить только тебе. Он сказал, что ты – это он сам.

Она захихикала, закрыв лицо руками, а затем добавила: – Но в это очень трудно поверить.

– Вся беда в том, что мы не знаем тебя, – сказала Роза. – Все мы четверо чувствовали одно и то же. Мы боялись, что ты умрешь, но страшно рассердились, увидев тебя живым. Соледад для нас даже больше, чем мать.

Они обменялись понимающими взглядами. Я мгновенно интерпретировал это как сигнал опасности. В них было что-то недоброе. Лидия заметила внезапное недоверие, должно быть, написанное у меня на лице и начала уверять в своем желании оказывать мне помощь. У меня как будто не было оснований сомневаться в их искренности. Если бы они захотели навредить мне, они могли бы сделать это, когда я спал. Лидия говорила так искренне, что мне стало стыдно за мои подозрения. Я решил раздать привезенные для них подарки и сказал, что в пакетах есть кое-какие безделушки, и они могут выбрать себе, что им понравится. Лидия ответила, что они предпочли бы, чтобы я разделил их сам. Она деликатно добавила, что все будут признательны мне, если я вылечу донью Соледад.

– Что, по-вашему, я должен сделать, чтобы вылечить ее? – спросил я после долгого молчания.

– Используй свой дубль, – безапелляционным тоном ответила она.

Я осторожно попытался объяснить, что донья Соледад едва предательски не убила меня и что я остался в живых только благодаря чему-то такому во мне, что не было ни умением, ни знанием. И то неопределенное, что нанесло ей удар, было реальным, но недостижимым. Иными словами, я мог с таким же успехом помочь донье Соледад, как и слетать на Луну.

Они молча и внимательно слушали меня, оставаясь молчаливыми, но возбужденными.

– А где сейчас донья Соледад? – спросил я Лидию.

– Она с Ла Гордой, – уныло ответила она. – Ла Горда забрала ее и пытается вылечить, но где они – мы не знаем. Это правда.

– А где Хосефина?

– Она пошла искать Свидетеля. Он единственный, кто мог бы вылечить Соледад. Роза считает, что ты знаешь больше Свидетеля, но ты так сердит на Соледад, что желаешь ее смерти. Мы не осуждаем тебя.

Я заверил их, что не сержусь на нее и уж тем более не желаю ее смерти.

– Тогда вылечи ее! – сердитым и высоким тоном сказала Роза. – Свидетель нам говорил, что ты всегда знаешь, что делать, а Свидетель ошибаться не может.

– Черт возьми, да кто такой этот Свидетель?

– Свидетель – это Нестор, – нехотя объяснила Лидия, как бы не желая произносить его имя. – Ты знаешь это. Должен знать.

Я вспомнил, что во время нашей последней встречи дон Хенаро называл Нестора Свидетелем. Тогда я подумал, что это имя было

шуткой или уловкой для смягчения невыносимого напряжения и боли тех последних нескольких минут вместе.

– Это была не шутка, – сказала Лидия твердо, – Хенаро и Нагуаль вели Свидетеля по иному пути. Они брали его с собой повсюду, где бывали сами. Я имею в виду – повсюду! И Свидетель был свидетелем всего, что следовало засвидетельствовать.

Отсутствие взаимопонимания между нами было просто ужасающим. Я попытался объяснить, что был практически чужим для них, так как Дон Хуан держал меня вдали от всех, в том числе от Паблито и Нестора. Все эти годы между нами не было никаких контактов за исключением случайных приветствий. Я знал их только со слов дона Хуана. Хотя я однажды встречался с Хосефиной, но даже не помнил, как она выглядит, а все, что я заметил в Ла Горде, – это ее гигантский зад. Я сказал им, что до вчерашнего дня понятия не имел ни об их ученичестве, ни о том, что Бениньо тоже входил в группу.

Они украдкой переглянулись. Роза открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Лидия шевельнула ногой, подавая ей тайный знак. Я ожидал, что после моих долгих откровений они прекратят тайное общение друг с другом. Мои нервы были настолько взвинчены, что их секреты привели меня в ярость. Я заорал на них во всю силу легких и грохнул по столу кулаком. Роза вскочила с невероятной быстротой, и, я полагаю, в ответ на ее внезапное движение мое тело само по себе, без вмешательства разума, отступило назад. Как раз вовремя, чтобы уклониться на несколько дюймов от удара палкой или каким-то другим тяжелым предметом, который Роза держала в левой руке. Он врезался в стол с оглушительным грохотом.

Как и прошлой ночью, когда донья Соледад душила меня, я слышал позади трахеи у основания шеи своеобразный и таинственный звук, напоминающий сухой треск ломающейся трубки.

В моих ушах раздался хлопок, и с быстротой молнии моя левая рука опустилась на палку Розы и раздавила ее. Я видел эту сцену так, как если бы смотрел кино.

Роза пронзительно вскрикнула, и тут я понял, что наклонился вперед и изо всех сил ударил левым кулаком по тыльной стороне ее ладони. Я был испуган. Чем бы ни было произошедшее со мной – оно не было реальным. Это был ночной кошмар. Роза продолжала вопить. Лидия увела ее в комнату дон Хуана.

Какое-то время до меня еще доносились ее крики, а затем все стихло. Я сел за стол. Мои мысли были бессвязными и хаотичными.

Этот особый звук в основании шеи был чем-то, что я четко осознавал. Дон Хуан описывал его, как звук, производимый человеком в момент изменения скорости. И я смутно припоминал, что уже испытывал этот звук в его присутствии. И хотя прошлой ночью я осознал его, но окончательно понял, что это такое, только после случая с Розой. Я осознал, что этот звук сопровождался необычным ощущением жара на верхнем небе и внутри ушей. Сила и сухость звука напоминали звон большого треснувшего колокола.

Немного погодя вернулась Лидия. Она казалась более спокойной и собранной. Она даже улыбалась. Я попросил ее помочь мне распутать эту загадку и объяснить, что же произошло. После долгих колебаний она сказала мне, что когда я с криком ударил по столу, Роза в нервном возбуждении подумала, что я причиню им вред, и попыталась ударить меня своей «рукой сновидения». Я увернулся от ее удара и стукнул ее по тыльной стороне руки тем же способом, что и донью Соледад. Лидия сказала, что теперь рука Розы будет бездействовать, пока я не найду способа помочь ей.

Затем в комнату вошла Роза. Ее рука была замотана куском ткани. Она взглянула на меня глазами обиженного ребенка. Мои чувства были в полном беспорядке. Какая-то часть меня чувствовала себя неуютно и виновато, тогда как другая оставалась невозмутимой. Если бы не эта моя часть, я бы не смог остаться в живых после нападения доньи Соледад или сокрушительного удара Розы.

После длительного молчания я сказал им, что с моей стороны было мелочным раздражаться на их секретные сообщения друг другу при помощи ног, но что нельзя же сравнивать мой удар по столу с действиями Розы. Поскольку я не был знаком с их практиками, она могла серьезно повредить мою руку своим ударом.

Угрожающим тоном я потребовал, чтобы Роза показала руку. Она нехотя развернула ее. Рука была опухшей и красной. У меня не осталось никаких сомнений в том, что эти женщины испытывали меня в соответствии с замыслом дона Хуана.

Вступая с ними в конфронтацию, я попадал в область, которой было невозможно достичь или принять ее с точки зрения рациональности.

Дон Хуан неоднократно повторял, что рациональность является лишь незначительной частью того, что он называл «целостностью самого себя». Под воздействием незнакомой и совершенно реальной угрозы физического уничтожения мое тело должно было воспользоваться своими скрытыми ресурсами или умереть. Трюк, похоже, заключался в том, чтобы по-настоящему принять возможность существования таких ресурсов и возможность их реального достижения. Годы практики были лишь шагами к достижению такого принятия. Будучи верным своей предпосылке отсутствия компромисса, дон Хуан добивался для меня полной победы или полного поражения. Если бы моя подготовка не привела меня в контакт с моими скрытыми ресурсами, испытание выявило бы это, и тогда я был бы почти бессилен. Дон Хуан сказал донье Соледад, что я бы убил себя. Будучи столь глубоким знатоком человеческой природы, он, вероятно, был прав.

Это был момент для смены направления действий. Лидия сказала, что я мог бы помочь Розе и донье Соледад с помощью той же силы, которая причинила им вред; следовательно, проблема заключалась в воспроизведении правильной последовательности ощущений или мыслей, или чего-то еще, что приводило мое тело к высвобождению этой силы. Я взял руку Розы и начал ее тереть. Мне хотелось ее излечить. Я испытывал к ней наилучшие чувства. Обнимая Розу, я долго гладил ее руку. Я начал гладить ее по голове,

и она в конце концов задремала на моем плече. Но краснота и опухоль ничуть не изменились.

Улыбаясь, Лидия молча наблюдала за мной. Мне хотелось сказать ей, что я бездарный исцелитель. Казалось, ее глаза поймали мое настроение и держали его до тех пор, пока оно не застыло.

Роза хотела спать. Она то ли смертельно устала, то ли была больна. Впрочем, это меня не слишком интересовало. Я взял ее на руки: она оказалась невероятно легкой. Я отнес ее к постели донна Хуана и осторожно уложил. Лидия укрыла ее одеялом. В комнате было очень темно. Я выглянул в окно и увидел безоблачное небо, усеянное звездами. До этой минуты я как-то не помнил, что мы находились на довольно большой высоте.

Когда я взглянул на небо, я вдруг ощутил прилив оптимизма. Казалось, звезды каким-то образом рады мне. Смотреть в юго-восточном направлении было действительно очень приятно.

Внезапно ко мне пришло побуждение, которое я почувствовал необходимым удовлетворить. Я хотел посмотреть, насколько отличается вид неба из комнаты доньи Соледад, обращенной на север. Я взял Лидию за руку, собираясь повести ее туда, но меня остановило щекощущее ощущение на макушке. Оно прошло, как волна ряби, по спине к пояснице, а оттуда – к подложечной ямке. Я сел на циновку и попытался проанализировать свои чувства. Казалось, что с того момента, как я почувствовал щекотку на моей голове, мои мысли уменьшились по интенсивности и количеству. Я пытался, но не мог вовлечь себя в тот обычный умственный процесс, который я называл думаньем.

Мои ментальные упражнения заставили меня забыть о Лидии. Она опустилась передо мной на колени и пристально смотрела на меня до тех пор, пока я не осознал, что ее огромные глаза внимательно разглядывают меня с расстояния в несколько дюймов. Я снова взял ее за руку и повел в комнату доньи Соледад. Когда мы подходили к двери, я почувствовал, что все ее тело оцепенело. Мне пришлось тащить ее. Я уже собирался переступить порог, как вдруг в глаза мне бросилась какая-то громоздкая, напоминающая

человеческое тело масса, лежавшая у стены напротив двери. От неожиданности я ахнул и отпустил Лидию. Это была донья Соледад. Она лежала головой к стене. Я обернулся к Лидии. Та отскочила на пару шагов. Я прошептал, что донья Соледад вернулась, но не услышал звуков своего голоса, хотя был уверен, что произнес эти слова. Я попробовал бы заговорить снова, если бы у меня не было этого побуждения к действию. Похоже было, что слова требовали слишком много времени, а мне его не хватало. Я вошел в комнату и направился к донье Соледад. Видимо, ей было очень плохо. Я опустился перед ней на корточки, но вместо того, чтобы что-то спросить, я приподнял ей голову и посмотрел на нее. На ее лбу я увидел что-то, напоминавшее самодельный пластырь из листьев, темный и липкий на ощупь. Я почувствовал, что обязательно нужно убрать его. Очень уверенно откинув назад ее голову, я сорвал пластырь. Это было похоже на то, как если бы я снял кусок резины. За все это время донья Соледад не пошевелилась и не издала ни звука. На лбу осталось желтовато-зеленое пятно. Оно двигалось, словно было живым и насыщенным энергией. Мгновение я смотрел на него, не зная, что делать дальше. Я коснулся пятна пальцем, и оно пристало к нему как клей.

Как ни странно, оно не только не испугало меня, но даже понравилось. Я растер его кончиками пальцев, и пятно перешло на мою руку. Я встал. Эта липкая субстанция давала ощущение тепла. Какое-то мгновение она напоминала клейкую пасту, а затем высохла у меня на пальцах и ладони. Я вновь почувствовал вспышку понимания и тут же побежал в комнату дон Хуана. Схватив руку Розы, я стер такое же флюоресцирующее желтовато-зеленое вещество с ее руки, как я стер его со лба доньи Соледад.

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва мог стоять на ногах. Хотелось лечь на пол, но что-то во мне толкнуло меня к окну и заставило бежать на месте.

Не знаю, как долго это продолжалось. Внезапно я почувствовал, как что-то трется о мою шею и плечи. Я начал осознавать, что был практически голым и мокрым от пота. Лидия закутала меня куском ткани и вытирала мне пот с лица.

Ко мне сразу же вернулся нормальный процесс мышления. Я осмотрел комнату. Роза крепко спала. Я побежал в комнату доньи Соледад, ожидая найти ее там спящей, но в комнате никого не было. Лидия пришла следом за мной. Я рассказал ей о случившемся. Она бросилась к Розе и начала ее будить, а я в это время одевался. Роза все еще не просыпалась. Лидия схватила ее за поврежденную руку и сжала ее. Одним пружинистым движением Роза вскочила, словно и не спала.

Они заметались по дому, гася лампы. Казалось, они собрались бежать отсюда. Я хотел спросить, к чему такая спешка, но вдруг заметил, что и сам одеваюсь с лихорадочной скоростью.

Теперь мы носились все вместе. Более того, они, казалось, ожидали от меня указаний, что делать дальше.

Мы выбежали из дома, захватив с собой все привезенные мною пакеты. Лидия посоветовала не оставлять их. Я не успел распределить их и поэтому они как бы еще принадлежали мне. Я швырнул их на заднее сидение машины, а обе девушки поместились на переднем, прижавшись друг к другу. Я завел машину и стал медленно выруливать задним ходом, угадывая путь в темноте. Когда мы были уже на дороге, я совершенно растерялся, услышав их заявление: они в один голос сказали, что я – их лидер.

Они сказали, что их действия зависят от моих решений. Я – Нагуаль. Мы не могли просто выбежать из дома и уехать бесцельно. Теперь я должен руководить ими.

Я понятия не имел, ни что делать, ни куда ехать. Повернувшись, я взглянул на них. Их глаза были похожи на зеркала, отражавшие отблеск фар. Я вспомнил, что глаза доня Хуана были такими же: они тоже, казалось, отражали больше света, чем глаза обычного человека.

Я знал: обе девушки осознавали, что я в тупике. Лучше было, наверное, подшутить над собой, чтобы прикрыть свою несостоятельность, но вместо этого я прямолинейно переложил всю ответственность на них.

Я сказал, что мне не хватает практики в роли Нагуаля и буду благодарен им за любое предложение или указание, куда нам следует ехать.

Они, похоже, были возмущены мной. Они поцокали языками и покачали головами. Я быстро прикинул в уме различные варианты действий – отвезти их в город, или в дом к Нестору, или даже взять с собой в Мехико, но ни один из них не был осуществим.

Я остановил машину на пути в город. Больше всего на свете мне хотелось поговорить с ними по душам. Я открыл было рот, но они повернулись лицом друг к другу и положили руки друг другу на плечи. Видимо, это означало, что они замкнулись и не слушают меня.

Я был смертельно расстроен. В это мгновение я страстно желал умения дона Хуана владеть любой ситуацией, его интеллектуальной способности дружеского общения, его юмора. Вместо этого я находился в компании двух дурочек.

Я заметил выражение подавленности на лице Лидии, и это остановило лавину моей жалости к себе. И тут я в первый раз ясно осознал, что нашему взаимному разочарованию нет конца. Видимо, они тоже привыкли к мастерству дона Хуана, хоть он и вел себя с ними иначе, чем со мной. Для них переход от самого Нагуаля ко мне был катастрофическим.

Я долго сидел, не выключая мотора. Затем у меня опять появилась дрожь в теле, которая началась как щекочущее ощущение на макушке. Теперь я знал, что случилось после того, как я вошел в комнату доньи Соледад. Я не видел ее в обычном смысле. То, что я считал доньей Соледад, прижавшейся к стене, фактически было моей памятью о том, как она покинула свое тело в момент моего удара.

Знал я и то, что, коснувшись той липкой флуоресцирующей субстанции, я исцелил ее, и что это была специфическая энергия, оставленная мною на ее голове и на руке Розы, когда я ударил каждую из них.

Перед глазами возник образ какой-то лощины. Я был уверен, что донья Соледад и Ла Горда находятся именно там. Это знание было не предположением, а истиной, не нуждавшейся в подтверждениях. Ла Горда привела донью Соледад на дно этого ущелья, и в этот момент пыталась вылечить ее. Я хотел сказать ей, что больше нет необходимости лечить опухоль на лбу доньи Соледад и что нет нужды оставаться там.

Я описал свое видение девушкам. Обе они сказали, чтобы я не индугировал, как это обычно раньше говорил дон Хуан. Правда, у него подобная реакция была более уместной. Я никогда не чувствовал себя уязвленным его критикой или насмешками, но девушки – это другое дело. Я почувствовал себя обиженным.

– Я отвезу вас домой, – сказал я. – Где вы живете?

Лидия повернулась ко мне и с яростью сказала, что они – мои подопечные и что я должен позаботиться об их безопасности, так как по требованию Нагуаля они отказались от личной свободы, чтобы помочь мне.

Я страшно рассердился. Мне захотелось отшлепать девушек, но тут я опять ощутил эту любопытную дрожь, проходящую сквозь мое тело. Она вновь началась как щекочущее раздражение на макушке, прошла вниз по спине и достигла области пупка. Теперь я знал, где они живут. Щекочущее ощущение было как щит, как мягкая, теплая пелена или пленка. Я ощущал физически, как она окутывает мое тело от паха до нижних ребер. Моя ярость исчезла и сменилась странной трезвостью, отрешенностью и одновременно желанием смеяться. Тут я узнал нечто трансцендентальное. Под натиском действий доньи Соледад и сестричек мое тело прекратило составление мнений (приостановило суждения)⁷. Выражаясь языком дона Хуана, я остановил мир.

Я соединил два несвязанных ощущения: щекочущее раздражение на макушке и звук, похожий на сухой треск в основании шеи. Именно между ними лежало средство к этой приостановке суждений.

⁷ ...my body had suspended judgment. Judgment – здесь - мнение, взгляд, суждение, оценка.

Сидя с двумя девушками в машине на обочине пустынной горной дороги, я знал, как факт, что впервые полностью осознал остановку мира. Это ощущение напомнило мне о другом таком же, самом первом телесном осознании, пережитом много лет назад. Оно имело отношение к щекочущему ощущению на макушке. Дон Хуан говорил, что маги должны культивировать это чувство, и подробно описал его. По его словам, это было нечто вроде зуда, который не был ни приятным, ни болезненным и имел место на самой макушке головы. Чтобы я осознал его на интеллектуальном уровне, он описал и проанализировал его особенности. Затем, пытаясь на практике развить необходимое телесное осознание и память об этом ощущении, он заставлял меня бегать под ветками или скалами, нависшими в нескольких дюймах над моей головой.

Многие годы я пытался следовать его указаниям, но, с одной стороны, был неспособен понять, что кроется под его описанием, а с другой, был неспособен снабдить свое тело соответствующей памятью. Бега под выбранными им для демонстрации ветками или скалами я никогда не ощущал своей макушкой ничего особенного. Но однажды, когда я заезжал на высоком грузовике в трехъярусный гараж, мое тело само открыло это ощущение. Я въехал в ворота гаража с той же скоростью, с какой обычно въезжал на своем маленьком двухместном седане. В результате с высокого сидения грузовика я почувствовал, как поперечная бетонная балка крыши приближается к моей голове. Я не успел остановить грузовик вовремя и чувствовал, что бетонная балка буквально снимает с меня скальп. Я никогда еще не водил такой высокий транспорт, как этот грузовик, поэтому не смог соответствующим образом настроить свое восприятие. Мне казалось, что промежуток между крышей и моей макушкой просто отсутствовал. Я ощущал балку кожей своего черепа. В тот день я ездил внутри гаража часами, давая телу возможность накопить память об этом щекочущем ощущении.

Я повернулся лицом к девушкам и хотел сказать им, что уже знаю, где они живут, но промолчал. Я не представлял, как можно описать, что щекочущее чувство заставило меня вспомнить случайное замечание дона Хуана. Однажды по пути к Паблито мы проходили мимо какого-то дома, и, указав на необычную черту

окружающей обстановки, он заметил, что этот дом – идеальное место для отдыха и расслабления. Я повез их туда.

Дом был довольно велик. Это была такая же постройка из необожженного кирпича с черепичной крышей, как и дом доньи Соледад. Одна длинная комната в передней части дома, крытая кухня – в задней, огромное патио рядом с кухней и загородка для цыплят рядом с патио. Самой важной частью дома была закрытая комната, одна из дверей которой выходила в переднюю, а другая – в патио. Лидия сказала, что ее построили они сами. Я захотел посмотреть ее, но Лидия не позволила, сказав, что сейчас не время. Без Хосефины и Ла Горды она не могла показать мне принадлежащие им части комнаты.

В углу передней комнаты была сооружена кирпичная платформа около восемнадцати дюймов высотой, сделанная как кровать, одним концом примыкающая к стене. Лидия положила на нее несколько толстых соломенных циновок и предложила мне отдохнуть, сказав, что они будут охранять мой сон. Роза зажгла лампу и повесила ее на гвоздь над постелью. Было достаточно света, чтобы писать. Я объяснил им, что записывание снимает с меня напряжение, и спросил, не мешает ли оно им.

– Почему ты спрашиваешь? – ответила Лидия. – Просто делай это!

Самым небрежным тоном я объяснил, что некоторые мои привычки всегда казались странными даже дону Хуану и дону Хенаро, и уж тем более могли показаться странными им.

– Все мы со странностями, – сухо сказала Лидия.

Я сел на постели под лампой, прислонившись спиной к стене. Они легли рядом, по обе стороны от меня. Роза укрылась одеялом и тут же заснула, едва коснувшись головой циновки. Лидия сказала, что теперь мы можем спокойно поговорить, и попросила меня потушить свет, так как он действует на нее усыпляюще.

Наша беседа в темноте касалась главным образом местонахождения двух других девушек. Лидия сказала, что не

представляет себе, где сейчас Ла Горда, но Хосефина, несомненно, все еще разыскивает Нестора в горах, несмотря на темноту. Она пояснила, что Хосефина лучше других может позаботиться о себе в ситуациях, подобных нахождению ночью в пустынном месте, поэтому Ла Горда и отправила ее с этим поручением.

Я сказал ей, что из всего услышанного раньше я понял, что Ла Горда – их лидер. Лидия ответила, что Ла Горда действительно была за старшего и что сам Нагуаль поставил ее во главе. Она добавила, что если бы даже он этого не сделал, то рано или поздно Ла Горда все равно взяла бы верх, потому что она лучше их всех.

Тут мне захотелось зажечь лампу и кое-что записать. Лидия недовольно сказала, что свет усыпляет ее, но я настоял на своем.

– Что делает Ла Горду лучшей? – спросил я.

– У нее больше личной силы, – сказала она. – Она знает все, и, кроме того, Нагуаль научил ее, как управлять людьми.

– Ты завидуешь Ла Горде в том, что она самая лучшая?

– Раньше завидовала, а теперь – нет.

– Почему же ты изменилась?

– В конце концов я приняла свою судьбу, как учил меня Нагуаль.

– А какова твоя судьба?

– Моя судьба... Моя судьба – быть бризом. Быть сновидящей. Моя судьба – быть воином.

– А Роза или Хосефина завидуют Ла Горде?

– Да нет, что ты. Все мы приняли свою судьбу. Нагуаль сказал, что сила придет к нам только после того, как все мы без взаимных упреков примем свою судьбу. Раньше я часто жаловалась и чувствовала себя ужасно, потому, что Нагуаль мне нравился. Я все думала, что я – женщина. Но он показал мне, что это не так. Он

показал мне, что я – воин. Моя жизнь окончилась до того, как я встретила его. То тело, которое ты видишь сейчас, является новым. То же произошло со всеми нами. Может быть ты и не такой, как мы, но для нас Нагуаль был новой жизнью.

Когда он сказал, что собирается покинуть нас, так как ему надо заниматься другими делами, мы думали, что умрем. А посмотри на нас сейчас. Мы живы, и знаешь, почему? Потому что Нагуаль показал нам, что мы – это он сам. Он здесь, с нами. Он всегда будет здесь. Мы – его тело и его дух.

– Вы все четверо чувствуете одинаково?

– Нас не четверо. Мы – одно. Это наша судьба. Мы должны поддерживать друг друга. И ты такой же, как мы. Все мы – одно и то же. И донья Соледад такая же, хотя она и идет в другом направлении.

– А Паблито, Нестор и Бениньо? Как с ними?

– Мы не знаем. Мы не любим их. Особенно Паблито. Он трус. Он не принял свою судьбу и хочет увильнуть от нее. Он даже хочет отказаться от своих шансов стать магом и жить обычной жизнью. Это было бы великолепно для Соледад. Но Нагуаль приказал нам помогать ему. Хотя мы уже устали ему помогать. Может быть, совсем скоро Ла Горда отшвырнет его с пути навсегда.

– Неужели она способна это сделать?

– Способна ли она? Конечно да. Она получила от Нагуаля больше остальных. Может быть, даже больше тебя.

– Как ты думаешь, почему Нагуаль никогда не говорил мне, что вы – его ученицы?

– Потому что ты – пустой.

– Это он сказал, что я – пустой?

– Каждый знает, что ты – пустой. Это написано на твоём теле.

– Написано что?

– У тебя в середине есть дыра.

– В середине моего тела? Где?

Она очень мягко коснулась правой стороны моего живота и пальцем очертила круг, словно обозначая границы невидимой дыры диаметром четыре-пять дюймов.

– А ты сама пустая, Лидия?

– Ты шутишь? Я – полная. Разве ты не видишь этого?

Ее ответы принимали неожиданный оборот. Мне не хотелось раздражать ее своим невежеством, поэтому я утвердительно кивнул.

– Как ты думаешь, почему у меня в середине есть дыра, которая делает меня пустым? – спросил я, после раздумья над тем, какой вопрос будет самым невинным.

Не отвечая, она повернулась ко мне спиной и пожаловалась, что свет лампы режет ей глаза. Я настаивал на ответе. Она вызывающе посмотрела на меня.

– Я не хочу больше разговаривать с тобой. Ты тупой. Даже Паблито не такой тупой, а он хуже всех.

Я не хотел опять попасть в тупик, делая вид, что знаю, о чем идет речь. Поэтому я опять спросил, что вызвало мою пустоту. Я упрасивал ее сказать, горячо уверяя, что дон Хуан никогда не давал мне разъяснений на эту тему. Он постоянно говорил мне, что я пустой, и я понимал его, как понял бы это любой западный человек. Я считал, что он подразумевает отсутствие у меня воли, решительности, целеустремленности и даже ума. Он никогда не упоминал о дыре в моем теле.

– С правой стороны у тебя дыра, – сказала она как само собой разумеющееся. – Дыра, которую сделала женщина, когда опустошила тебя.

– Ты знаешь, кто эта женщина?

– Только ты можешь сказать это. Нагуаль говорил, что мужчины часто не знают, кто опустошил их. Женщины удачливее, они точно знают, кто сделал это с ними.

– Твои сестры тоже пустые, как я?

– Не говори глупостей. Как они могут быть пустыми?

– Донья Соледад сказала, что она пустая. Выглядит ли она подобно мне?

– Нет. Дыра в ее животе была огромна. Она по обе стороны. Это значит, ее опустошили мужчина и женщина.

– Что произошло между доньей Соледад и этими мужчиной и женщиной?

– Она отдала им свою полноту.

Я заколебался, прежде чем задать следующий вопрос. Мне хотелось взвесить все последствия ее заявления.

– Ла Горда была еще хуже, чем донья Соледад, – продолжала Лидия. – Ее опустошили две женщины. Дыра в ее животе была похожа на пещеру. Но она закрыла ее. Она опять полная.

– Расскажи мне про этих двух женщин.

– Я не могу тебе больше ничего сказать, – властно ответила она. – Только Ла Горда может рассказать тебе об этом. Дождись ее прихода.

– Но почему только Ла Горда?

– Потому что она знает все.

– И она – единственная, кто знает все?

– Свидетель знает столько же, может быть, даже больше, но он является самым Хенаро, и с ним очень трудно ладить. Мы не любим его.

– Почему вы его не любите?

– Эти три трутня ужасны. Они такие же ненормальные, как Хенаро. Да они и есть он сам. Они постоянно воют с нами, потому что мстят нам за свой страх перед Нагуалем. Во всяком случае, так говорит Ла Горда.

– Что же заставляет Ла Горду говорить так?

– Нагуаль рассказывал ей вещи, которых не говорил остальным. Она видит. Нагуаль сказал нам, что ты тоже видишь. Хосефина, Роза и я – не видим, тем не менее мы все пятеро – одно и то же.

Фраза «Мы – одно и то же», которой пользовалась донья Соледад прошлой ночью, вызвала у меня лавину мыслей и страхов. Я быстро убрал свой блокнот и огляделся вокруг. Я пребывал в странном мире, лежа в странной постели между двумя молодыми женщинами, которых я не знал. И все же я чувствовал себя довольно легко. Мое тело испытывало непринужденность и безразличие. Я доверял им.

– Ты собираешься спать здесь? – спросил я.

– А где же еще?

– А как насчет твоей собственной комнаты?

– Мы не можем оставлять тебя здесь одного. Мы чувствуем то же, что и ты – ты для нас чужой, если не считать нашей обязанности помогать тебе. Ла Горда сказала, что неважно насколько ты глуп, мы должны ухаживать за тобой. Она говорила, что мы должны спать с тобой в одной постели, как если бы ты был самым Нагуалем.

Лидия погасила лампу. Я продолжал сидеть спиной к стене. Я закрыл глаза, чтобы подумать, но мгновенно заснул.

Лидия, Роза и я сидели на площадке перед дверью около двух часов, с восьми утра. Я пытался втянуть их в беседу, но они отказались разговаривать. Они выглядели расслабленными, почти сонными. Однако их отрешенность не передавалась мне. Сидя в вынужденном молчании, я ушел в собственное настроение. Их дом стоял на вершине небольшого холма; передняя дверь была обращена на восток. С моего места была видна почти вся узкая долина, пролегающая с востока на запад. Городка я не видел, но мне были видны зеленые участки возделанных полей внизу долины. С другой стороны к долине примыкали гигантские круглые обветренные холмы. Высоких гор в окрестности долины не было, только эти огромные холмы, вид которых очень угнетал меня. Мне казалось, что эти холмы собираются перенести меня в другое время.

Лидия внезапно заговорила, и ее голос нарушил мои грезы. Она потянула меня за рукав.

– Сюда идет Хосефина, – сказала она.

Я посмотрел на извилистую тропинку, ведущую из долины к дому. Ярдах в пятидесяти от нас по ней поднималась женщина. Я сразу же отметил значительную разницу в возрасте между Лидией и Розой и приближавшейся незнакомкой. Я снова посмотрел на нее. Судя по походке и осанке ей было не менее пятидесяти. Длинная темная юбка подчеркивала ее худобу.

Женщина несла на спине вязанку хвороста. К ее поясу был приторочен какой-то узел. Было похоже, что она несла на левом боку ребенка. Казалось, она кормила его грудью во время ходьбы. Ее поступь была почти немощной. Она с трудом одолела последний крутой подъем перед домом. Когда она наконец остановилась в нескольких шагах от нас, то дышала так тяжело, что я попытался помочь ей сесть. Она сделала жест, по-видимому, означавший, что все в порядке. Я слышал, как Лидия и Роза хихикают. Я не посмотрел на них, так как все мое внимание целиком было захвачено этой женщиной.

Я никогда не видел более отвратительного и мерзкого существа, чем она. Отвязав вязанку хвороста, она с грохотом

сбросила ее на пол. Я непроизвольно отпрыгнул, как из-за шума, так и потому, что под тяжестью дров женщина чуть не упала мне на колени.

Она бросила на меня взгляд и опустила глаза, казалось смущенная своей неловкостью. Выпрямив спину, она вздохнула с явным облегчением. Видимо, охалка была слишком тяжелой для ее старого тела.

Когда она встряхнула руками, прядь волос выбилась из-под грязной темно-коричневой повязки, завязанной на лбу. У нее были длинные седые волосы, выглядевшие грязными и спутанными.

Она улыбнулась мне и слегка кивнула. Все ее зубы, наверное, выпали. Видна была только черная яма беззубого рта. Она прикрыла лицо рукой и засмеялась. Затем сбросила сандалии и вошла в дом, не дав мне сказать ни слова. Роза направилась следом.

Я был опарашен. Со слов доньи Соледад я считал, что Хосефина примерно того же возраста, что и Лидия с Розой. Я повернулся к Лидии. Она внимательно смотрела на меня.

– Я понятия не имел, что она такая старая, – сказал я.

– Да, она старовата, – сказала Лидия, словно это было совершенно естественно.

– Разве у нее есть ребенок? – спросил я.

– Да, она повсюду таскает его за собой и никогда не оставляет его с нами. Она все боится, что мы собираемся его съесть.

– Это мальчик?

– Мальчик.

– Сколько ему лет?

– Он у нее уже довольно давно. Но я не знаю точно, сколько ему лет. Мы считали, что в ее возрасте не стоило бы иметь ребенка. Но она не обращает на нас внимания.

– Чей это ребенок?

– Хосефины, конечно.

– Я имел в виду, кто его отец?

– Нагуаль, кто же еще?

Ситуация была явно нелепой и неприятно действующей на нервы.

– Я полагаю, что в мире Нагуаля возможно все, – сказал я.

Это были скорее мысли вслух, чем комментарий для Лидии.

– Еще бы! – сказала она и засмеялась.

Гнетущая атмосфера этих обветренных холмов стала совершенно невыносимой. В этой местности воистину было что-то вызывающее отвращение, а Хосефина стала последним ударом. Вдобавок к уродливому, старому, зловонному телу и отсутствию зубов, видимо, у нее был еще и паралич каких-то лицевых мышц. Нервы левой стороны ее лица, судя по всему, были повреждены, что очень неприятно деформировало ее левый глаз и левую половину рта.

Мое угнетенное настроение переросло в настоящую муку. Какое-то время я забавлялся с идеей, к тому времени ставшей мне хорошо знакомой, идеей того, чтобы побежать к машине и уехать прочь.

Я пожаловался Лидии, что плохо себя чувствую. Она засмеялась и заметила, что меня, безусловно, испугала Хосефина.

– Она на всех так действует, – сказала Лидия. – Все ненавидят ее характер. Она противнее таракана.

– Помню, я как-то видел ее, но тогда она казалась молодой.

– Все меняется, – философски произнесла Лидия. – Так или иначе. Посмотри на Соледад. Какая перемена, а? И ты изменился. Я

помню тебя менее массивным. Ты все больше становишься похожим на Нагуаля.

Мне хотелось сказать, что перемена Хосефины была отвратительной, но испугался, что она услышит меня. Я посмотрел на обветренные холмы на противоположной стороне долины. Мне как будто хотелось сбежать от них.

– Нагуаль дал нам этот дом, – сказала Лидия, – но он не предназначен для отдыха. У нас был другой дом, который был действительно прекрасен. Это место для увеличения энергии. Эти горы там сведут тебя с ума.

Уверенность, с которой она читала мои чувства, дала мне передышку. Я не знал, что сказать.

– Мы все по натуре ленивы и не любим напрягаться, – продолжала она. – Нагуаль знал это и, должно быть, понимал, что это место заставит нас лезть на стены.

Резко встав, она сказала, что хочет есть. Мы прошли на кухню, отгороженную только двумя стенами. В открытом конце ее, справа от двери, была глиняная печь; в другом конце, где стенки образовывали угол, находилась большая площадка для еды с длинным столом и тремя скамейками. Пол был вымощен галькой. Плоская крыша находилась на высоте около десяти футов и опиралась на обе стены и на толстые брусья с открытых сторон.

Лидия положила мне из горшка миску бобов с мясом, приготовленных на медленном огне, и подогрела несколько небольших лепешек. Вошла Роза, села рядом со мной и попросила Лидию дать еды и ей.

Я погрузился в наблюдение за тем, как Лидия большим черпаком набирала бобы и мясо. Создавалось впечатление, что она на глаз отмеряет точную порцию. Она, должно быть, заметила, что я восхищен ее манипуляциями. Отобрав два или три боба из миски Розы, она положила их обратно в горшок, и в этот момент я краем глаза заметил входящую Хосефину. Посмотреть на нее я не решился.

Она села напротив меня. Я почувствовал тошноту. Я понимал, что не смогу есть, пока эта женщина смотрит на меня. Пытаясь снять напряжение, я шутливо сказал, что в миске у Розы оказалось еще два лишних боба, а она и не заметила. Лидия отделила два боба с точностью, заставившей меня задохнуться от изумления. Я нервно засмеялся, зная, что как только Лидия сядет, я вынужден буду оторвать взгляд от печки и повернуться к Хосефине.

В конце концов мне пришлось нехотя взглянуть на Хосефину. Наступила мертвая тишина. Я недоверчиво уставился на нее. От удивления я раскрыл рот и услышал громкий смех Лидии и Розы. Мне понадобилось немало времени для приведения своих мыслей и чувств в относительный порядок.

Напротив меня сидела не та Хосефина, которую я видел совсем недавно, а очень хорошенькая девушка. Черты ее лица не были индейскими, как у Лидии и Розы; она скорее походила на женщину латинской расы. У нее был светло-оливковый цвет лица, очень маленький рот и прекрасный точеный нос, мелкие белые зубы и коротко подстриженные вьющиеся черные волосы. Кроме того, у нее на левой щеке была ямочка, придававшая ее улыбке определенную дерзость.

Это была та девушка, которую я мельком видел несколько лет назад. Она стерпела мой пристальный осмотр. Выражение ее глаз было дружелюбным. Мною постепенно овладела неконтролируемая нервозность. В конце концов я стал корчить из себя шута, отчаянно изображая неподдельное замешательство.

Они смеялись, как дети. Когда их смех стих, я попросил рассказать о цели маскарада Хосефины.

– Она практикует искусство сталкинга, – сказала Лидия. – Нагуаль научил нас вводить людей в заблуждение, чтобы они не обращали на нас внимания. Хосефина очень хорошенькая, и когда она ходит ночью одна, никто к ней не пристанет, если она будет выглядеть безобразной и старой. Но если она становится сама собой, ты и сам знаешь, что может произойти.

Хосефина утвердительно кивнула головой, и вдруг ее лицо исказилось безобразной гримасой.

– Она может ходить с таким лицом целый день, – сказала Лидия.

Я возразил, что если бы жил неподалеку, то скорее обратил бы больше внимания на Хосефину из-за ее маскировки, чем если бы она была без нее.

– Этот обман был рассчитан на тебя, – сказала Лидия, и все трое рассмеялись. – Посмотри, как она тебя запутала. Ты обратил больше внимания на ребенка, чем на нее.

Лидия прошла в комнату, вынесла оттуда тряпичный сверток, похожий на запеленатого ребенка и бросила на стол передо мной. Я расхохотался вместе с ними.

– Вы все умеете создавать такие обманчивые внешности?

– Нет, только Хосефина. Никто в округе не знает, какая она на самом деле, – ответила Лидия. Хосефина кивнула мне и молча улыбнулась. Она мне страшно понравилась. В ней было что-то простодушное и милое.

– Скажи что-нибудь, Хосефина, – сказал я, взяв ее за предплечья.

Она смущенно посмотрела на меня и отпрянула. Я решил, что, причинил ей боль. Я отпустил ее. Она выпрямилась, скривила свой маленький ротик и разразилась невероятным ворчанием и визгом. Неожиданно ее черты изменились. Серия безобразных неконтролируемых спазмов исказила лицо, только что бывшее таким спокойным.

Я с ужасом смотрел на нее. Лидия потянула меня за рукав.

– Зачем ты испугал ее, болван? – прошептала она. – Разве ты не знаешь, что она онемела и вообще перестала говорить?

Хосефина, очевидно, поняла ее и, казалось, стала протестовать. Она погрозила Лидии кулаком и вновь разразилась очень громкими и устрашающими воплями, а потом поперхнулась и закашлялась. Роза начала растирать ей спину. Лидия хотела ей помочь, но Хосефина чуть не ударила ее по лицу.

Лидия села рядом со мной и беспомощно пожала плечами.

– Она такая, – шепнула она мне. Хосефина повернулась к ней. Ее лицо было искажено безобразной гневной гримасой. Она открыла свой рот и на пределе голоса проревела какие-то очень пугающие гортанные звуки.

Лидия соскользнула со скамейки и незаметно покинула кухню. Роза держала Хосефину за руки. Хосефина, казалось, была олицетворением ярости. Она кривила свой рот и гримасничала. За считанные секунды она потеряла всю прелесть и простодушие, так очаровавшие меня. Я не знал, что делать. Я попытался попросить прощения, но нечеловеческие вопли Хосефины заглушили меня. Наконец Роза увела ее в дом.

Лидия вернулась и села напротив меня.

– У нее здесь что-то не в порядке, – сказала она, прикасаясь к голове.

– Когда это случилось?

– Давно. Нагуаль, должно быть, что-то сделал с ней, потому что она внезапно перестала говорить.

Лидия казалась опечаленной. Я подумал даже, что ей вовсе не хотелось, чтобы я это заметил, печаль обнаружилась помимо ее воли. Я готов был сказать ей, что не стоит так бороться с собой, пытаюсь скрыть свои эмоции.

– Как Хосефина общается с вами? Пишет?

– Прекрати говорить глупости. Она не пишет. Она – не ты. Она с помощью рук и ног говорит нам все, что хочет.

Хосефина и Роза вернулись на кухню и встали возле меня. Я подумал, что Хосефина опять кажется образцом простодушия и доброжелательности. Ее чарующее спокойствие не давало ни малейшего повода считать, что она могла быть такой безобразной и такой жесткой. Глядя на нее, я вдруг понял, что ее невероятные способности к жестикуляции вызваны потерей речи. Я подумал, что столь искусным в имитации может быть лишь человек, утративший дар словесного общения.

По словам Розы, Хосефине очень хотелось опять заговорить, так как я ей очень понравился.

– Пока ты не появился, она была счастлива и так, – резко сказала Лидия.

Хосефина кротко кивнула, подтверждая слова Лидии, и издала короткий ряд звуков.

– Мне бы хотелось, чтобы здесь была Ла Горда, – сказала Роза.
– Лидия всегда раздражает Хосефину.

– Мне этого совсем не хочется, – запротестовала Лидия.

Хосефина улыбнулась ей и протянула руку, пытаясь коснуться ее. Казалось, она хочет примирения. Лидия резко оттолкнула ее руку.

– Да ну тебя, немая идиотка, – пробормотала она.

Хосефина не рассердилась. Она смотрела вдаль. В ее глазах было столько печали, что было больно смотреть. Я чувствовал себя обязанным вступить за нее.

– Ей кажется, что она единственная женщина в мире, у которой есть проблемы, – раздраженно бросила Лидия. – Нагуаль велел нам обращаться с ней круто и без снисхождения, пока она не перестанет чувствовать жалость к самой себе.

Роза посмотрела на меня и кивком подтвердила сказанное.

Повернувшись к Розе, Лидия велела ей отойти от Хосефины. Роза послушно отошла и села на скамейку рядом со мной.

– Нагуаль сказал, что в один прекрасный день она снова заговорит, – сказала мне Лидия.

– Эй! – сказала Роза, дергая меня за рукав. – Может, это ты поможешь ей заговорить?

– Да! – отозвалась Лидия, словно у нее мелькнула та же мысль. – Может быть, ради этого мы и должны были ждать тебя.

– Ну, конечно же! – воскликнула Роза с выражением истинного озарения.

Они вскочили и стали обнимать Хосефину.

– Ты снова будешь говорить! – кричала Роза, встряхивая Хосефину за плечи.

Хосефина открыла глаза и начала вращать ими. Она издавала приглушенные вздохи, похожие на всхлипы, а потом заметалась из стороны в сторону, крича, как животное. Ее возбуждение было таким сильным, что она, казалось, не могла сжать челюсти. Я искренне думал, что она находится на грани нервного расстройства. Лидия и Роза подбежали к ней и стали помогать ей закрыть рот. Но они не пытались успокоить ее.

– Ты снова будешь говорить! – кричали они. – Ты снова будешь говорить!

От криков, стонов и всхлипов Хосефины у меня по коже прошел озноб. Я был совершенно сбит с толку и решил попытаться поговорить с ними спокойно. Я взывал к их разуму, но вдруг до меня дошло, что его у них – по моим стандартам – было крайне мало. Я расхаживал перед ними по кухне взад-вперед, пытаюсь сообразить, что же мне делать.

– Поможешь ты ей или нет? – требовала Лидия.

– Ну пожалуйста, сэр, пожалуйста, – умоляла меня Роза.

Я сказал им, что они сошли с ума, и я просто не представляю, что надо делать. Но говоря это, я обнаружил вдруг в глубине своего разума странное чувство оптимизма и уверенности. Сначала я хотел отбросить его, но оно завладело мною. Однажды у меня уже было подобное переживание, когда одна моя близкая подруга была смертельно больна. Мне казалось, что смогу помочь ей выздороветь и выйти из больницы, где она умирала. Я даже консультировался по этому поводу с доном Хуаном.

– Точно. Ты можешь вылечить ее и вырвать из лап смерти, – сказал он.

– Как? – спросил я.

– Это очень просто, – начал он. – Ты только должен напомнить ей, что она неизлечимо больна. Так как это крайний случай, то у нее есть сила. Ей больше нечего терять. Она уже потеряла все. Когда человеку нечего терять, он становится отважным. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

– Но разве одного напоминания достаточно?

– Нет. Но это даст ей необходимую поддержку. Затем она должна оттолкнуть болезнь левой рукой. Она должна толкать вперед свою левую руку, сжатую в кулак, как бы держась за дверную ручку. Она должна с усилием толкать и толкать ее, говоря болезни: «Прочь, прочь, прочь». Скажи, что поскольку ей больше ничего не остается, она должна посвятить каждую секунду оставшейся жизни выполнению этого движения. Я уверяю тебя, что она сможет выкарабкаться, если захочет.

– Это звучит так просто.

Дон Хуан хмыкнул.

– Это кажется простым, – сказал он. – Но это не так. Чтобы сделать это, твоей подруге необходим безупречный дух.

Он долго смотрел на меня, как будто пытаюсь измерить тревогу и печаль, которые я испытывал по отношению к своей подруге.

– Правда, если бы у твоей подруги был безупречный дух, – добавил он, – то она бы там не оказалась.

Я передал ей то, что сказал мне дон Хуан. Но она была уже слишком слаба даже для того, чтобы попробовать двигать рукой.

В случае же с Хосефиной моя уверенность основывалась на том, что она была воином с безупречным духом. Я размышлял, нельзя ли и ей применить то же самое движение рукой.

Я сказал Хосефине, что ее неспособность говорить вызвана какой-то блокировкой.

– Да, да, это блокировка, – повторяли Лидия и Роза вслед за мной.

Я объяснил Хосефине движение рукой и сказал ей, что она должна вытолкнуть эту блокировку, двигая рукой таким образом.

Глаза Хосефины застыли. Видимо, она находилась в трансе и шевелила губами, производя едва слышные звуки. Она попыталась двинуть рукой, но была так возбуждена, что размахивала ею без всякой координации. Я попытался скорректировать ее движения, но она, похоже, находилась в состоянии настолько помраченном, что даже не слышала моих слов. Ее глаза расфокусировались и я понял, что она находится на грани потери сознания. Роза, по-видимому, осознавала происходящее: она отпрыгнула в сторону, схватила чашку с водой и плеснула ее Хосефине в лицо. Глаза Хосефины закатились, обнажив белки. Она долго моргала, пока смогла сфокусировать их снова. Она шевелила губами, но не могла произнести ни звука.

– Коснись ее горла! – закричала мне Роза.

– Нет! Нет! – в ответ закричала Лидия. – Коснись ее головы! Это у нее в голове, ты, болван!

Она схватила меня за руку, и я неохотно дал ей положить ее на голову Хосефины.

Хосефина задрожала и с трудом издала серию слабых звуков. Они показались мне более мелодичными, чем те нечеловеческие вопли, которые она производила раньше.

Роза, кажется, тоже заметила разницу.

– Ты слышишь? Ты слышишь это? – шепотом спросила она.

Но тут Хосефина издала серию еще более гротескных звуков, чем раньше. Успокоившись, она коротко всхлипнула и затем снова вошла в состояние эйфории. В конце концов Лидия и Роза успокоили ее. Совершенно изможденная, она уселась на скамейку, с трудом подняла веки, взглянула на меня и кротко улыбнулась.

– Мне очень, очень жаль, – сказал я, беря ее за руку.

Задрожав всем телом, она опустила голову и снова начала плакать. Я ощутил волну горячего сочувствия к ней. В этот момент я бы отдал жизнь, чтобы помочь ей.

Она сдавленно всхлипывала, пытаясь заговорить со мной. Лидия и Роза, по-видимому, были так захвачены ее драмой, что непроизвольно повторяли ее гримасы.

– Ради всего святого, сделай что-нибудь! – воскликнула Роза умоляюще.

Я испытал невыносимую тревогу. Хосефина поднялась и обняла меня, или, пожалуй, неистово вцепившись в меня, рванула прочь от стола. В этот момент Лидия и Роза с удивительным проворством и скоростью обеими руками схватили меня за плечи, одновременно делая мне подсечку. Вес тела Хосефины, повисшей на мне, плюс быстрота маневра Лидии и Розы заставили меня потерять равновесие. Все они двигались одновременно, и, прежде чем я понял, что произошло, повалили меня на пол так, что Хосефина оказалась сверху. Я чувствовал ее сердцебиение. Она прижалась ко мне с такой силой, что стук ее сердца отдавался у меня в ушах. Я

ощущал его биение буквально в собственной груди и попытался оттолкнуть ее, но она держалась крепко. Лидия и Роза придавили к полу мои руки и ноги, навалившись всей тяжестью своих тел. Роза хихикнула, как ненормальная и стала покусывать мой бок. Ее маленькие острые зубы лязгали, ее рот кусал, открываясь и закрываясь в нервных спазмах.

Я чувствовал смесь боли, физического отвращения и ужаса. Я задыхался. Мои глаза вышли из фокуса. Я знал, что на этот раз мне конец. Внезапно я вновь «услышал» сухой треск ломающейся трубки в основании шеи, и знакомое щекочущее чувство, появившееся на макушке головы, дрожью пробежало по всему телу.

В следующее мгновение я увидел всю сцену с другой стороны кухни. Девушки, лежа на полу, пристально смотрели на меня.

– Вы что делаете, люди? – сказал кто-то громко и властно.

Тут у меня появилось невероятное ощущение. Я чувствовал, что Хосефина отпустила меня и встала. Я лежал на полу, и в то же время стоял на некотором расстоянии от них, глядя на только что переступившую порог незнакомую женщину. Она пошла по направлению ко мне и остановилась в шести-семи футах. Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня. Я мгновенно понял, что это и есть Ла Горда. Она хотела знать, что здесь происходит.

– Мы только что сыграли с ним небольшую шутку, – вдруг сказала Хосефина, прочищая горло. – Я изображала из себя немую.

Трое девушек сгрудились вместе и начали смеяться. Ла Горда бесстрастно смотрела на меня.

Они разыгрывали меня! Моя глупость и доверчивость показались мне настолько непростительными, что у меня начался почти неконтролируемый приступ истерического смеха. Мое тело задрожало.

Я знал, что Хосефина не просто шутила, как она заявила только что. Они явно преследовали какую-то цель. Я физически

ощущал тело Хосефины как какую-то силу, стремившуюся проникнуть внутрь моего тела.

То, что Роза покусывала мой бок, было явной уловкой для отвлечения моего внимания – это совпало с ощущением, что сердце Хосефины начинает биться у меня в груди.

Я слышал, как Ла Горда убеждает меня успокоиться.

В средней части тела я почувствовал какую-то нервную вибрацию, а потом нахлынула волна спокойного холодного гнева. Я ненавидел их. С меня было достаточно. Я собирался подобрать куртку и блокнот и уйти из дома, хотя еще не полностью пришел в себя. Мне было немного дурно, чувства были расстроены. У меня сохранилось ощущение, что когда я впервые взглянул на девушек через кухню, я на самом деле смотрел на них с высоты, большей уровня моих глаз, откуда-то из-под крыши.

Но еще больше сбивало с толку то, что я теперь точно знал, что щекочущее ощущение на макушке головы и было тем, что вырвало меня из объятий Хосефины. Это было не так, как если бы что-то вышло из моей макушки, – что-то действительно вышло оттуда.

Несколько лет назад дон Хуан и дон Хенаро манипулировали моим восприятием, и у меня появилось невероятное двойственное ощущение: я чувствовал, что дон Хуан навалился на меня и прижимает к земле, и одновременно ощущал, что продолжаю стоять. Я был действительно в двух местах сразу. На языке магов я мог бы сказать, что мое тело сохранило память об этом двойственном восприятии и, по-видимому, воспроизвело его. Однако на этот раз к моей телесной памяти добавились два новых аспекта. Первым было то, что щекочущее чувство, которое я начал осознавать во время моих столкновений с этими женщинами, было тем средством, которое приводило к этому двойному восприятию. Вторым – звук в основании шеи, высвобождавший во мне нечто, способное выходить из макушки моей головы.

После одной или двух минут я ясно почувствовал, что спускаюсь из-под потолка, пока не оказался стоящим на полу. Потребовалось некоторое время, чтобы мои глаза настроились на

нормальный уровень видения. Когда я посмотрел на четырех женщин, я почувствовал себя обнаженным и уязвимым. Неожиданно возникло чувство несвязанности или отсутствия непрерывности восприятия. Было такое впечатление, словно я закрыл глаза, и какая-то сила заставила меня обернуться пару раз вокруг своей оси. Когда я открыл глаза, девушки стояли и с открытыми ртами смотрели на меня. Однако каким-то образом я снова был самим собой.

Глава 3. Ла Горда

Прежде всего, в облике Ла Горды привлекали внимание глаза – очень темные и спокойные. Она, видимо, изучала меня с головы до пят. Ее глаза прошлись по моему телу так, как это обычно делал дон Хуан. Они имели то же спокойствие и силу. Я понял, почему она самая лучшая. Мне пришла в голову мысль, что дон Хуан, должно быть, оставил ей свои глаза.

Она была чуть выше остальных девушек. Когда она повернулась к ним, я отметил ее худощавое смуглое тело великолепную спину и изящные линии ее широких плеч.

Она что-то сказала повелительным тоном, и все трое сели на скамейку прямо за ней. Заслонив их своим телом, она снова повернулась лицом ко мне.

Она была очень серьезна, но без капли мрачности или суровости. Хотя она не улыбалась, но явно была дружественной. Я отметил ее приятные черты: лицо хорошей формы, не угловатое и не круглое, маленький рот с тонкими губами, широкий нос, высокие скулы и черные как смоль длинные волосы.

Я не мог не отметить ее прекрасные мускулистые руки, сцепленные перед собой над областью пупка. Тыльной стороной руки были повернуты ко мне. Я видел, как мускулы ритмично сокращались, когда она сжимала свои ладони.

Она была одета в длинное хлопчатобумажное вылинявшее платье оранжевого цвета с длинными рукавами и коричневую шаль. В ней было что-то ужасно успокаивающее и завершенное. Я ощутил присутствие дона Хуана. Мое тело расслабилось.

– Садись, садись. – Убеждающе сказала она.

Я вернулся к столу. Она показала мне куда сесть, но я остался стоять. Она впервые улыбнулась и ее глаза стали мягкими и

сияющими. Она была не так хороша, как Хосефина, и все же была прекрасней всех.

Мы немного помолчали. Объясняя, она сказала мне, что с тех пор как ушел Нагуаль, они делали лучшее, на что были способны и что благодаря своей самоотверженности они свыклись с поставленной доном Хуаном задачей.

Я не вполне понимал смысл ее слов, но когда она заговорила, я более чем когда-либо ощутил присутствие дон Хуана. Это не означало, что она копирует манеры дон Хуана или подражает его голосу. Просто она обладала внутренним контролем, благодаря которому действовала так же как дон Хуан. Их сходство было чисто внутренним.

Я сказал ей, что приехал сюда в надежде на помощь Паблито и Нестора, потому что я то ли слишком медлителен, то ли просто глуп в понимании путей магов. Я был искренним, но все обходились со мной почему-то злобно и вероломно.

Она начала извиняться, но я не дал ей закончить. Взяв свои вещи, я вышел из дома. Она побежала за мной. Не мешая мне собираться, она быстро говорила, как будто должна была до моего отъезда успеть сказать все, что хотела.

Она сказала, что я должен выслушать ее и что она вынуждена ехать со мной до тех пор, пока не передаст все, что Нагуаль поручил ей сообщить мне.

– Я еду в Мехико, – сказал я.

– Если будет нужно, я поеду с тобой и в Лос-Анджелес, – ответила она.

Я понял, что это правда.

– Прекрасно, – сказал я, испытывая ее. – Садись в машину. После секундного колебания она молча остановилась и повернулась лицом к дому. Хлопком сведя ладони, она прижала их к низу

живота. Затем повернувшись лицом к долине, она проделала то же самое.

Я знал, что она делает. Она прощалась со своим домом и окружающими его, внушающими благоговейный страх, круглыми холмами. Несколько лет назад дон Хуан научил меня этому прощальному жесту. Он подчеркивал, что это исключительно мощный жест и воин должен использовать его экономно. Я воспользовался им всего дважды.

Прощальное движение Ла Горды несколько отличалось от того, которому учил меня дон Хуан. Он говорил, что руки складывают как при молитве, либо осторожно, либо с большой скоростью, в каждом случае схлопывая ладони. В обоих вариантах хлопок должен был захватить чувство, которое воин не хотел оставлять позади. Когда сложенные руки захватили это чувство, их с большой силой направляли к груди на уровне сердца. Там это чувство становилось «кинжалом» и воин вонзал его в себя, как бы держа обеими руками.

Дон Хуан говорил мне, что воин так прощается лишь в том случае, когда у него есть основания считать, что он может не вернуться назад.

Прощание Ла Гордыхватило меня.

– Ты прощаешься? – спросил я из любопытства.

– Да, – сухо ответила она.

– Ты не прикладываешь руки к груди?

– Это делают мужчины. У женщин есть матка. Они хранят свои чувства там.

– Не должна ли ты прощаться так только тогда, когда не вернешься назад?

– Может, я и не вернусь, – ответила она. – Я еду с тобой.

Я почувствовал прилив непонятной печали, непонятной потому, что я совсем не знал этой женщины. На ее счет у меня были лишь сомнения и подозрения. Но, посмотрев в ее чистые глаза, я почувствовал свою исключительную близость с ней. Я смягчился. Мой гнев исчез и уступил место странной печали. Оглядевшись, я понял, что эти огромные круглые таинственные холмы разрывают меня на части.

– Эти холмы – живые, – сказала она, прочитав мои мысли.

Повернувшись к ней, я сказал, что и местность, и женщины повлияли на меня на каком-то очень глубоком уровне, – уровне, которого я в обычных условиях не мог представить себе. Я даже не мог сказать, что действовало более опустошительно – местность или женщины. Атаки женщин были прямыми и ужасающими, но эти холмы вызывали постоянное, изводящее опасение, желание спастись от них бегством. Когда я рассказал об этом Ла Горде, она отметила, что я очень точно определил эффект этого места, и что Нагуаль оставил их здесь именно поэтому. Я никого не должен винить в случившемся, так как сам Нагуаль приказал этим женщинам попытаться уничтожить меня.

– И тебе тоже он отдал подобный приказ? – спросил я.

– Нет. Я отличаюсь от них, – сказала она. – Они – сестры. Они – одно и то же, в точности одно и то же. Так же как Паблито, Нестор и Бениньо – одно и то же. Только ты и я можем быть одним и тем же. Сейчас это не так, потому что ты еще не полный. Но однажды мы станем одним и тем же, в точности одним и тем же.

– Мне сказали, что ты – единственная, кто знает, где Нагуаль и Хенаро сейчас, – сказал я.

Внимательно посмотрев на меня, она утвердительно кивнула.

– Это верно, – сказала она. – Я знаю, где они. Нагуаль велел мне взять тебя туда, если я смогу.

Я предложил ей не ходить вокруг да около, а немедленно открыть мне их точное местонахождение. Казалось, мое требование

ошеломило ее. Извинившись, она заверила меня, что расскажет все позже, в дороге. Она умоляла не расспрашивать о них, так как получила строгие указания ничего не говорить до наступления подходящего момента.

Лидия и Хосефина подошли к двери и уставились на меня. Я поспешно забрался в машину. Когда Ла Горда садилась следом, было похоже, что она входила в пещеру. Она словно заползала в нее. Дон Хуан обычно поступал так же. Однажды, после многократного наблюдения за тем, как он это делает, я шутливо сказал ему, что функциональнее было бы делать это так, как делаю я. Я полагал, что этот странный способ садиться связан с недостатком его знакомства с автомобилями. Он объяснил мне, что машина является пещерой и что в пещеры следует входить именно так, если мы намерены пользоваться ими. Пещерам, естественным или искусственным, присущ особый дух и к этому духу следует приближаться с уважением. Вползание – единственный способ продемонстрировать это уважение.

Я колебался, можно ли спросить Ла Горду о том, не дон Хуан ли рассказал ей о таких деталях, но она заговорила первой. Она сказала, что Нагуаль дал ей специальные инструкции на случай, если я останусь в живых после атаки доньи Соледад и трех девушек. Затем она вскользь заметила, что перед поездкой в Мехико мы должны побывать в одном особом месте в горах, куда обычно ходили мы с доном Хуаном. Там она и сообщит мне информацию, которую Нагуаль никогда прежде мне не открывал.

Мгновение я колебался, а затем что-то во мне, не имевшее отношения к разуму, заставило меня ехать к горам. Мы ехали в полном молчании. Я несколько раз пытался завязать разговор, но она каждый раз останавливала меня энергичным качанием головой. Наконец она устала от моих попыток и с нажимом сказала: то, что она должна сообщить, будет сказано только на месте силы и мы, пока не доедем туда, должны воздерживаться от опустошающих бесполезных разговоров.

После долгой езды и утомительной ходьбы в сторону от дороги мы, наконец, достигли места силы. Было уже далеко за полдень. Мы

были в глубоком каньоне. На дне его было уже темно, хотя солнце еще освещало вершины гор над ним. Мы подошли к неглубокой пещере, которая находилась на северной стороне пролежавшего с востока на запад каньона на высоте нескольких футов. Я хорошо знал это место. Обычно мы с доном Хуаном проводили здесь много времени.

Перед тем, как войти в пещеру, Ла Горда тщательно подмела пол ветками, как это обычно делал и дон Хуан, очищая камни от клещей. Затем она нарвала большую охапку веточек с мягкими листьями с окружающих кустов и разложила их на каменном полу в качестве подстилки.

Она жестом пригласила меня войти. Из уважения я всегда пропускал вперед дона Хуана. То же я хотел сделать и по отношению к ней, но она отклонила мое предложение, сказав, что Нагуаль – я. Я вполз в пещеру так же, как она вползала в машину, и засмеялся над своей непоследовательностью. Мне казалось нелепым обращаться с машиной как с пещерой.

Она предложила мне расслабиться и устроиться поудобнее.

– Причина, по которой Нагуаль не мог раскрыть тебе все свои планы, заключается в том, что ты не полный, – внезапно сказала она. – И ты все еще остаешься таким, но сейчас, после схваток с доньей Соледад и сестричками ты стал сильнее, чем раньше.

– Что значит быть неполным? Все говорят, что только ты можешь объяснить это, – сказал я.

– Это очень просто, – ответила она. – Полный человек – это тот, кто никогда не имел детей.

Она сделала паузу, как бы давая мне время записать сказанное. Я поднял глаза от своих заметок. Она внимательно смотрела на меня, оценивая эффект от своих слов.

– Я знаю, что Нагуаль говорил тебе то же, что говорю я, – продолжала она, – но ты не обратил никакого внимания на его слова, как, думаю, не обратишь теперь и на мои.

Я вслух прочел то, что записал, и повторил сказанное. Она хихикнула.

– Нагуаль сказал, что неполный человек – это человек, у которого есть дети, – раздельно, словно диктуя, сказала она.

Она внимательно посмотрела на меня, ожидая вопроса или замечания. Я молчал.

– Теперь я рассказала тебе все о том, что значит быть полным и неполным, – продолжила она. – И я рассказала тебе это точно так же, как мне – Нагуаль. Это ничего не значило для меня тогда, как ничего не значит для тебя сейчас.

Я невольно рассмеялся над тем, как она копирует дона Хуана.

– У неполного человека дыра в животе. Маг может видеть эту дыру так же ясно, как ты видишь мою голову. Когда дыра находится с левой стороны живота, то ребенок, который произвел эту дыру, имеет тот же пол. Если же она находится справа, то ребенок противоположного пола. Дыра слева – черная, справа – темно-коричневая.

– Ты можешь «видеть» эту дыру у имеющих детей?

– Конечно. Есть два способа видеть ее. Маг может видеть или в сновидении, или непосредственно глядя на человека. Маг, который видит, смотрит на светящееся существо и без всякого труда определяет, есть ли дыра в светимости тела. Но даже если маг не знает, как видеть, он может посмотреть и различить темноту дыры через одежду.

Она остановилась. Я уговаривал ее продолжать.

– Нагуаль говорил мне, что ты записываешь, но потом не помнишь того, что записал, – сказала она обвиняющим тоном.

Я запутался в словах, пытаюсь оправдаться. Но я знал, что сказанное ею было правдой. Слова дона Хуана всегда оказывали

двойное воздействие: одно – когда я слушал что-то впервые, и другое – когда я читал дома то, что записал, а потом забыл.

Однако разговор с Ла Гордой был принципиально иным. У учеников дона Хуана не было его всеобъемлющего знания. Их откровения, хотя и экстраординарные, были лишь отдельными недостающими фрагментами пазла. Из-за необычного характера этих фрагментов картина не становилась более ясной, но только сильнее запутывалась.

– У тебя была коричневая дыра с правой стороны живота, – продолжала она. – Это значит, что тебя опустошила женщина. У тебя есть ребенок женского пола. Нагуаль сказал, что у меня была огромная черная дыра, потому что я произвела двух женщин. Я никогда не видела этой дыры, но я видела других людей, дыры которых были как моя.

– Ты сказала, «была дыра». У меня ее больше нет?

– Нет. Она была залатана. Нагуаль помог тебе залатать ее. Без его помощи ты был бы сейчас еще более пустым.

– Что это за заплатата?

– Латка в твоей светимости. Я не знаю, как еще объяснить это. Нагуаль сказал, что маг его уровня может в любой момент заполнить эту дыру. Но это заполнение – только латка без светимости. Любой, кто видит или делает сновидение, может сказать, что это выглядит как заплатата свинцового цвета на желтой светимости остального тела.

Нагуаль залатал тебя, меня и Соледад. Но он предоставил нам самим поместить назад сияние, светимость.

– Как он залатал нас?

– Он – маг. Он что-то вложил в наши тела. Он изменил нас. Мы больше не такие, как прежде. Заплата – это то, что он вложил туда.

– Но как он вложил это туда, и что это такое?

– Его собственная светимость. Он сделал это своей рукой. Он просто проник в наши тела и оставил там свои волокна. Он сделал это со всеми своими шестью детьми и с Соледад. Все мы – одно и то же, кроме Соледад. Она – нечто иное.

Ла Горда, казалось, не хотела продолжать. Она заколебалась и начала почти заикаться.

– Что представляет собой донья Соледад? – настаивал я.

– Это очень трудно объяснить, – сказала она после длительных уговоров. – Она такая, как и я, и все-таки другая. Она имеет ту же светимость и все же она не с нами. Она идет в противоположном направлении. Сейчас она больше всего похожа на тебя. Вы оба имеете заплаты, напоминающие свинец. Моя заплатка исчезла и я снова – полное светящееся яйцо. Поэтому я и сказала, что ты и я будем совершенно одинаковыми в тот день, когда ты снова станешь полным. Нас делает в данный момент почти одинаковыми светимость Нагуаля, одинаковое направление и еще то, что мы оба были пустыми.

– Как выглядит полный человек для мага? – спросил я.

– Как светящееся яйцо, состоящее из волокон, – ответила она. – Все волокна – целые. Тогда они выглядят как струны, туго натянутые струны. Это выглядит так, как будто струны натянуты так же, как покрытие барабана.

У пустого человека на краях дыры волокна оборваны. Если у него много детей, его волокна вообще не похожи на волокна. Эти люди выглядят как два разделенных чернотой куска светимости. Это ужасное зрелище. Нагуаль заставлял меня видеть таких людей, когда мы с ним были в городском парке.

– Как ты думаешь, почему Нагуаль никогда не говорил мне об этом?

– Он говорил тебе все, но ты никогда не понимал его правильно. Как только он видел, что ты не понимаешь того, что он говорит, он был вынужден менять тему. Твоя пустота препятствует

пониманию. Нагуаль сказал, что для тебя это совершенно естественно — не понимать, ведь когда человек становится неполным, он действительно опустошается, как тыква, из которой вычистили содержимое. Не важно, сколько раз он говорил тебе, что ты пустой; не имело значения даже то, что он объяснил тебе, что это значит. Ты никогда не понимал, что он имеет в виду и хуже того — не хотел понимать.

Ла Горда ступила на опасную почву. Я попытался отвлечь ее другими вопросами, но она отклонила их.

— Ты любишь маленького мальчика и не хочешь понять, что Нагуаль имеет в виду, — сказала она обвиняюще. — Нагуаль сказал, что у тебя есть дочь, которую ты никогда не видел, и что ты любишь того маленького мальчика. Одна взяла твое острие, другой — привязал⁸ тебя. Ты соединил их вместе.

Мне пришлось прекратить записывать. Я вылез из пещеры, встал и начал спускаться по крутому склону на дно лощины. Ла Горда следовала за мной. Она спросила меня, не расстроился ли я из-за ее прямооты. Мне не хотелось лгать.

— А как ты думаешь?

— Ты прямо дымишься! — воскликнула она и захихикала с такой знакомой мне непринужденностью дона Хуана и дона Хенаро.

Видимо, она едва не потеряла равновесие и схватилась за мою левую руку. Чтобы помочь ей спуститься на дно лощины, я поднял ее за талию. Я отметил, что она весит не более ста фунтов. Поджав губы, как это обычно делал дон Хенаро, она сказала, что весит сто пятнадцать фунтов. Мы одновременно рассмеялись. Это был момент прямого непосредственного общения.

— Почему ты все время пристаешь ко мне с этими разговорами? — спросила она.

⁸ Pined down — связать, привязать.

Я рассказал ей, что когда-то был маленький мальчик, которого я безмерно любил. Я чувствовал, что просто обязан поговорить с ней о нем. Какая-то чрезвычайная необходимость выше моего понимания заставляла меня открыться этой совершенно чужой женщине.

Когда я начал рассказывать о мальчике, меня охватила волна ностальгии; то ли место так повлияло на меня, то ли ситуация, а может, время дня. Для меня как-то слились воедино память о мальчике с памятью о доне Хуане. Впервые за то время, что я не видел его, мне его не хватало. Лидия говорила, что они не тосковали о нем, так как он всегда был с ними. Он был их телом и духом. В это мгновение я знал, что она имела в виду. То же чувствовал и я сам. Однако в этой лощине меня охватило неведомое мне прежде ощущение. Я сказал Ла Горде, что до сих пор ни разу не испытывал такой необходимости в доне Хуане. Она не ответила. Она смотрела вдаль.

По-видимому, ощущение тоски по этим двум людям было обусловлено тем катарсисом, которым стала в моей жизни встреча с каждым из них. И оба ушли. Я не осознавал до сих пор, насколько окончательным было это расставание. Я сказал Ла Горде, что этот мальчик был моим другом более чем кто-либо другой и в один день его отняли у меня силы, которые я не мог контролировать. Это было, пожалуй, одним из самых сильных ударов, который я когда-либо получал. Я поехал к дону Хуану просить о помощи. Это был единственный случай, когда я просил его помочь мне. Он выслушал мою просьбу, а затем разразился громким хохотом. Его реакция была столь неожиданной, что я не мог даже разгневаться. Я смог только сделать критическое замечание о том, что казалось мне бесчувственностью.

– Какого действия ты ждешь от меня? – спросил он.

Я сказал, что он как маг, по-видимому, может помочь мне вернуть моего маленького друга ради моего утешения.

– Ты не прав. Воин ничего не ищет для утешения, – сказал он тоном, не допускающим возражений.

Затем он занялся разгромом моих аргументов. Он сказал, что воин в любом варианте ничего не должен отдавать на волю случая. Воин действительно влияет на результаты событий силой своего осознания и своего нестигаемого намерения. Он сказал, что если бы у меня было нестигаемое намерение помогать этому ребенку и удержать его, я бы принял меры, предусматривающие его пребывание со мной. Но в своем нынешнем виде моя любовь является всего лишь пустым звуком, бесполезной вспышкой пустого человека. Затем он сказал что-то о пустоте и полноте, но я не хотел слушать его. У меня было только чувство утраты. И я был уверен, что пустота, о которой он говорил, относилась к чувству потери кого-то незаменимого.

– Ты любил его, ты чтил его дух, ты желал ему блага, а теперь ты должен забыть его, – сказал он.

Но я был не в состоянии сделать это. В моих эмоциях оставалось что-то ужасно живое, несмотря на время, смягчающее их. Некоторое время мне казалось, что я забыл, но затем одно ночное происшествие произвело во мне глубочайший эмоциональный переворот. Я шел к себе в офис, как вдруг меня окликнула молодая мексиканка. Она сидела на скамье в ожидании автобуса и спросила, не идет ли этот автобус мимо детской больницы. Я не знал. Она объяснила, что у ее малыша давно высокая температура, и она очень беспокоится, так как у нее нет денег на лечение. Я подошел к скамейке и увидел стоявшего чуть поодаль маленького мальчика, который прислонился головой к спинке скамейки. Он был одет в курточку, короткие штанишки и шапочку. Увидев меня, он подошел к краю скамейки и прижался головой к моей руке.

– У меня головка болит, – сказал он мне тихо по-испански.

У него был такой тоненький голос и такие печальные глаза, что волна неукротимой боли нахлынула на меня. Я взял его на руки и отвез его и его мать в ближайшую больницу. Я оставил их там и дал матери достаточно денег, чтобы оплатить счет. Но мне не хотелось ни оставаться, ни узнавать что-либо о них. Мне хотелось верить, что я чем-то помог ему, и, сделав это, я «отплатил человеческому духу». Я научился этому магическому акту у дона Хуана. Однажды я,

потрясенный внезапным осознанием, что никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня, спросил его: «Есть ли что-нибудь такое, что я мог бы сделать для тебя, чтобы сравнять счет?» Мы как раз выходили из банка после размена мексиканской валюты.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы мне платили, – сказал он, – но если тебе так хочется отплатить, сделай свой вклад в человеческий дух. Это всегда очень немного, но сколько бы ты ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

Помогая этому больному ребенку, я попытался отплатить человеческому духу за любую помощь, какую мой маленький мальчик сможет получить от незнакомых людей на своем пути.

Я говорил Ла Горде, что моя любовь к нему будет жива всю мою жизнь, пусть даже я никогда не увижу его больше. Мне хотелось объяснить ей, что память о нем коренится так глубоко, что ничто не может коснуться ее, но воздержался от этого. Я чувствовал, что излишне говорить об этом, кроме того становилось темно, и мне хотелось уйти из этой лощины.

– Давай-ка лучше уедем, – сказал я. – Я отвезу тебя домой. Может, когда-нибудь в другой раз мы сможем обсудить все это.

Она засмеялась надо мной так, как обычно смеялся дон Хуан. По-видимому, я сказал что-то очень смешное.

– Почему ты смеешься, Горда? – спросил я.

– Потому что ты прекрасно знаешь, что мы не можем уйти отсюда просто так, – сказала она. – У тебя здесь свидание с силой. И у меня тоже.

Она вернулась к пещере и вползла в нее.

– Влезай, – прокричала она изнутри. У тебя нет возможности сейчас покинуть это место.

Моя реакция была совершенно непоследовательной. Я вполз в пещеру и сел рядом с ней. Было ясно, что и она тоже обманывает меня. Я прибыл сюда не для того, чтобы вступать в какую-либо конфронтацию. Мне следовало бы впасть в ярость, но вместо этого мной овладело безразличие. Я не мог лгать самому себе, что просто остановился здесь по пути в Мехико. Что-то свыше моего понимания заставило меня приехать сюда.

Ла Горда вручила мне мой блокнот и предложила записывать. Она сказала, что если я буду писать, то не только сам расслаблюсь, но и успокою ее.

– Что это за свидание с силой? – спросил я.

– Нагуаль сказал мне, что мы с тобой должны встретиться с чем-то из этих мест. Сначала у тебя была встреча с Соледад, затем с сестричками. Их целью было уничтожить тебя. Но Нагуаль сказал мне, что если после их нападений ты останешься в живых, я должна буду взять тебя сюда, чтобы мы вместе могли провести третью встречу.

– Что это за встреча?

– Я на самом деле не знаю этого. Как и все остальное, это зависит от нас. Как раз теперь что-то ожидает тебя в этих местах. Я утверждаю, что оно ждет именно тебя, так как я приходила сюда одна много раз, и ничего не случилось. Но сегодня вечером все иначе. Ты здесь и эта штука придет.

– Но почему Нагуаль пытается уничтожить меня?

– Да не пытается он никого уничтожать! – протестующе воскликнула Ла Горда. – Ты – его дитя. А теперь он хочет, чтобы ты был им самим. В большей степени, чем любой из нас. Но чтобы быть им самим, настоящим Нагуалем, ты должен утвердить свою силу. Иначе он не готовил бы так тщательно нападение на тебя Соледад и сестричек. Он научил Соледад, как изменить свою внешность и омолодиться. Он заставил ее сделать этот дьявольский пол в ее комнате, пол, против которого не смог бы устоять никто. Видишь ли, Соледад пустая, так что Нагуаль вдохновил ее сделать нечто

грандиозное. Он дал ей самое опасное и трудное задание, уникальное, но единственное, подходящее ей, и это задание было – прикончить тебя. Он объяснил ей, что нет ничего труднее, чем одному магу убить другого. Обычному человеку нетрудно убить мага, как и магу – обычного человека, но в случае с двумя магами ситуация необозримо трудна. Нагуаль сказал, что ее главной ставкой было застать тебя врасплох и напугать. Это и было тем, что она делала. Нагуаль помог ей стать желанной женщиной, чтобы заманить тебя в свою комнату, а уж там ее пол околдовал бы тебя, потому что никто, решительно никто не смог бы противостоять этому полу. Это было шедевром Нагуаля для Соледад. Но ты что-то сделал с ее полом! После этого Соледад пришлось изменить тактику, и опять же в соответствии с инструкциями Нагуаля. Он сказал ей, что если пол потерпит неудачу и если она не сможет напугать тебя и застать врасплох, то она должна говорить с тобой и рассказать тебе все, что бы ты ни захотел узнать. И Нагуаль в качестве последнего ресурса научил ее очень хорошо разговаривать. Но и в этом Соледад не смогла тебя пересилить.

– Почему так важно было одолеть меня?

Она сделала паузу и внимательно посмотрела на меня. Потом она прочистила горло и села прямо. Взглянув на низкий потолок, она с шумом выдохнула через нос.

– Соледад – женщина, подобная мне самой. Я расскажу тебе немного о своей жизни, и тогда, может быть, ты лучше поймешь Соледад.

Когда-то у меня был мужчина. Я забеременела от него, когда была еще очень молодой, и у меня появились одна за другой две дочери. Этот человек был пьяницей и бил меня днем и ночью. Моя жизнь была адом. Я ненавидела его, а он – меня. Я стала жирной, как свинья. Как-то раз мимо проходил другой мужчина; он сказал, что я понравилась ему, и он хочет, чтобы я поехала с ним в другой город в качестве платной служанки. Он знал, что я была очень трудолюбивой, и собирался просто использовать меня. Но моя жизнь была настолько убогой, что я попала на эту удочку и пошла с ним. Он был еще хуже первого – подлый и мерзкий. Через неделю или

около того он уже ненавидел меня. Он привык избивать меня так, что ты и представить не смог бы. Я думаю, что он мог бы убить меня, не будучи даже пьяным, только за то, что я не нашла работу. Он послал меня нищенствовать с больным ребенком. Из денег, что я приносила, он что-то платил матери ребенка, а потом бил меня за то, что я мало принесла. Ребенок все слабел, и я знала, что когда он умрет, этот тип убьет меня. Поэтому однажды я пришла, к матери этого малыша, дала ей немного денег, вырученных в тот день, и вернула ей ее ребенка. Тот день был удачным: добрая заграничная леди дала мне пятьдесят песо на покупку лекарства для ребенка.

Я прожила с этим ужасным человеком три месяца, хотя мне показалось – двадцать лет. Все деньги были потрачены на возвращение домой. Я снова была беременна. Тот мужчина хотел завести своего ребенка, чтобы не платить за чужого.

Вернувшись, я пыталась увидеть своих детей, но их забрала семья отца. Его родственники собрались под предлогом разговора со мной, но на самом деле они отвели меня на пустырь, избили камнями и палками, и оставили умирать.

Ла Горда показала мне множество шрамов на голове.

– До сих пор не знаю, как мне удалось вернуться в город. Я потеряла ребенка, которого вынашивала. У меня никого не оставалось, кроме тетки. Мои родители уже умерли. Тетка дала мне кров и позаботилась обо мне. Она выхаживала меня два месяца, и я наконец встала на ноги.

Однажды тетка сказала мне, что тот мужчина приехал в город и разыскивает меня. Он обратился в полицию и сказал, что уплатил мне деньги вперед и что я сбежала, украв деньги, после того, как убила ребенка одной женщины. Я знала, что мне пришел конец. Но удача вернулась ко мне, и я убежала на грузовике одного американца. Я увидела грузовик на дороге и в отчаянии подняла руку. Шофер остановился и разрешил мне сесть. Он привез меня в этот район Мексики и высадил в городе. Я никого здесь не знала. Я скиталась по этой местности как бешеная собака, питаюсь отбросами на улицах. И тут судьба опять повернулась ко мне лицом.

Я встретила Паблито и перед ним я в неоплатном долгу. Он взял меня в свою плотницкую мастерскую и выделил мне там угол для постели. Он сделал это из жалости ко мне. Он нашел меня на базаре, когда он споткнулся и упал на меня. Я сидела там, выпрашивая милостыню. Бабочка или пчела, не знаю что, налетела на него и попала ему в глаз. Он развернулся на пятках, споткнулся и полетел на меня. Я думала, что он разозлится и ударит меня, но вместо этого он дал немного денег. Я спросила, не сможет ли он дать мне работу. Он взял меня в свою мастерскую, дал утюг и гладильную доску, чтобы я могла зарабатывать стиркой.

Мне жилось очень хорошо, не считая того, что я еще больше растолстела, потому что большинство людей, которых я обстирывала, кормили меня объедками. Иногда я ела по шестнадцать раз в день. Я постоянно что-то ела. Уличные дети смеялись надо мной, дразнили и крались следом, пока кто-нибудь из них не толкал меня и я не падала. Они доводили меня до слез своими жестокими шутками, особенно когда пачкали мне белье.

Однажды поздно вечером какой-то странный старик пришел к Паблито. Я не думала, что Паблито может быть связан с таким жутким человеком. Повернувшись к нему спиной, я продолжала работать. Никого больше не было. Внезапно я почувствовала на шее ладони этого человека. Мое сердце замерло. Я не могла крикнуть, не могла даже дышать. Я упала, а этот ужасный старик держал мою голову около часа. Потом он ушел. Я была так напугана, что оставалась на полу до утра. Паблито нашел меня там; засмеявшись, он сказал, что я должна гордиться, так как этот старик – могучий маг и что он – один из учителей Паблито. Я была огорошена и не могла поверить, что Паблито – маг. Он объяснил мне, что его учитель увидел совершенный круг бабочек, летающих над моей головой. Он видел также мою смерть, кружившуюся вокруг меня. Именно поэтому он действовал с быстротой молнии, меняя направление моих глаз. Паблито сказал, что Нагуаль возложил руки на меня и проник в мое тело и что скоро я буду другой. Я не понимала, о чем он говорит. Точно так же я не понимала и того, что же сделал этот безумный старик. Для меня это не имело никакого значения. Я была похожа на собаку, которую все пинали. Паблито единственный, кто был дружественным ко мне тогда. Сначала я

думала, что он хочет, чтобы я стала его женщиной. Но я была слишком безобразная, толстая и вонючая. Поэтому он действительно был просто добр ко мне.

На следующую ночь тот сумасшедший старик пришел снова и опять схватил меня за шею. Он причинил мне ужасную боль. Я плакала и кричала. Я не понимала, что он делает. Он не произносил ни слова. Я смертельно боялась его. Позже он стал разговаривать со мной, объясняя, что делать с моей жизнью. Мне нравилось то, что он говорил. Он постоянно водил меня с собой, но моя пустота была моим самым страшным врагом. Я никак не могла принять его путей, и когда ему надоело возиться со мной, он наслал на меня ветер. Я была позади дома Соледад в тот день, когда почувствовала усиливающийся ветер. Он дул через забор и задувал мне глаза. Я хотела спрятаться в доме, но мое тело было напугано, и вместо того, чтобы войти в дверь, вышла через ворота в ограде. Ветер толкал меня и заставлял кружиться. Я пыталась вернуться, но это было невозможно, так как я не могла одолеть силу ветра. Он гнал меня в сторону от дороги, пока я не упала в глубокую яму, похожую на могилу. Ветер держал меня там много дней, пока я не решила измениться, принять судьбу без предъявления обвинений. Тогда ветер стих, и Нагуаль нашел меня и привел обратно. Он сказал мне, что моей задачей будет теперь отдавать то, чего я не имела – любовь и внимание и что я должна заботиться о сестрах – Лидии и Хосефине лучше, чем если бы они были мной. Только тогда я поняла то, что Нагуаль говорил мне столько лет. Моя жизнь давно окончилась. Он предложил мне новую жизнь, и эта жизнь должна была быть совершенно новой. Я не должна была вносить в нее свои старые уродливые пути. В ту первую ночь, когда он нашел меня, на меня указали бабочки. Я не должна была восставать против своей судьбы.

Я начала меняться, заботясь о Лидии и Хосефине больше, чем о самой себе. Я делала все, что Нагуаль говорил мне, и однажды ночью, в этой лощине и в этой пещере я обрела свою полноту. Я заснула прямо на этом месте, а потом меня разбудил шум. Подняв глаза, я увидела себя прежней – стройной, цветущей, юной. Это был мой дух, возвращавшийся ко мне. Сначала он не хотел приближаться, ведь я была такой страшной. Но он не смог

противиться и подошел ко мне. И внезапно я поняла то, что Нагуаль пытался объяснить мне эти годы. Он говорил, что если человек имеет ребенка, то этот ребенок забирает острие его духа. Для женщины – иметь девочку означает конец этого острия. Иметь двух, как я, означает конец меня. Лучшие мои силы и иллюзии ушли к девочкам. Они похитили мое острие, как сказал Нагуаль, так же, как я похитила его у своих родителей. Такова наша судьба. Мальчик похищает большую часть острия у отца, а девочка – у матери. Нагуаль сказал, что люди, имеющие детей, могли бы сказать о себе (если бы они не были такими упрямыми как ты), что в них чего-то не хватает. Ушли некоторая помешанность, некоторая нервозность, некоторая сила, которые были раньше. У них всегда это было, но где это теперь? Нагуаль сказал, что оно в маленьком ребенке, играющем возле дома, полном энергии, полном иллюзий. Другими словами – просто полным.

Нагуаль сказал, что если бы мы понаблюдали за детьми, то могли бы сказать о них, что они дерзновенные, отважные и вечно скачут. Если же мы понаблюдаем за родителями, то увидим, что они осторожные, пугливые, и больше не прыгают. Нагуаль сказал, что мы объясняем это тем, что они взрослые и имеют обязанности. Но это неправда. Дело лишь в том, что они потеряли острие.

Я спросил Ла Горду, что ответил бы Нагуаль, если бы я сказал ему, что знаю сколько угодно родителей, у которых гораздо больше и духа и острия, чем у их детей.

Она с наигранным смущением закрыла лицо руками и захихикала.

– Можешь спросить у меня, – сказала она. – Хочешь услышать мое мнение?

– Конечно, хочу.

— У этих людей не больше духа, у них, прежде всего, много энергии, и они приучили своих детей к кротости и покорности. Они всю жизнь запугивали своих детей и это все.

Тогда я рассказал ей об одном человеке, отце четверых детей, который в пятьдесят три года полностью изменил свою жизнь. Он оставил свою жену и административную службу в большой корпорации – и это после двадцати пяти лет кропотливого продвижения по служебной лестнице и укрепления семьи. Он решительно бросил все и отправился жить на остров в Тихом океане.

– Ты хочешь сказать, что он отправился туда жить один? – удивленно спросила Ла Горда.

Она разрушила мой аргумент. Я вынужден был признать, что он отправился туда со своей двадцатипятилетней невестой.

– Которая, несомненно, была полной, – заметила Ла Горда.

И опять я был вынужден с ней согласиться.

– Пустой мужчина всегда использует полноту женщины, – продолжала Ла Горда. – Полная женщина опасна в своей полноте больше, чем мужчина. Она ненадежная, нервная, изменчивая, но при этом способна на большие перемены. Подобные женщины могут вскочить и отправиться в какое угодно место. Там им нечего будет делать, но прежде всего потому, что они и не собираются ничего делать. Пустые люди не могут больше так прыгать, но зато они более надежны. Нагуаль сказал, что пустые люди подобны гусенице, которая оглядывается вокруг перед тем, как снова немного продвинуться, затем дают задний ход, затем снова немного продвигаются вперед. Полные люди всегда скачут, кувыркаются и почти всегда приземляются на голову, но им на это наплевать.

Нагуаль утверждал: для того, чтобы войти в другой мир, надо быть полным. Чтобы быть магом, надо иметь всю свою светимость, – никаких дыр, никаких заплат – и все свое острие. Таким образом, пустой маг должен восстановить полноту. Мужчина или женщина должны быть полными, чтобы войти в другой мир там вовне. В ту вечность, где теперь Нагуаль и Хенаро ждут нас.

Она замолчала и длительное время пристально смотрела на меня. Еле хватало света, чтобы писать.

– Но как ты восстановила свою полноту? – спросил я.

При звуке моего голоса она подскочила. Я повторил свой вопрос. Прежде чем ответить мне, она взглянула на свод пещеры.

– Я вынуждена была отказаться от своих девочек, – сказала она. – Нагуаль объяснил тебе это однажды, но ты не захотел слушать. Он сказал, что надо похитить острие обратно. Мы его трудным путем получили, похитив его, говорил он, и мы должны восстановить его тем же путем, трудным путем.

Он вел меня к тому, чтобы сделать это; и в первую очередь мне необходимо было отказаться от любви к своим двум детям. Я должна была сделать это в сновидении. Шаг за шагом я училась не любить их, но Нагуаль сказал, что это бесполезно, человек должен научиться не тревожиться, а не не любить. Когда эти девочки перестали что-либо значить для меня, я должна была увидеть их снова, возложить на них свои глаза и руки. Я должна была, мягко поглаживая их по голове, позволить своей левой стороне вырвать из них острие.

– И что же случилось с ними потом?

– Ничего. Они ничего не почувствовали и ушли домой. Теперь они похожи на взрослых. Пустые, как и большинство людей вокруг. Они не любят детских компаний, потому что им они не нужны. Я бы сказала, – они стали лучше. Я отняла их ненормальность. Они не нуждаются в ней, а я нуждаюсь. Я не знала, что делала, когда наградила их ею. Кроме того, в них есть острие, которое они украли у отца. Нагуаль был прав, никто не заметил потери, я же заметила свое приобретение. Когда я выглянула из пещеры, то увидела все свои иллюзии, выстроенные в ряд, как солдатская шеренга. Мир был ярким и новым. Тяжесть тела и духа исчезла, и я стала совершенно новым существом.

– Ты знаешь, как ты взяла острие у своих детей?

– Они не мои дети! Я никогда не имела никаких детей. Посмотри на меня.

С этими словами она вылезла из пещеры и задрала юбку, показывая мне свое обнаженное тело. Прежде всего я заметил, какая она стройная и мускулистая.

Она заставила меня подойти поближе и осмотреть ее. Ее тело было настолько худым и твердым, что я должен был заключить, что у нее не могло быть детей. Она поставила свою правую ногу на камень и показала мне влагалище.

Ее стремление доказать мне свое изменение было настолько сильным, что мне пришлось рассмеяться, чтобы скрыть нервозность. Я сказал, что я не доктор и не мне судить, но, очевидно, она права.

– Конечно, права, – сказала она, заползая обратно в пещеру. – Никто никогда не выходил из этой матки.

После минутной паузы она вдруг ответила на забытый мною под впечатлением ее демонстрации вопрос.

– Моя левая сторона взяла мое острие обратно, – сказала она. – Я всего лишь пошла и навестила своих девочек. Я ходила туда четыре или пять раз, чтобы дать им время почувствовать себя легко со мной. Они выросли и уже ходили в школу. Я думала, что мне придется бороться с собой, чтобы отказаться от любви к ним. Но Нагуаль сказал, что это не имеет значения и я могу их любить, если мне так хочется. И я любила. Но моя любовь к ним была любовью постороннего человека. Мой ум был подготовлен, мой замысел – нестигаем. Я хотела войти в другой мир, когда я все еще жива, как Нагуаль сказал мне. Для того чтобы осуществить его, мне нужно было все острие моего духа. Мне нужна моя полнота. Ничто не может помешать мне достичь того мира! Ничто!

Она вызывающе уставилась на меня.

– И ты, если стремишься к полноте, должен отказаться от обоих – от женщины, опустошившей тебя, и от маленького мальчика, забравшего твою любовь. От женщины ты можешь отказаться легко. Маленький мальчик – это совсем другое. Неужели ты думаешь, что твоя бесполезная привязанность к этому ребенку настолько важна, что стоит входа в ту сферу?

Мне нечего было сказать. И не потому, что мне надо было обдумать ответ. Просто я был в полном замешательстве.

– Соледад, если она хочет войти в нагуаль, должна отнять свое острие у Паблито, – продолжала она. – Как, черт возьми, она собирается сделать это? Паблито, как бы ни слаб он был, все-таки маг. Но Нагуаль дал Соледад уникальную возможность. Он сказал, что у нее будет единственный шанс сделать это, когда ты войдешь в дом. Ради этого мгновения он не только заставил нас переехать в другой дом, но и заставил нас расширить тропу к ее дому, чтобы ты мог беспрепятственно подъехать на машине к самой двери. Он сказал ей, что если она будет жить безупречно, то сможет захватить тебя и высосать светимость, которая и является всей той силой, которая оставлена в твоём теле Нагуалем. Ей совсем не трудно было бы сделать это. Она идет в другом направлении и могла бы выжать тебя досуха. Величайшим достижением для нее было довести тебя до полной беспомощности.

Если бы она убила тебя, твоя светимость увеличила бы ее силу. И тогда она явилась бы за нами. Я была единственной, кто знал об этом. Лидия, Роза и Хосефина любят ее. Я – нет. Я знала ее замыслы. Она взяла бы нас в подходящий момент одну за другой, так как ей нечего было терять, а приобрести она могла все. Нагуаль сказал, что для нее нет другого пути. Он вверил мне девушек и объяснил, что делать, если Соледад убьет тебя и придет за нашей светимостью. Он рассчитывал, что у меня есть шанс спасти себя и, возможно, одну из трех девушек.

Понимаешь, Соледад совсем неплохая женщина, просто она делает то, что должен делать безупречный воин. Сестрички любят ее больше, чем своих собственных матерей. Она – настоящая мать для них. Нагуаль сказал бы, что в этом и состоит ее преимущество. Что бы я ни делала, я не в состоянии оттолкнуть от нее сестричек. Так что, убив тебя, она бы потом взяла минимум двух из этих доверчивых душ. Без тебя Паблито стал бы ничем. Она могла бы раздавить его, как клопа. И тогда со всей полнотой и силой она вошла бы в тот мир. Будь я на ее месте, я бы действовала точно так же.

Как видишь, для нее это было все или ничего. Когда ты появился в первый раз, все ушли. Это казалось концом для тебя и кого-то из нас. Но это стало концом для нее и шансом для сестер. Когда я уже знала, что ты одержал верх, я сказала трем девушкам, что теперь – их черед. Нагуаль говорил, что они должны ждать утра, чтобы захватить тебя врасплох. Он рассказал, что для тебя утро – самое плохое время. Он приказал мне оставаться в стороне и не мешать сестрам, но явиться, если ты попытаешься причинить вред их светимости.

– Они тоже собирались убить меня?

– Ну да. Ты являешься мужской стороной их светимости. Их полнота временами бывает их недостатком. Нагуаль правил ими железной рукой и уравнивал их. Но теперь, когда он ушел, у них нет уравнивающего фактора. Твоя светимость могла бы сделать это для них.

– А как насчет тебя, Горда? Ты тоже планируешь прикончить меня?

– Я уже сказала тебе, что я – другая. Я уравновешена. Моя пустота, бывшая раньше недостатком, теперь стала моим преимуществом. Когда маг восстанавливает свою полноту, он уравновешен, тогда как магу, всегда бывшему полным, равновесия явно не хватает. Таким был Хенаро. Нагуаль был уравновешен, ведь он был пустым, как ты и я, даже в большей степени, чем ты и я. У него было три сына и одна дочь. Сестричкам, подобно Хенаро, не хватает уравновешенности. Часто настолько сильно, что они не знают меры.

– А как же я, Горда? Я что, тоже должен действовать в этом духе?

– Нет. Отнять твою светимость – это годилось только для них. Тебе не извлечь пользы из чьей-либо смерти. Нагуаль оставил тебе особую силу, какого-то особого рода равновесие, которого нет ни у одного из нас.

– Могут ли они научиться такому равновесию?

– Безусловно, могут. Но это не имеет отношения к заданию, которое они должны были выполнить. Им нужно было похитить твою силу. Для этого они стали настолько едиными, что сейчас являются одним существом. Они тренировали себя, чтобы выпить твою светимость, как стакан содовой. Нагуаль научил их быть обманщиками высшего класса, особенно Хосефину. Она устроила для тебя несравненный спектакль. По сравнению с их искусством игра Соледад была детским лепетом. Она неотесанная женщина, сестрички же – настоящие маги. Две из них завоевали твое доверие, а третья привела в шоковое состояние и сделала тебя беспомощным. Они разыграли свое представление в совершенстве. Ты полностью включился в него – и чуть не погиб. Единственным их слабым местом было то, что ты прошлой ночью повредил, а затем излечил светимость Розы; это сделало ее нервной. Если бы не ее нервозность, из-за чего она и покусывала твой бок слишком сильно, вполне возможно сейчас ты бы не находился здесь. Я видела все из-за двери и вошла в тот самый момент, когда ты был готов уничтожить их.

– Как я мог уничтожить их?

– Откуда я знаю? Я – не ты.

– Но ты ведь видела, что я делал?

– Я видела дубля, выходящего из тебя.

– Как он выглядит?

– Он выглядит как и ты, как же еще? Но он был очень большой и грозный. Твой дубль убил бы их. Поэтому я вошла и вмешалась. Мне потребовалась вся моя сила, чтобы успокоить тебя. Сестрички были беспомощны. Они растерялись. А ты был яростным и неистовым. Ты дважды изменил цвет прямо перед ними. Один цвет был особенно неистовым и устрашающим. Я даже испугалась, что ты заодно убьешь и меня.

– Какой это был цвет, Горда?

– Белый, какой же еще? Дубль – белый, желтовато-белый, как солнце.

Я уставился на нее. Ее улыбка стала какой-то новой.

– Да, – продолжала она. – Мы являемся кусочками солнца. Именно поэтому мы – светящиеся существа. Но наши глаза не могут видеть эту светимость, так как она очень тусклая. Только глаза мага могут видеть ее, а это приходит после целой жизни борьбы.

Ее откровение было для меня полным сюрпризом. Я попытался собраться с мыслями, чтобы задать подходящий вопрос.

– Нагуаль говорил тебе что-нибудь о солнце? – спросил я наконец.

– Да. Все мы подобны солнцу, только очень, очень тусклые. Наш свет слишком слаб, но это – свет.

– Но, может быть, он говорил, что солнце является нагуалем? – отчаянно настаивал я.

Ла Горда не ответила. Она почмокала губами, по-видимому, соображая, как лучше ответить. Я ожидал ответа, готовый записать его. После долгой паузы она выползла из пещеры.

– Я покажу тебе мой тусклый свет, – сказала она, как само собой разумеющееся.

Она подошла к центру узкой лощины перед пещерой и присела на корточки. С моего места не было видно, что она делает, так что пришлось выбираться из пещеры. Я остановился в трех-четырех метрах от нее. Она засунула руки под юбку, по-прежнему сидя на корточках. Внезапно она встала. Ее руки были неплотно сжаты в кулаки. Она подняла их над головой и щелкнула пальцами, открывая их. Я услышал резкий звук, словно что-то лопнуло, и увидел искры, вылетающие из ее пальцев. Она опять сжала кисти, с щелчком раскрыла их, и другой, значительно более длинный залп искр вылетел из них. Она присела на корточки еще раз и засунула руки под юбку. Она, казалось, что-то вытягивала из своего влагалища. Вскинув руки над головой, она повторила это щелкающее движение пальцами, и я увидел длинные светящиеся волокна, вылетающие из ее пальцев. Я был вынужден запрокинуть

голову вверх, чтобы видеть их на фоне тусклого неба. Они выглядели как длинные нити красноватого цвета. Спустя некоторое время они гасли и исчезали.

Она снова присела на корточки, и когда позволила своим пальцам разжаться, из них эманировала самая удивительная серия огней. Небо заполнилось широкими лучами света. Это было очаровывающее зрелище. Я был так поглощен им, что, не обращая внимания на Ла Горду, смотрел на огни. Услышав внезапный выкрик, я взглянул на нее как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ухватилась за одну из созданных ею линий и быстро поднялась на самый верх каньона. Мгновение она висела, как темная гигантская тень на фоне неба, а затем рывками или небольшими скачками, как бы скатываясь на животе вниз по лестнице, опустилась по воздуху на дно лощины.

Внезапно я увидел, что она стоит надо мной, и только тогда понял, что сижу. Я встал. Она была мокрой от пота и изо всех сил пыталась восстановить дыхание. Она долго не могла говорить. Затем она начала бежать трусцой на месте. Я не смел прикоснуться к ней. Наконец она успокоилась настолько, что смогла вернуться в пещеру. Несколько минут она отдыхала.

Она действовала так быстро, что я едва успел осознать происходящее. Во время демонстрации я чувствовал невыносимую щекочущую боль чуть ниже пупка. Хотя я и не затратил никаких физических усилий, но тоже задыхался.

– Я думаю, пора идти на наше свидание, – сказала она, переводя дыхание. – Мой полет открыл нас обоим. Ты почувствовал мой полет своим животом, а значит – ты открыт и готов встретить четыре силы.

– О каких силах ты говоришь?

– О четырех союзниках Нагуаля и Хенаро. Ты их видел. Они ужасающие. Сейчас они освободились от горлянок Нагуаля и Хенаро. Одного из них ты слышал прошлой ночью возле дома Соледад. Они ждут тебя. В темноте они станут неудержимы. Один из них пошел за тобой в дом Соледад даже в дневное время. Эти

союзники принадлежат теперь нам обоим. Каждый из нас возьмет по два. Я не знаю, кто возьмет каких, и даже не знаю как, но Нагуаль сказал, что мы должны сделать это сами.

– Погоди-погоди! – воскликнул я.

Она не позволила говорить, мягко прикрыв мне рот рукой. У себя под ложечкой я почувствовал внезапную острую боль ужаса. В прошлом я уже сталкивался с какими-то необъяснимыми феноменами, которых дон Хуан и дон Хенаро называли своими «союзниками». Их было четверо, и все они были сущностями такими же реальными, как и все в этом мире. Их присутствие было настолько невообразимым, что при каждом моем восприятии их оно создавало состояние страха, не имеющее параллелей. В первый раз я встретился с союзником дона Хуана: это была темная прямоугольная масса от восьми до девяти футов высотой и четырех-пяти – в ширину. Она двигалась с сокрушительной тяжестью огромного валуна и дышала так тяжело, что это напоминало шум кузнечных мехов. Я всегда сталкивался с ней ночью, в темноте. Мне она казалась похожей на дверь, которая двигалась, переваливаясь сначала на один угол, а потом на другой.

Второй был союзником дона Хенаро. Это был длиннолицый, лысый, необычайно высокий пылающий человек с толстыми губами и огромными поникшими глазами. Он всегда был одет в штаны, слишком короткие для его ног.

Я неоднократно видел этих двоих, находясь вместе с доном Хуаном и доном Хенаро. Вид их неизменно вызывал во мне непримиримое разъединение разума и восприятия. С одной стороны, у меня не было никакого разумного основания верить, что происходящее со мной действительно реально, а с другой – никакой возможности отбросить подлинность моего восприятия.

Так как они появлялись только в присутствии дона Хуана и дона Хенаро, я относил их на счет того могучего влияния, которое эти два человека оказывали на меня. Мне казалось, что дело в моей внушаемости, или же в том, что дон Хуан и дон Хенаро владели

силами, называемыми ими союзниками, силами, способными показываться мне в качестве этих ужасающих существ.

Особенностью союзников было то, что они никогда не позволяли мне тщательно исследовать их. Я неоднократно пытался фиксировать на них нераздельное внимание, но всякий раз испытывал головокружение и нарушение связанности восприятия.

Два других союзника были неуловимы. Я видел их только однажды – гигантского черного ягуара с горящими желтыми глазами и громадного хищного койота. Эти звери были невероятно агрессивными и подавляющими. Ягуар был союзником дона Хенаро, койот – дона Хуана.

Ла Горда выползла из пещеры. Я последовал за ней. Она повела меня за собой. Мы вышли из лощины и достигли длинной каменистой равнины. Остановившись, она пропустила меня вперед. Я сказал, что если она мне предоставит возможность вести, то я приведу нас к машине. Она утвердительно кивнула и прижалась ко мне. Я чувствовал ее прохладную и влажную кожу. Похоже, она была сильно возбуждена. До места, где мы оставили машину, было около мили и нам предстояло пересечь пустынную каменистую равнину. Дон Хуан как-то показал мне скрытую тропу среди больших валунов. Тропа проходила практически по подножью горы, примыкавшей с востока к равнине. Я направился к ней. Меня вело какое-то непонятное побуждение. Иначе бы я вернулся назад тем же путем, по которому мы пришли сюда по равнине.

Ла Горда, казалось, предчувствовала что-то ужасающее. Она вцепилась в меня. Глаза ее были дикими.

– Мы правильно идем? – спросил я.

Не отвечая, она стащила шаль и скрутила ее как толстую веревку. Она опоясала ею меня, потом, скрестив концы, обернула их вокруг себя и завязала в узел. Таким образом мы оказались связанными поясом в виде восьмерки.

– Зачем ты это делаешь?

Она встряхнула головой. Зубы ее стучали, она не могла произнести ни слова. Видимо, она была предельно испугана. Она подталкивала меня, чтобы я продолжал идти. Я не мог не удивляться тому, что сам не был испуган до потери сознания.

Когда мы достигли высоко проходящей тропинки, на мне стало сказываться физическое напряжение. Я запыхался и мне пришлось дышать ртом. Я видел контуры больших валунов. Луны не было, но необыкновенно ясное небо давало достаточно света, чтобы различать очертания. Я слышал тяжелое дыхание Ла Горды.

Я хотел остановиться, чтобы перевести дыхание, но она отрицательно покачала головой и легонько подтолкнула меня. Пытаясь снять напряжение, я хотел как-то пошутить, но вдруг услышал звук странных тяжелых ударов. Голова непроизвольно повернулась вправо, позволяя левому уху пристально вслушиваться в окружающее. На мгновение задержав дыхание я ясно услышал, что кроме меня и Ла Горды кто-то еще тяжело дышит. Я проверил еще раз, прежде чем сказать ей об этом. Та массивная фигура явно находилась среди валунов. Когда мы продолжили движение, я прикрыл рукой рот Ла Горды и знаком велел ей затаить дыхание. Я мог сказать, что массивная фигура была очень близко. Казалось, она скользила настолько тихо, насколько могла. Она мягко пыхтела.

Ла Горда была очень встревожена. Она присела на корточки и потянула меня вниз своей завязанной вокруг пояса шалью. На мгновение она засунула руки под юбку, и встала. Ее ладони были сжаты. Открывая их, она щелкнула пальцами, и из них вылетел сноп искр.

– Писай в свои руки, – прошептала Ла Горда сквозь стиснутые зубы.

– У-у? – переспросил я, совершенно не понимая, чего она хочет.

Она все более настойчивым шепотом повторила приказ три или четыре раза. Видимо, она поняла, что я не могу уловить смысл ее слов, поэтому, присев, показала, как она мочится на свои руки. С изумлением я увидел, что она заставила свою мочу лететь подобно красноватым искрам. Мой разум был опустошен. Я не знал, что

захватывало больше: вид Ла Горды, творящей свет из своей мочи, или тяжелое дыхание приближающегося существа. Я не мог решить, на чем фокусировать свое восприятие — оба зрелища были захватывающими.

– Быстро! Делай это в свои руки, – сквозь зубы процедила Ла Горда.

Я слышал ее, но мое внимание было расфокусированно. Умоляющим голосом Ла Горда добавила, что мои искры заставят приближающееся существо отступить. Она начала всхлипывать, и я почувствовал отчаяние. Я не только слышал нечто приближающееся, но и всем телом ощущал его. Я хотел помочиться в свои руки, но из-за смущения и нервозности не смог. Мне передалось возбуждение Ла Горды, и я делал отчаянные усилия, пытаюсь помочиться. Наконец я смог это сделать. Я трижды или четырежды щелкнул пальцами, но из них ничего не вылетело.

– Делай это снова, – сказала Ла Горда. – Чтобы сделать искры, нужно время.

Я объяснил, что уже израсходовал всю мочу. Она была в полном отчаянии.

В это мгновение я увидел приближающуюся к нам массивную прямоугольную фигуру. Мне она почему-то не казалась угрожающей, хотя Ла Горда почти падала в обморок от страха.

Внезапно она развязала шаль, вскочила на лежащую за мной небольшую глыбу и крепко вцепилась в меня сзади, положив подбородок мне на голову. Она практически вскарабкалась мне на плечи. В тот момент, когда мы приняли эту позу, фигура перестала двигаться. Она продолжала тяжело дышать, находясь примерно в двадцати футах от нас.

Я почувствовал колоссальное напряжение, сосредоточенное в средней части тела. Спустя какое-то время я знал без тени сомнения, что если мы не изменим этого положения, наша энергия истощится и мы станем жертвами нашего преследователя.

Я сказал, что ради спасения наших жизней мы должны бежать. Она отрицательно покачала головой. Казалось, она вновь обрела силу и уверенность. Затем Ла Горда сказала, что мы должны прикрыть головы руками и лечь, поджав ноги к животу. Неожиданно я вспомнил, что как-то ночью несколько лет назад дон Хуан заставил меня сделать то же самое. Тогда, в пустынном поле Северной Мексики, я был настигнут чем-то таким же неизвестным, но и столь же реальным для моих чувств. В тот раз дон Хуан сказал, что спастись бегством бесполезно и единственное, что можно сделать, это оставаться на месте в позе, только что описанной Ла Гордой.

Я готов был опуститься на колени, но у меня неожиданно появилась уверенность, что мы совершили большую ошибку, покинув пещеру. Мы должны были вернуться в нее во что бы то ни стало.

Я закрепил шаль Ла Горды петлей, проходящей под мышками, предложил ей взобраться мне на плечи, встать на них и держаться там, используя концы шали в качестве поводьев. Несколько лет назад дон Хуан говорил мне, что нужно встречать странные события, подобные встрече с этой прямоугольной фигурой, неожиданными действиями. Он рассказал мне, что однажды сам столкнулся с оленем, который «разговаривал» с ним. Дон Хуан все это время простоял на голове, чтобы спасти свою жизнь и ослабить напряжение этого события.

Мне пришло в голову попытаться обойти фигуру и вернуться к пещере с Ла Гордой, стоящей у меня на плечах.

Она прошептала, что о пещере не может быть и речи. Нагуаль говорил ей, что там оставаться нельзя. Я начал доказывать, что мое тело уверено: в пещере с нами будет все в порядке. Она ответила, что это правда. Но это сработало бы только в случае, если бы у нас был способ контролировать эти силы. Для этого необходим был специальный контейнер вроде тех тыквочек-горлянок, которые висели у поясов дона Хуана и дона Хенаро.

Сняв башмаки, она вскарабкалась мне на плечи и встала там. Я держал ее за икры. Когда она натянула концы своей шали, я почувствовал натяжение петли у себя подмышками и подождал, пока она добьется равновесия. Идти в темноте, имея сто пятнадцать фунтов на плечах, было далеко не просто. Я шел очень медленно. Насчитав двадцать три шага, я вынужден был опустить ее вниз. Боль в плечах стала невыносимой. Я сказал ей, что хотя она и очень стройная, но своим весом чуть не переломала мне ключицы.

Но самым интересным было то, что прямоугольная фигура исчезла. Наша стратегия сработала! Ла Горда предложила некоторое время нести меня на своих плечах. Я нашел эту идею смешной. Мой вес был слишком большим для ее хрупкого сложения. Мы решили идти еще некоторое время и наблюдать, что будет происходить.

Нас окружала мертвая тишина. Мы шли медленно, обхватив друг друга. Но прошли мы не больше нескольких ярдов, как я снова услышал похожий на странное дыхание шум и мягкое долгое шипение, похожее на шипение больших диких кошек. Я поспешно помог Ла Горде взобраться на свои плечи и прошел еще сто десять шагов.

Я знал, что если мы хотим выбраться отсюда, то должны придерживаться тактики неожиданного. Я хотел придумать новую серию неожиданных действий, как вдруг она сдернула с себя свое длинное платье. Одним движением она обнажилась и пригнулась к земле, что-то отыскивая. Я услышал треск и Ла Горда встала, держа ветку от низкого куста. Укутав шалью мои шею и плечи, она сделала для себя нечто вроде седла, чтобы сесть, обвив ногами мою талию так, как носят на спине маленьких детей. Затем она нацепила платье на ветку и подняла ее над головой. Ла Горда стала размахивать веткой, заставляя платье совершать странные скачки. К этому эффекту она добавила своеобразный свист, имитируя крик ночной совы.

Пройдя сто ярдов, я услышал те же звуки, доносящиеся сзади и с обеих сторон. Она переменила свист на птичий зов —

пронзительный крик, вроде того, который издают павлины. Через некоторое время павлиньи крики доносились уже отовсюду.

Много лет назад вместе с доном Хуаном я был свидетелем подобного феномена ответных птичьих криков. Тогда я считал, что эти звуки издавал или сам дон Хуан, прятаясь поблизости, или кто-то тесно связанный с ним, вроде дона Хенаро. Кто-то помогал ему вызвать у меня неудержимый страх, заставлявший меня бежать в полной темноте, даже не спотыкаясь.

Дон Хуан называл этот особый бег в темноте «походкой силы».

Я спросил Ла Горду, знает ли она, как выполняется бег силы. Она ответила, что знает. Я сказал, что мы должны попробовать его, хотя я не уверен, что вообще смогу сейчас его выполнить. Указав вперед, Ла Горда ответила, что для этого неподходящее время и место. Мое и без того быстро стучащее сердце бешено заколотилось в груди. Прямо передо мной, примерно в десяти футах, стоял один из союзников дона Хенаро, странный пылающий человек с длинным лицом и лысой головой. Я застыл на месте. Словно издали до меня донесся вопль Ла Горды. Она неистово заколотила кулаками по моим бокам. Ее удары нарушили мою фиксацию на человеке. Она повернула мою голову налево, а затем направо. С левой стороны, почти касаясь моей ноги, находилась черная масса гигантской кошки с горящими желтыми глазами. Справа от себя я увидел громадного фосфоресцирующего койота. За нами, почти касаясь спины Ла Горды, темнела прямоугольная фигура.

«Человек» повернулся к нам спиной и двинулся по тропинке. Я пошел следом. Ла Горда продолжала вопить и скулить. Прямоугольная форма едва не хватала ее за спину. Я слышал, как она двигалась с сокрушительными тяжелыми ударами. Звук ее шагов отдавался в холмах позади нас. На шее чувствовалось ее холодное дыхание. Я знал, что Ла Горда близка к сумасшествию. Я, впрочем, тоже. Ягуар и койот почти соприкасались с моими ногами. Я слышал их нарастающее шипение и рычание. В этот миг у меня возникло иррациональное побуждение воспроизвести определенный звук, которому научил меня дон Хуан. Союзники ответили мне. Я исступленно повторил его, и они ответили вновь. Напряжение

постепенно спадало, и когда мы приблизились к дороге, я был участником весьма экстравагантного зрелища. Ла Горда сидела верхом, счастливо размахивая своим платьем над головой, словно ничего не произошло, в ритм со звуком, который я производил, а четыре создания иного мира отвечали мне, шествуя со мной в ногу и примыкая к нам со всех сторон.

В таком виде мы вышли на дорогу. Но мне еще не хотелось уезжать. Казалось, чего-то не хватает. Я остановился с Ла Гордой на спине и воспроизвел еще один весьма специфический, напоминающий постукивание звук, которому меня научил дон Хуан. Он сказал тогда, что это – зов бабочек. Чтобы воспроизвести его, нужно было использовать край левой ладони и губы.

Как только я издал его, все мирно закончилось. Когда четыре существа ответили мне, я уже знал, какие из них будут моими. Я подошел к машине, снял со спины Ла Горду и посадил ее на сидение.

Возвращались мы в полном молчании. Что-то коснулось меня где-то, и все мысли исчезли.

Ла Горда предложила поехать не к ее дому, а к месту, где жил дон Хенаро. Она сказала, что Нестор Бениньо и Паблито живут там, но сейчас их нет в городе. Ее идея мне понравилась.

Войдя в дом, Ла Горда зажгла лампу. Со времени моего последнего приезда к дону Хенаро обстановка не изменилась. Мы сели на пол. Придвинув скамейку, я положил на нее блокнот. Я не устал и хотел записывать, но не смог этого сделать.

– Что Нагуаль рассказывал тебе о союзниках?

Мой вопрос явно застал ее врасплох. Она не знала, что ответить.

– Я не могу думать, – наконец сказала она. Казалось, она никогда не испытывала подобного прежде. Она расхаживала передо мной взад-вперед. Мелкие капли пота выступили у нее на кончике носа и на верхней губе.

Внезапно схватив за руку, она практически вытащила меня из дома и повела в ближайший овраг. Там ее стошнило.

Я тоже почувствовал тошноту. Она сказала, что напряжение от встречи с союзниками было слишком большим и что я должен заставить себя вырвать. Я уставился на нее, ожидая дальнейших объяснений. Ла Горда взяла мою голову в свои руки и сунула мне палец в горло с решительностью няни, имеющей дело с ребенком. Меня действительно стошнило. Она объяснила, что у человеческих существ есть очень деликатного рода свечение в области живота и что это свечение постоянно испытывает напряжение под воздействием всего окружающего. Временами, когда напряжение слишком велико, как в случае контакта с союзниками, или даже просто с сильными людьми свечение становится возбужденным, меняет цвет или даже совсем угасает. В таких случаях можно помочь единственным способом – рвотой.

Я почувствовал себя лучше, но еще не полностью пришел в себя. У меня было ощущение усталости, ощущение тяжести вокруг глаз. Мы пошли в дом. Когда мы подошли к двери, Ла Горда понюхала воздух, как собака и сказала, что ей известно, какие союзники мои. Ее заявление, которое в обычных условиях не имело бы другого значения, кроме того, о котором она упомянула или того, которое я прочел в ее словах, сейчас имело качество катарсического средства. Оно заставило меня взорваться мыслями. В один миг мое интеллектуальное мышление ожило. Я чувствовал себя прыгающим в воздух, как если бы мысли имели свою собственную энергию.

Прежде всего, я подумал, что союзники – реальные существа. Раньше я не смел сознаться в этом даже самому себе. Я видел их, чувствовал их, и общался с ними. Меня охватило состояние эйфории. Обняв Ла Горду, я стал объяснять ей свою интеллектуальную дилемму. Я видел союзников без помощи дона Хуана и дона Хенаро. и этот акт все перевернул во мне. Я рассказал Ла Горде, как однажды сообщил дону Хуану, что видел одного из союзников. Он рассмеялся и посоветовал не воспринимать это так серьезно и не придавать увиденному значения.

Мне никогда не хотелось верить в то, что я галлюцинирую, но и допустить, что это действительно был союзник, я не мог. Моя рациональная основа была незыблемой. Я был бессилён заполнить этот пробел. Но в этот раз все было иначе и мысль, что на этой Земле имеются существа другого мира, в то же время ей не чуждые, была большим, чем я мог выдержать. Полушутя я сказал Ла Горде, что втайне буду считать все это безумием. Это освободило бы некоторую часть меня от сокрушительной ответственности за перестройку моего понимания мира. Ирония заключалась в том, что я желал такой перестройки, но – только на интеллектуальном уровне. Но этого было недостаточно, этого никогда не было достаточно. Это было моим вечным непреодолимым препятствием, моим смертельным изъяном. Я желал полуубежденно болтаться в мире дон Хуана; поэтому я был квази-магом⁹. Все мои усилия были не более чем бессмысленным рвением отгородиться интеллектом, словно я находился в академии, где можно заниматься этим с восьми до семнадцати, а потом, достаточно устав, идти домой отдыхать. Дон Хуан шутил, что после описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере школяр в пять часов уходит домой для того, чтобы забыть о своем прекрасном построении.

Пока Ла Горда готовила еду, я лихорадочно работал над заметками. После еды я расслабился. Ла Горда пребывала в прекрасном расположении духа. Подобно дону Хенаро, она паясничала, подражая моему поведению во время письма.

– Что тебе известно о союзниках, Горда? – спросил я.

– Только то, что говорил мне Нагуаль. – ответила она.

– Он говорил, что это силы, которых маг учится контролировать. У него и Хенаро в горлянках¹⁰ было по два союзника.

– Как они держали их внутри горлянок?

⁹ Quasy – как будто, как бы, якобы, почти.

¹⁰ Gourds – тыквы, бутылки из тыквы {см. стр. 39}

– Этого никто не знает. Нагуаль говорил, что прежде чем обуздывать союзников, необходимо найти маленькую превосходную горлянку с горлышком.

– Где можно найти такую горлянку?

– Где угодно. Нагуаль говорил мне, что если мы останемся в живых после нападения союзников, мы должны будем найти идеальную горлянку величиной с большой палец левой руки. Такого размера была горлянка Нагуаля.

– Ты видела его горлянку?

– Нет. Никогда. Нагуаль говорил, что горлянка такого рода уже не в мире людей. Она подобна маленькому узелку, притороченному к поясу. На нее нельзя смотреть преднамеренно, – все равно ничего не увидишь.

Горлянку, как только она найдена, следует тщательно вычистить. Обычно маги находят подобные горлянки в лесу на виноградных лозах¹¹. Они снимают их и высушивают, а затем выдалбливают, сглаживают и полируют. Как только горлянка готова, маг должен предложить ее союзникам и переманить их жить там. Если союзники соглашаются жить в ней, горлянка исчезает из мира людей, а союзники становятся помощниками мага. Нагуаль и Хенаро с помощью союзников делали все, что не могли делать сами. Например, так ветер гнал меня, а цыпленок бегал в блузе Лидии.

Я услышал за дверью специфическое протяжное шипение. Это был тот же звук, который я слышал двумя днями раньше в доме доньи Соледад. Теперь я уже знал, что это был ягуар. Звук не пугал меня. Я вышел бы посмотреть на ягуара, если бы Ла Горда не остановила меня.

– Ты все еще неполный, – сказала она. – Союзники проглотят тебя, если ты выйдешь сам. Особенно тот смельчак, который сейчас там рыщет.

¹¹ Vine – виноградная лоза, стелющееся или ползучее растение.

– Мое тело чувствует себя в безопасности, – запротестовал я.

Она похлопала меня по спине и снова усадила возле скамейки, на которой я писал.

– Ты еще неполный маг, – сказала она. – У тебя посредине огромная заплата и сила союзников сорвет ее с места. Они – не шутка.

– Что предполагаешь делать ты, когда к тебе так явятся союзники?

– Они не беспокоят меня ни в каком смысле. Нагуаль научил меня уравновешенности, и я ничего не ищу страстно. Сегодня вечером я поняла, какие союзники придут к тебе, если ты когда-нибудь сможешь достать горлянку и обработать ее. Ты способен страстно стремиться получить их, я – нет. Возможно, я сама так никогда их и не получу. С ними много хлопот. Они как заноза.

– Почему?

– Потому что это силы, и как таковые они могут выжать тебя досуха. Нагуаль говорил, что лучше пожертвовать всем, кроме своей цели и свободы. Когда ты станешь полным, мы, видимо, должны будем сделать выбор – иметь их или не иметь.

Я сказал ей, что мне лично ягуар понравился, хотя и есть в нем что-то подавляющее.

Она уставилась на меня. В ее глазах сквозило удивление и замешательство.

– Но он мне действительно понравился!

– Расскажи мне, что ты видел, – сказала она.

Тут до меня дошло, что она могла видеть их иначе, чем я. Я подробно описал ей всех четырех союзников, как я их видел. Она слушала более чем внимательно. Казалось, она была околдована моим описанием.

– Союзники не имеют формы, – сказала она, выслушав меня. – Они словно присутствие, словно ветер, словно пылание. Первый – сегодняшний – был чернотой, пытавшейся проникнуть в мое тело. Именно поэтому я и вопила. Я чувствовала, как она поднимается у меня по ногам. Другие были просто цветом. Они так пылали, что на тропинке было светло, как днем.

Ее утверждения потрясли меня. А я-то принял наконец после многих лет борьбы и на основе опыта этой ночи, что союзники имеют консенсуальную форму, субстанцию, одинаково воспринимаемую органами чувств каждого человека.

Я, шутя, сказал Ла Горде, что уже успел записать в своих заметках, что союзники – это создания, имеющие форму.

– Что же мне после этого делать? – задал я риторический вопрос.

– Это очень просто. Напиши теперь, что они не такие.

Я подумал, что она абсолютно права.

– Но почему же я видел их как монстров?

– В этом нет тайны. Ты все еще не потерял свою человеческую форму. То же происходило и со мной. Но я обычно видела их людьми. Они были индейцами с ужасными лицами и злобными взглядами. Обычно они ожидали меня в пустынных местах. Я думала, что интересую их как женщина. Нагуаль всегда смеялся до упаду над моими страхами. Но я бывала смертельно испугана. Один из них приходил, садился на мою постель и тряс ее, пока я не просыпалась. Страх мой был так велик, что и сейчас, когда я изменилась, я не хотела бы еще раз испытать это. Похоже, что сегодня ночью я боялась союзников не меньше, чем боялась их раньше.

– Ты хочешь сказать, что ты больше не видишь их человеческими существами?

– Не вижу. Нагуаль говорил тебе, что союзники бесформенны. Он прав. Союзник – только присутствие, помощник, который есть ничто и все же он так же реален, как ты и я.

– Сестрички видели союзников?

– Так или иначе все их видели.

– Союзники для них тоже только сила?

– Нет. Они как ты. Они все еще не потеряли свою человеческую форму. Никто из них. Для них всех – сестричек, Хенарос и Соледад – союзники являются устрашающими фигурами, злобными и ужасными ночными созданиями. Одно упоминание о союзниках сводит с ума Лидию, Хосефину и Паблито. Роза и Нестор их не боятся, но и они не хотят сталкиваться с союзниками. У Бениньо свои планы, так что он не интересуется ими. На самом деле они не беспокоят ни его, ни меня. А вот другие оказываются для них легкой добычей, особенно сейчас, когда союзники вышли из горлянок Нагуаля и Хенаро. Вот за тобой они следят все время.

Нагуаль сказал мне, что пока человек цепляется за человеческую форму, то он может отражать только эту форму. А поскольку союзники питаются напрямую от нашей жизненной силы в середине нашего живота, они обычно заставляют нас чувствовать тошноту, и затем мы видим их как могучих и безобразных существ.

– Что можно сделать, чтобы защитить себя или видеть их в другой форме?

– То, что должны сделать вы все, – это потерять свою человеческую форму.

– Что ты имеешь в виду?

Мой вопрос, похоже, показался ей бессмысленным. Ла Горда безучастно уставилась на меня, как бы ожидая дальнейших объяснений. Она на мгновение закрыла глаза.

– Ты не знаешь о человеческой матрице¹² и человеческой форме, правда? – спросила она.

Я изумленно уставился на нее.

– Я только что видела, что ты ничего не знаешь о них, – улыбнувшись, сказала она.

– Ты абсолютно права.

– Нагуаль говорил мне, что человеческая форма – это сила, а человеческая матрица – это... ну... матрица. Он сказал, что все имеет свою собственную матрицу. Растения имеют матрицы, животные, черви. Ты уверен, что Нагуаль никогда не показывал тебе человеческую матрицу?

Я рассказал ей, что он упоминал это понятие, но лишь вкратце, пытаясь объяснить один из моих снов. В этом сне я увидел человека, который, казалось, прятался в темноте узкой ложины. Заметив его там, я испугался. Какое-то время я смотрел на него, а потом человек выступил вперед и стал виден полностью. Он был обнажен и тело его пылало. Выглядел он утонченным, почти хрупким. Мне понравились его глаза. Они были дружескими и глубокими. Я подумал, что они очень добрые. Но затем он отступил назад, в темноту и его глаза стали подобны двум зеркалам, глазам свирепого животного.

Дон Хуан сказал, что я столкнулся в «сновидении» с человеческой матрицей. Он объяснил, что для вступления в контакт с человеческой матрицей маги располагают таким средством, как «сновидение». И что матрица людей определенно является сущностью, сущностью, которую могут видеть некоторые из нас в то время, когда мы насыщены силой, и безусловно все – в момент смерти. Он описал матрицу как источник, начало человека. Поскольку без матрицы, группирующей вместе силу жизни, эта сила не имеет возможности собраться в человеческий облик. Он объяснил мой сон как краткий, очень упрощенный и мимолетный

¹² Mold – шаблон, матрица и т.п.

взгляд на матрицу. И еще добавил, что мой сон, безусловно, подтверждает, что я – человек схематичный и приземленный.

Смеясь, Ла Горда заметила, что хотела сказать мне то же самое. Видеть матрицу как обычного обнаженного человека, а затем как животное – действительно очень упрощенное видение матрицы.

– Наверное, это был просто обычный бестолковый сон, – сказал я, пытаясь защититься.

– Нет, – ответила она с усмешкой. – Видишь ли, человеческая матрица пылает и всегда находится в водных дырах и водных лощинах.

– Почему именно там?

– Она питается водой. Без воды нет матрицы. Я знаю, что Нагуаль регулярно брал тебя к водным дырам в надежде показать тебе матрицу. Но увидеть ее не позволяла твоя пустота. То же самое было и со мной. Он обычно заставлял меня ложиться обнаженной на камень в самом центре засохшей водной дыры, но я добилаь только ощущения чьего-то присутствия, напугавшего меня до потери сознания.

– Почему пустота мешает увидеть матрицу?

– Нагуаль сказал, что все в мире – сила, притяжение или отталкивание. Для того чтобы нас отталкивали или притягивали, мы должны быть похожи на парус или воздушный змей на ветру. Но если в центре нашей светимости дыра, сила проходит сквозь нее и никогда не воздействует на нас.

Нагуаль говорил мне, что Хенаро очень любил тебя и из всех сил пытался помочь тебе осознать дыру в середине тебя. Он заставил летать свое сомбреро как змея, чтобы подразнить тебя; он даже вытягивал тебя из этой дыры, доводя тебя до поноса, но ты так никогда и не уловил того, что он делал.

– Но почему они не говорили так понятно, как Ты сейчас?

– Они говорили, но ты не обращал внимания на их слова.

Я не мог ей поверить. Немыслимо было допустить, чтобы они говорили мне об этом, а я не смог осознать.

– Ты когда-нибудь видела матрицу, Горда?

– Конечно, когда я снова стала полной. Я пошла однажды сама к той водной дыре, и она был там. Это было лучистое светящееся существо. Я не могла смотреть на него. Оно ослепило меня. Но одного нахождения в его присутствии было достаточно. Я чувствовала себя сильной и счастливой. Ничто другое не имело значения. Ничто. Все, чего я хотела, – это быть там. Нагуаль сказал, что иногда, когда у нас достаточно личной силы, мы можем схватить проблеск матрицы, даже если мы и не являемся магами. Когда это случается, мы говорим, что видели Бога. Он сказал, что если мы называем его Богом, то это правда. Матрица – это Бог.

Я пришла в ужас, услышав это от Нагуаля, потому что я была очень религиозна. Религия – это все, что у меня было. Поэтому от слов Нагуаля меня обычно бросало в дрожь. Но потом я стала полной, силы мира начали толкать меня, и я поняла, что Нагуаль был прав. Матрица – это Бог. Как ты думаешь?

– Обещаю тебе сказать это в день, когда увижу ее.

Она засмеялась и сказала, что Нагуаль обычно шутил, что в тот день, когда я увижу матрицу, я стану монахом, потому что в глубине души я очень религиозен.

– Матрица, которую ты видела, кем она был – мужчиной или женщиной? – спросил я.

– Ни то, ни другое. Это был просто светящийся человек. Нагуаль сказал, что я могла бы спросить что-нибудь о себе самой. Что это шанс, которого не должен упускать воин. Но я не смогла придумать вопроса. И так было лучше всего. У меня остались самые прекрасные воспоминания об этом. Нагуаль сказал, что воин, имеющий достаточно силы, может видеть матрицу много-много раз. Какая это, должно быть, большая удача!

– Но если человеческая матрица – это то, что скрепляет нас вместе, то что же тогда человеческая форма?

– Нечто клейкое, клейкая сила, которая делает нас такими людьми, какие мы есть. Нагуаль говорил мне, что человеческая форма на самом деле бесформенна. Как и союзники, которых он носил в своей горлянке, это может быть чем угодно. Но, несмотря на отсутствие формы, оно владеет нами в течение всей нашей жизни и не оставляет нас, пока мы не умрем. Я никогда не видела человеческую форму, но я чувствовала ее в своем теле.

Затем она описала очень сложную серию ощущений, которые были у нее в течение последних нескольких лет. Их кульминацией было серьезное физическое расстройство, напомнившее мне описание тяжелого сердечного приступа. Она сказала, что человеческая форма, являясь силой, покинула ее тело после тяжелой внутренней борьбы. Этот процесс и проявился в виде тяжелого недомогания.

– Похоже, у тебя был сердечный приступ.

– Может быть и так, – сказала она, – но одно я знаю точно. В тот день, когда это произошло, я потеряла человеческую форму. Я так ослабела, что в течение нескольких дней не могла даже вставать с постели. С того дня у меня уже не было энергии оставаться моим прежним «я». Время от времени я пыталась вернуться к своим старым привычкам, но у меня просто не было сил наслаждаться ими, как прежде. В конце концов я бросила эти попытки.

– В чем смысл потери твоей формы?

– Для того, чтобы измениться, чтобы реально измениться, воин должен сбросить свою человеческую форму. Иначе это будут только разговоры об изменении, как в твоём случае. Нагуаль сказал, что бесполезно полагать или надеяться, что человек может изменить свои привычки. Человек не может измениться ни на йоту, пока держится за свою человеческую форму. Как говорил Нагуаль, воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком.

Воин не испытывает разочарования, когда пытаюсь измениться, терпит неудачу.

– Но ты остаешься собой, Горда, не так ли?

– Нет. Уже нет. Единственное, что заставляет считать себя собой – это форма. Когда она уходит, ты – ничто.

– Но ведь ты все еще разговариваешь, думаешь и чувствуешь как обычно, или нет?

– Ни в коей мере. Я – новая.

Она засмеялась и крепко обняла меня, словно утешая ребенка.

– Только Элихио и я потеряли свою форму, – продолжала она. – Большой удачей было потерять ее, когда Нагуаль еще был с нами. Вам же предстоит ужасное время. Это – ваша судьба. Тот, кто потеряет ее следующим, будет пользоваться только моей поддержкой. Мне жаль его заранее.

– Что ты еще чувствовала, потеряв форму, Горда, кроме недостатка энергии?

– Нагуаль сказал, что воин без формы начинает видеть глаз. Закрывая глаза, я постоянно видела его перед собой. Это было так плохо, что я больше не могла дышать: глаз следовал за мной повсюду, куда бы я ни пошла. Я чуть не сошла с ума. В конце концов, видимо, я стала привыкать к нему. Сейчас я даже не замечаю его, потому что он стал частью меня.

Бесформенный воин использует этот глаз, чтобы приступить к сновидению. Если ты не имеешь формы, то тебе не нужно засыпать, чтобы делать сновидение. Глаз перед тобой всякий раз тянет тебя, когда ты хочешь отправиться.

– Где именно этот глаз. Горда?

Она закрыла глаза и провела рукой из стороны в сторону прямо перед своими глазами, очертив размер, равный ширине своего лица.

– Иногда этот глаз очень маленький, а иной раз – огромный, – продолжала она. – Когда он маленький, то сновидение бывает точным. Когда он большой, то сновидение подобно полету над горами, тогда деталей не увидишь. Я еще не делала достаточно сновидения, однако Нагуаль сказал мне, что этот глаз является моей козырной картой. Однажды, когда я стану по-настоящему бесформенной, я больше не буду видеть глаз; он станет ничем, как и я, и все же будет существовать как союзники. Нагуаль сказал, что все просеивается через нашу человеческую форму. Если мы не имеем формы, то ничто не имеет формы, но в то же время все присутствует. Тогда я не могла понять, что имелось в виду, но теперь вижу, что он был абсолютно прав. Союзники – это только присутствие, так же, как и глаз. Но сейчас этот глаз для меня все. Фактически, имея его, мне ничего больше не нужно, чтобы вызывать свое сновидение даже в состоянии бодрствования. Но пока я не смогла сделать этого. Видимо, как и ты, я немного упряма и ленива.

– Как ты выполнила полет, который показывала мне сегодня вечером?

– Нагуаль научил меня, как использовать свое тело для выделения света. Ведь мы, так или иначе, являемся им, так что я выделяла искры и свет, а они, в свою очередь, приманили линии мира. Как только я увидела одну, было легко прицепиться к ней.

– И как ты прицепилась?

– Я схватила ее.

Она сделала жест руками. Согнув пальцы наподобие когтей, она соединила запястья, образовав нечто вроде чаши с обращенными вверх скрюченными пальцами.

– Ты должен схватить линию, как ягуар, – продолжала она, – и никогда не разделять запястья. Если ты сделаешь это, то упадешь и свернешь, себе шею.

Она сделала паузу, и это заставило меня взглянуть на нее в ожидании дальнейших объяснений.

– Ты мне не веришь, не так ли? – спросила она.

Не давая мне времени на ответ, она села на корточки и вновь показала свои искры. Я был спокоен и собран и все свое нераздельное внимание сконцентрировал на ее действиях. Когда она щелкала пальцами, раскрывая их, каждое волокно ее мышц сразу же напрягалось. Это напряжение, казалось, фокусировалось на кончиках ее пальцев и проецировалось наружу как лучи света. Влага на них действительно была проводником, переносящим некоторый вид энергии, эманировавшей из ее тела.

– Как ты это делаешь, Горда? – с искренним изумлением спросил я.

– Я сама не знаю. Я просто делаю, и все. Я уже делала это много-много раз, и все же не знаю, как это у меня получается. Когда я хватаю один из этих лучей, я чувствую, как что-то тянет меня. Я и вправду ничего не делаю, только позволяю линиям, которые схватила, тянуть меня. Когда я хочу вернуться назад, то чувствую, что линии не хотят отпускать меня, и впадаю в панику. Нагуаль сказал, что это моя наихудшая черта. Я становлюсь такой перепутанной, что когда-нибудь искалечу свое тело. Но я надеюсь, что скоро стану еще более бесформенной, и тогда не буду пугаться. Так что, если я до того дня продержусь, со мной все будет в порядке.

– Тогда расскажи, Ла Горда, как ты позволяешь линиям тянуть тебя?

– Мы опять вернулись к тому же. Я не знаю. Нагуаль предостерегал меня, что ты хочешь знать вещи, которые узнать нельзя.

Я пытался объяснить ей, что меня интересует только порядок действий. Я действительно отказался искать у всех них каких бы то ни было объяснений, так как эти объяснения все равно ничего мне не объясняли. Совсем другое дело – описание необходимых шагов.

– Как ты научилась позволять своему телу держаться на линиях мира?

– Я научилась этому в сновидении, – сказала она. – Но я действительно не знаю как. Для женщины-воина все начинается в сновидении. Как и тебе, Нагуаль сказал мне, что сначала нужно посмотреть на свои руки во сне. Я не могла найти их вообще. В моих снах у меня не было рук. Несколько лет я безуспешно пыталась найти их. Обычно каждую ночь я приказывала себе найти руки, но все было напрасно. Я никогда ничего не находила в своих снах. Нагуаль был беспощаден со мной. Он сказал, что я должна или найти их, или погибнуть. Поэтому я соврала ему, что нашла руки. Нагуаль не сказал тогда ни слова, но Хенаро бросил свою шляпу на пол и начал плясать на ней. Он погладил меня по голове и сказал, что я действительно великий воин. Чем больше он расхваливал меня, тем хуже я себя чувствовала. Я была уже готова рассказать Нагуалю о своей лжи, как вдруг сумасшедший Хенаро направил на меня свой зад и издал такой громкий и долгий пердеж, какого я никогда не слышала. Он практически оттолкнул меня им. Это было похоже на горячий и вонючий ветер, омерзительный и зловонный, и очень похожий на меня. Нагуаль задыхался от хохота.

Я убежала в дом и спряталась там. Тогда я была очень толстой. Я привыкла есть много, и у меня были обильные газы. Поэтому я решила некоторое время не есть ничего. Лидия и Хосефина помогали мне. Я ничего не ела двадцать три дня и однажды ночью я нашла свои руки во сне. Они были старыми, безобразными и зелеными, но они были моими. Так что начало было положено. Остальное было легко.

– А что было «остальное», Горда?

– Следующее, чего хотел от меня Нагуаль – попытаться найти в своих снах дома или постройки и смотреть на них, стараясь не разрушить эти образы. Он сказал, что искусство сновидящего заключается в удержании образов своего сна. Потому что, так или иначе, мы занимаемся этим всю нашу жизнь.

– Что под этим подразумевалось?

– Нашим искусством, как обычных людей, является то, что мы знаем, как удерживать образ того, на что мы смотрим. Нагуаль сказал мне, что мы делаем это, но не знаем как. Мы просто делаем это, то есть наши тела делают это. В сновидении мы должны делать то же самое, только вот в сновидении мы должны научиться, как делать это. Мы должны стараться не смотреть, а только бросать мимолетные взгляды, и все же удерживать образ.

Нагуаль велел мне в своих снах найти повязку для моего пупка. На это потребовалось много времени, потому что я не понимала, что он имеет в виду. Он сказал, что в сновидении мы обращаем внимание пупком, поэтому он должен быть защищен. Нам нужно немного тепла или чувство давления на пупок, чтобы удерживать образы в своих снах.

Я нашла в своих снах гальку, которая была в пору моему пупку, и Нагуаль заставлял меня искать ее в водяных дырах и каньонах, пока я не нашла ее. Я сделала для нее пояс, и с тех пор днем и ночью ношу его. Это помогает мне удерживать образы в своих снах. Затем Нагуаль дал мне задание отправляться в сновидении в определенные места. Я действительно хорошо выполняла эти задания, но в то время я потеряла форму и начала видеть перед собой глаз. Нагуаль сказал, что этот глаз все изменил, и приказал использовать глаз, чтобы тянуть себя. Он сказал, что у меня нет времени прийти к своему дублю в сновидении и что глаз – это даже лучше. Я почувствовала обман.

Теперь мне все равно. Я использовала глаз, как только могла. Я позволяла ему тянуть меня в сновидение. Я закрывала глаза и засыпала с легкостью даже днем и в любом месте. Глаз тянет меня, и я вхожу в другой мир. Большую часть времени я просто брожу там.

Нагуаль сообщил мне и сестричкам, что во время наших менструальных периодов сновидение становится силой. Для начала я стала слегка сумасшедшей и более отважной. И, как Нагуаль показывал нам, в эти дни перед нами открывается трещина. Ты не женщина, поэтому для тебя это не имеет никакого смысла, но знай: за два дня до своего периода женщина может открыть для себя эту трещину и вступить через нее в другой мир.

Левой рукой она обвела контуры какой-то невидимой линии, которая, казалось, пролежала вертикально перед ней, на расстоянии вытянутой руки.

– В этот период женщина может, если хочет, отпустить¹³ образы мира, – продолжала Ла Горда. – Это и есть трещина между мирами и, по словам Нагуаля, она находится прямо перед нами – всеми женщинами.

Причина, по которой Нагуаль считал, что женщины – лучшие маги, чем мужчины, заключается в том, что перед ними всегда есть трещина, тогда как мужчина должен сделать ее.

Именно во время своих периодов я научилась летать в сновидении с помощью линий мира. Я научилась делать искры с помощью своего тела, чтобы приманить линии, а потом научилась хватать их. И это пока все, чему я научилась в сновидении.

Я засмеялся и сказал, что мне после нескольких лет практики «сновидения» вообще нечем похвастаться...

– Ты научился вызывать союзников в сновидении, – уверенно сказала она.

Я ответил, что эти звуки научил меня издавать дон Хуан. Было похоже, что она не поверила мне.

– Его союзники должны приходить к тебе, потому что они видят его светимость, – сказала она. – Ту светимость, которую он оставил с тобой. Он говорил мне, что каждый маг имеет так много светимости только для того, чтобы отдавать ее. Поэтому он выделил ее всем своим детям в соответствии с повелением, которое приходило к нему откуда-то из этой безбрежности. Тебе он оставил свой собственный зов.

Она щелкнула языком и подмигнула мне.

¹³ To let go – выпускать из рук, отпускать, освобождать, выкинуть из головы.

– Если ты не веришь мне, – продолжала она, – то почему бы тебе не воспроизвести тот звук, которому научил тебя Нагуаль и посмотреть, не придут ли к тебе союзники?

Мне не хотелось делать этого. Не потому, что я не верил ей, но не хотелось идти у нее на поводу.

С минуту она ждала, но убедившись, что я не собираюсь пробовать, приложила ладонь ко рту и в совершенстве симитировала мой «зов бабочки». Она издавала его в течение пяти-шести минут, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание.

– Видишь, что я имею в виду? – спросила она, улыбаясь. – Союзникам наплевать на мой призыв, несмотря на то, что он очень похож на твой. Теперь попробуй сам.

Я попробовал. Через несколько секунд я услышал ответный зов. Ла Горда вскочила. Мне показалось, что она удивлена даже больше меня. Она поспешно остановила меня, погасила лампу и собрала мои заметки.

Вначале она собиралась открыть дверь, но тут же остановилась. Прямо из-за двери донесся очень пугающий звук. Мне показалось, что это рычание. Звук был таким ужасающим и зловещим, что заставил нас отскочить от двери. Моя физическая тревога была столь интенсивной, что если бы было куда бежать, я сбежал бы.

На дверь напирало что-то тяжелое: оно заставляло дверь трещать. Я посмотрел на Ла Горду. Казалось, она была встревожена еще больше. Она все еще стояла с вытянутой рукой, словно собираясь открыть дверь. Ее рот был открыт. Казалось, она застыла в середине действия. Дверь могла распахнуться в любой момент. Это были не удары, но именно ужасное давление, и не только на дверь, но и со всех сторон дома.

Ла Горда вскочила и велела мне обхватить ее сзади вокруг талии, сомкнув ладони на пупке. Она выполнила странное движение, похожее на резкое встряхивание полотенца, удерживаемого на уровне глаз, и повторила его четыре раза. Затем

она сделала не менее странное движение. Она прижала руки к середине груди ладонями вверх, одна над другой, без соприкосновения друг с другом. Ее локти были расставлены в стороны. Она сжала руки, словно внезапно схватила два невидимых стержня. Потом медленно повернула руки, пока ладони не оказались направленными вниз, и сделала очень красивое напряженное движение, в котором, казалось, приняли участие все мышцы ее тела. Это выглядело так, словно она открывала тяжелую раздвижную дверь, которая с трудом подавалась. Тело ее дрожало от напряжения. Руки двигались медленно, пока не оказались полностью вытянутыми в стороны.

У меня было абсолютно четкое ощущение, что когда она открыла эту «дверь», через нее ворвался ветер. Этот ветер захватил нас, и мы практически пролетели сквозь стену. Или, вернее, стены дома прошли сквозь нас, или же, все трое – Ла Горда, дом и я сам – прошли через дверь, которую она открыла. Внезапно я очутился в поле и мог видеть темные очертания окрестных гор и деревьев. Я больше не держался за талию Ла Горды. Шум надо мной заставил меня посмотреть вверх, и я увидел ее, парящую примерно в десяти футах надо мной подобно черной фигуре гигантского воздушного змея. Я почувствовал ужасный зуд в пупке, и вдруг Ла Горда ринулась вниз с предельной скоростью, но, вместо того, чтобы врезаться в землю, мягко остановилась.

В момент приземления Ла Горды зуд в области моего пупка превратился в ужасно мучительную нервную боль. Казалось, что от этого приземления все мои внутренности вывернуло наизнанку. Я во весь голос завопил от боли.

Ла Горда стояла возле меня, отчаянно переводя дыхание. Я сидел. Мы снова находились в комнате дома дона Хенаро, где были раньше.

Ла Горда никак не могла отдышаться. Она была мокрой от пота.

– Мы должны убраться отсюда, – пробормотала она.

Затем была недолгая поездка к дому сестричек. Ни одной из них поблизости не было. Ла Горда зажгла лампу и повела меня

прямо в открытую дверь к задней части дома. Там она разделась и попросила обмыть ее, как лошадь, бросая воду на ее тело. Я взял небольшой ушат, наполненный водой, и начал лить на нее понемногу, но она попросила, чтобы я окатил ее.

Она объяснила, что такой контакт с союзниками вызывает очень вредную испарину, которую необходимо немедленно смыть. Она заставила меня раздеться и облила водой, холодной, как лед. Она дала мне чистый кусок ткани, и мы насухо вытерлись, возвращаясь в дом. Она села на большую постель в передней комнате, повесив на стену лампу. Ее колени были подняты, и я мог видеть каждую часть ее тела. Сжав в объятиях ее обнаженное тело, я понял, что имела в виду донья Соледад, когда говорила, что Ла Горда – женщина Нагуаль. Она была бесформенной, как и сам Нагуаль. У меня не было возможности думать о ней, как о женщине.

Я стал одеваться. Она забрала у меня одежду и сказала, что прежде чем надеть ее снова, ее необходимо высушить на солнце, и дала мне одеяло, чтобы набросить его на плечи, а себе взяла другое.

– Эта атака союзников была действительно жуткой, – сказала она, когда мы сели на постель. – Нам очень повезло, что мы смогли вырваться из их хватки. Я не знала, почему Нагуаль велел мне идти с тобой к дому Хенаро. Теперь знаю. Этот дом является местом, где союзники сильнее всего. Мы еле-еле спаслись от них. Нам повезло, что я знала, как выйти.

– Как ты это сделала, Горда?

– Я действительно не знаю, – сказала она. – Я просто сделала это. Я думаю, что мое тело знало, но когда я хочу обдумать, как я сделала это, то не могу этого сделать.

Это было великолепным испытанием для нас обоих. Вплоть до сегодняшнего дня я не знала, что смогу открыть глаз, но посмотри, что я сделала. Я действительно открыла его, как и говорил мне Нагуаль. До твоего приезда это у меня никогда не получалось. Я пыталась, но это никогда не срабатывало. На этот раз страх перед союзниками заставил меня схватить глаз так, как говорил мне Нагуаль – встряхнув его четыре раза по всем направлениям. Он

сказал мне, что я должна встряхнуть его, как простыню, а затем открыть, как дверь, держа прямо за середину. Остальное было очень просто. Когда дверь была открыта, я почувствовала сильный ветер, тянущий меня, а не уносящий прочь. Нагуаль говорил, что трудно вернуться. Нужно быть очень сильным, чтобы сделать это. Нагуаль, Хенаро и Элихио легко могли входить в этот глаз и выходить из него.

Для них этот глаз даже не был глазом; они говорили, что это был оранжевый свет, похожий на солнце. И такими же были Нагуаль и Хенаро, когда летали – оранжевым светом. Я по-прежнему стою очень низко по этой шкале. Нагуаль сказал, что когда я летаю, то распластываюсь и выгляжу как кусок коровьего помета в небе. Я не имею света. Поэтому возвращение так ужасно для меня. Сегодня вечером ты помог мне и дважды вытащил меня обратно. Причина, по которой я показала тебе свой полет сегодня вечером, – приказ Нагуаля позволить тебе увидеть это, как бы после этого ни было трудно и мерзко. Предполагалось, что я помогу тебе своим полетом точно так же, как ты помог мне, показав своего дубля. Я видела весь твой маневр из-за двери. Ты был так поглощен чувством жалости к Хосефине, что твое тело не заметило моего присутствия. Я видела, как твой дубль вышел из макушки. Он выполз, как червь. Я видела дрожь, которая началась в твоих ногах и прошла по всему твоему телу, и твой дубль вышел. Он был похож на тебя, но очень сиял. Он был похож на самого Нагуаля. Именно поэтому сестры и оцепенели. Я знаю, они подумали, что это был сам Нагуаль. Однако я не смогла увидеть всего. Я пропустила звук, так как не уделила ему внимания.

– Прости, не понял.

– Дубль требует огромного количества внимания. Нагуаль дал это внимание тебе, но не мне. Он сказал, что уже исчерпал свой запас времени.

Она говорила что-то еще об определенном роде внимания, но я уже слишком устал. Я уснул так внезапно, что не успел отложить в сторону свои заметки.

Глава 4. Хенарос

Я проснулся около восьми утра и обнаружил, что Ла Горда уже высушила на солнце мою одежду и приготовила завтрак. Мы ели на кухне, на обеденной площадке. Закончив завтрак, я спросил о Лидии, Розе и Хосефине. Казалось, они исчезли из дома.

– Они помогают Соледад, – сказала Ла Горда. – Она готовится к отъезду.

– Куда она собирается?

– Куда-нибудь подальше отсюда. У нее нет больше причин оставаться здесь. Она ждала тебя, и ты уже приехал.

– Сестрички собираются вместе с ней?

– Нет. Они просто не хотят сегодня быть здесь. Похоже, им сегодня здесь находиться не стоит.

– Почему не стоит?

– Сегодня Хенарос приходят повидаться с тобой, а девочки не ладят с ними. Если соберутся все вместе, между ними начнется самая ужасная борьба. В прошлый раз они чуть не поубивали друг друга.

– Они борются физически?

– Можешь не сомневаться. Все они очень сильные, и никто из них не хочет быть на вторых ролях. Нагуаль предупреждал, что так и будет, но я бессильна остановить их. Более того, я вынуждена принимать чью-то сторону, так что получается та еще кутерьма.

– Откуда ты знаешь, что Хенарос придут сегодня?

– Я не виделась с ними. Я просто знаю, что сегодня они будут здесь, вот и все.

– Ты знаешь это, потому что видишь, Горда?

– Правильно. Я вижу их идущими. И один из них идет прямо к тебе, потому что ты тянешь его.

Я заверил ее, что никого персонально не тяну. Я добавил, что никому не раскрывал цели своей поездки, но предпринял ее, чтобы выяснить кое-что у Паблито и Нестора.

Скромно улыбнувшись, она сказала, что судьба свела меня с Паблито, что мы очень похожи, и прежде всего, несомненно, именно он рассчитывает увидеть меня. Ла Горда добавила, что все происходящее с воином можно интерпретировать как знак. Следовательно, мое столкновение с Соледад было знаком о том, что именно мне предстоит выяснить в этот мой приезд. Я попросил ее объяснить, что она хочет этим сказать.

– Сейчас мужчины дадут тебе очень мало, – сказала она. – Это именно женщины разорвут тебя на клочки, как это делала Соледад. Это то, что сказала бы я после прочтения знака. Ты ждешь Хенарос, но они мужчины, подобные тебе. И обрати внимание на другой знак: они чуть-чуть позади. Я бы сказала – на пару дней позади. Твоя судьба, как и у них, мужчин, – быть на пару дней позади.

– Позади чего, Горда?

– Позади всего. Позади нас, женщин, например.

Она засмеялась и погладила меня по голове.

– Неважно, насколько ты упрям, – сказала она. – Ты убедишься в моей правоте. Жди и смотри.

– Говорил ли тебе Нагуаль о том, что мужчины позади женщин? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Все, что ты должен делать, – это смотреть вокруг.

– Я так и делаю, Горда. Но я не вижу ничего подобного. Женщины всегда позади. Они зависят от мужчин.

Она засмеялась. В ее смехе не было ни пренебрежения, ни язвительности. Он скорее был выражением чистого веселья.

– Ты знаешь мир людей лучше, чем я, – с нажимом сказала она. – Но я уже бесформенная, а ты – нет. Я говорю тебе – женщины как маги лучше, потому что перед нашими глазами есть трещина, а перед вашими нет.

Она не казалась сердитой, но я счел нужным объяснить, что задавал вопросы или делал замечания не потому, что нападаю или защищаюсь, а потому, что мне хотелось поговорить с ней.

Она сказала, что только и делает, что говорит со мной с тех пор, как мы встретились, и что Нагуаль научил ее разговаривать потому, что ее задача была такая же, как и моя – быть в мире людей.

– Все, что мы говорим, – продолжала она, – является отражением мира людей. Еще до отъезда ты поймешь, что говоришь и действуешь так только потому, что цепляешься за свою человеческую форму, как Хенарос и сестрички – за свою, когда стремятся убить друг друга.

– Но разве вы не обязаны сотрудничать с Паблито и Нестором?

– Хенаро и Нагуаль сказали всем нам, что мы должны жить в гармонии, помогать и защищать друг друга – потому что мы одиноки в этом мире. Мы вчетвером оставлены на попечение Паблито, но он трус. Если бы это зависело от него, то он бросил бы нас подыхать, как собак. Впрочем, когда Нагуаль был здесь, Паблито был очень любезен с нами и очень о нас заботился. Мы обычно поддразнивали его и шутили, что он заботится о нас так, словно мы его жены. Нагуаль и Хенаро сказали ему перед уходом, что у него есть реальный шанс стать Нагуалем, так как мы могли бы стать его четырьмя ветрами, его четырьмя сторонами света. Паблито воспринял это как свое задание и с тех пор изменился. Он просто невыносим и стал вести себя и командовать нами так, словно мы в действительности были его женами.

Я спросила Нагуаль о шансах Паблито, и он сказал мне, что я должна знать, что в мире война все зависит от личной силы, а личная сила зависит от безупречности. Если бы Паблито был безупречен, он имел бы шанс. Я засмеялась, услышав это: я знаю Паблито очень хорошо. Но Нагуаль объяснил, что нельзя относиться к этому легкомысленно. Он сказал, что у воинов всегда есть шанс, пусть даже и незначительный. Он заставил меня понять, что я воин и не должна препятствовать Паблито своими мыслями. Он сказал также, что я должна остановить их и предоставить Паблито самому себе, что безупречное действие для меня – это помогать Паблито, вопреки тому, что я знала о нем.

Я поняла то, что сказал Нагуаль. Кроме того, у меня есть собственный долг перед Паблито, и я охотно воспользовалась возможностью помочь ему. Но я знала, что, несмотря на мою помощь, он все равно потерпит неудачу. Я также знала, что он не обладает тем, что необходимо для того, чтобы быть Нагуалем. Из-за своей небезупречности он просто жалок, но все же по-прежнему в своих мыслях пытается быть похожим на Нагуалья.

– Как он потерпел неудачу?

– Когда Нагуаль ушел, у Паблито произошла смертельная схватка с Лидией. Несколько лет тому назад Нагуаль дал ему задание стать мужем Лидии, но только для видимости. Местные жители думали, что она его жена. Лидии это было неприятно. Она очень вспыльчивая. Дело в том, что Паблито всегда боялся ее до смерти. Они никогда не могли поладить друг с другом и терпели друг друга только потому, что рядом был Нагуаль. Но когда он ушел, Паблито стал еще более ненормальным, чем был, и пришел к убеждению, что у него достаточно личной силы, чтобы сделать нас своими женами. Трое Хенарос собрались вместе, обсудили дальнейшие действия Паблито и решили, что сначала он должен взяться за самую несговорчивую женщину, Лидию. Дождавшись, когда она останется одна, все трое вошли в дом, схватили ее за руки, повалили на постель, и Паблито взобрался на нее. Сначала она думала, что Хенарос шутят. Но когда она поняла, что у них серьезные намерения, то ударила Паблито головой в середину лба и

чуть не убила его. Хенарос убежали, а Нестору пришлось несколько месяцев лечить рану Паблито.

– Могу ли я хоть чем-то помочь им?

– Нет. К несчастью, их проблема заключается не в понимании. Все шестеро очень хорошо все понимают. На самом деле трудность в чем-то ином, очень угрожающем и ничто не может помочь им. Они индугируют в том, что не пытаются измениться. Так как они знают, что сколько бы они ни пытались, нуждались или хотели, но успеха в изменении не добьются, то вообще отказались от всяких попыток. Это так же неправильно, как и чувствовать разочарование из-за своих неудач при попытке изменения. Нагуаль говорил каждому из них, что воины – как мужчины, так и женщины – должны быть безупречными в своих усилиях измениться, чтобы вспугнуть свою человеческую форму и стряхнуть ее. Как сказал Нагуаль, после многих лет безупречности наступит момент, когда форма не сможет больше выдерживать это и уйдет, как она покинула меня. Конечно, при этом она повреждает тело и может даже убить его, но безупречный воин всегда выживет.

Внезапный стук в дверь прервал ее. Ла Горда встала и пошла открывать. Это была Лидия. Она как-то очень официально приветствовала меня и попросила Ла Горду пойти вместе с ней. Они ушли.

Я был рад остаться в одиночестве. Несколько часов я работал над своими заметками. На открытой обеденной площадке было светло и прохладно.

Ла Горда вернулась около полудня. Она спросила меня, хочу ли я есть. Я не был голоден, но по ее настоянию поел. Она сказала, что контакты с союзниками очень изнурительны и что она чувствует себя очень слабой.

После еды я сел вместе с Ла Гордой и собрался расспросить ее о «сновидении», но внезапно дверь отворилась, и вошел Паблито. Он часто и тяжело дышал. Видимо, он бежал и был очень возбужден. С минуту он стоял у двери, переводя дыхание. Он мало изменился. Пожалуй, он выглядел немного старше, может быть, чуть массивнее

или, может быть, только более мускулистым. Однако он все еще оставался таким же худощавым и жилистым. Он был бледен, словно давно не был на солнце. Карий цвет его глаз подчеркивался едва заметными признаками утомления на лице. Я помнил очаровательную улыбку Паблито, а когда он стоял там, глядя на меня, его улыбка была столь же очаровательной, как и всегда. Он подбежал ко мне и молча схватил за руки. Я встал, а он слегка встряхнул и обнял меня. Я тоже был чрезвычайно рад видеть его и подпрыгивал от радости, как ребенок. Я не знал, что сказать. Наконец, он нарушил молчание.

– Маэстро, – сказал он мягко, слегка наклоняя голову как бы в знак преклонения передо мной.

Титул «маэстро» – «учитель», застал меня врасплох. Я обернулся, как бы ища кого-то, кто находился прямо за мной. Я умышленно утрировал свои движения, чтобы показать свое недоумение. Он улыбался, и единственное, что пришло мне в голову, это спросить, как он узнал о моем приезде.

Он сказал, что Нестора и Бениньо заставило спешно вернуться необычайно сильное плохое предчувствие. Оно заставило их бежать сутки без передышки. Нестор пошел домой, чтобы узнать, нет ли там чего-то, объясняющего их ощущения. Бениньо пошел в городок к Соледад, а он сам – к дому девушек.

– Ты попал в точку, Паблито, – сказала Ла Горда и засмеялась.

Паблито не ответил и свирепо посмотрел на нее.

– Могу поспорить, что ты думаешь о том, как вышвырнуть меня, – сказал он очень гневно.

– Не борись со мной, Паблито, – спокойно ответила Ла Горда.

Паблито повернулся ко мне и извинился, а затем очень громко добавил, словно хотел, чтобы кто-то еще слышал его, что он принес с собой собственный стул, чтобы сидеть на нем и ставить его там, где ему захочется.

– Вокруг никого нет, кроме нас, – мягко сказала Ла Горда и хихикнула.

– В любом случае я внесу свой стул, – сказал Паблито. – Ты не против, Маэстро?

Я взглянул на Ла Горду. Она подала мне едва заметный знак разрешения кончиком ступни.

– Вноси, вноси все, что хочешь, – сказал я.

Паблито вышел из дому.

– Они такие все, – сказала Ла Горда. – Все трое.

Через минуту Паблито вернулся, неся на плечах необычного вида стул. Форма стула совпадала с очертаниями его спины, так что, когда он нес его на спине в перевернутом виде, стул был похож на рюкзак.

– Можно мне поставить его? – спросил он.

– Конечно, – сказал я, отодвигая скамейку, чтобы освободить место.

Он засмеялся с преувеличенной непринужденностью.

– Разве ты не Нагуаль? – спросил он. – Или ты должен ожидать распоряжения? – добавил он, глядя на Ла Горду

– Я Нагуаль, – шутливо ответил я, чтобы ублажить его.

Я чувствовал, что он ищет повод для ссоры с Ла Гордой. Она, должно быть, тоже почувствовала это, потому что извинилась и вышла в заднюю часть дома.

Паблито поставил свой стул и медленно обошел вокруг меня, как будто обследуя мое тело. Затем он взял стул в одну руку, развернул его и сел, положил сложенные руки на спинку, что позволяло ему сидеть на нем с максимальным удобством. Я сел

напротив. С уходом Ла Горды его настроение совершенно изменилось.

– Я должен попросить у тебя прощения за свое поведение, – улыбаясь, сказал он. – Но мне нужно были отделаться от этой ведьмы.

– Разве она такая плохая, Паблито?

– Можешь не сомневаться в этом, – ответил он.

Чтобы переменить тему, я сказал, что он выглядит прекрасно.

– Ты сам выглядишь прекрасно, Маэстро, – сказал он.

– Что за бред, какой я тебе Маэстро? – спросил я насмешливо.

– Многое изменилось, – сказал он. – Мы находимся в новых условиях, и Свидетель говорит, что ты теперь Маэстро, а Свидетель не ошибается. Но он сам расскажет тебе эту историю. Он скоро здесь появится и будет рад видеть тебя снова. Я думаю, к этому моменту он уже должен был почувствовать, что ты находишься здесь. Когда мы возвращались обратно, мы все почувствовали, что ты, видимо, уже в пути, но никто из нас не почувствовал, что ты уже прибыл.

Тут я сказал, что приехал с единственной целью – увидеть его и Нестора и что только с ними я могу поговорить о нашей последней встрече с доном Хуаном и доном Хенаро, и рассеять мою неуверенность по поводу этой встречи.

– Мы связаны друг с другом, – сказал он. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Ты знаешь это. Однако я должен предупредить, что я не такой сильный, как ты думаешь. Лучше бы нам, наверное, не говорить вообще. Но, с другой стороны, если мы не поговорим, то никогда ничего не поймем.

Тщательно подбирая слова, я объяснил, что суть моего затруднения заключается в одном-единственном вопросе.

– Скажи мне, Паблито, – спросил я. – Мы действительно прыгнули в пропасть в наших телах?

– Я не знаю, – ответил он. – Я действительно не знаю.

– Но ведь ты был рядом со мной?

– В том-то и дело. Был ли я там в самом деле?

Я был раздражен его загадочными ответами. У меня было такое чувство, что если бы я встряхнул его или стиснул, что-то в нем бы освободилось. Мне казалось, что он намеренно утаивает нечто важное. Я сказал, что он, видимо, решил быть скрытным со мной, хотя нас и связывают узы полного доверия.

Паблито качнул головой, как бы молча возражая против моего обвинения.

Я попросил его описать все переживания, начиная с момента, когда дон Хуан и дон Хенаро готовили нас к заключительному прыжку.

Ответ Паблито был невнятным и путаным. Все, что он мог вспомнить о последних минутах перед нашим прыжком в пропасть, – это то, что дон Хуан и дон Хенаро попрощались с нами и скрылись в темноте. В тот момент его сила иссякла, и он был на грани срыва, но я взял его за руку и подвел к краю пропасти, и там он отключился.

– Что случилось потом, после того как ты отключился, Паблито?

– Я не знаю.

– Были ли у тебя сны или видения? Что ты видел?

– Что касается меня, то у меня не было никаких видений, а если и были, то я не мог уделить им должного внимания. Мое отсутствие безупречности мешает мне вспомнить их.

– А потом что случилось?

– Я проснулся на старом месте Хенаро. Не знаю, как я туда попал.

Он замолчал, а я лихорадочно подыскивал в уме какой-нибудь вопрос или критическое замечание в надежде разговорить его. Фактически в ответе Паблито не было ничего, что могло бы помочь объяснить случившееся. Я почувствовал себя обманутым и почти рассердился на него. Мною овладело смешанное чувство жалости к Паблито и к себе и сильнейшего разочарования.

– Мне жаль, что я так разочаровал тебя, – сказал Паблито.

Моей мгновенной реакцией на его слова было скрыть свои ощущения и заверить его, что я вовсе не разочарован.

– Я маг, – сказал он, – скверный маг, но этого достаточно, чтобы знать, что мое тело говорит мне. И сейчас оно говорит мне, что ты на меня сердишься.

– Я не сержусь, Паблито! – воскликнул я.

– Это говорит твой разум, но не твое тело, – сказал он. – Твое тело сердится. Твой разум, однако, не находит причины сердиться на меня – так что ты попал под перекрестный огонь. Самое малое, что я могу для тебя сделать – так это распутать все это. Твое тело сердится, так как оно знает, что я небезупречен и что только безупречный воин может помочь тебе. Твое тело сердится потому, что знает, что я опустошаю себя. Оно знало это с той минуты, когда я вошел в эту дверь.

Я не знал, что сказать. Я чувствовал поток запоздалых осознаний. По-видимому, он был прав, когда говорил, что мое тело знало все это. Во всяком случае, его прямота в столкновении меня с моими чувствами притупила остроту моего разочарования. Я спросил себя, не играет ли сейчас Паблито в какую-то игру со мной? Я сказал ему, что с его прямотой и уверенностью он, видимо, не мог быть таким слабым, каким изобразил себя. Я сказал ему об этом.

– Моя слабость привела к тому, что у меня даже появилось томление, – сказал он шепотом. – Я томлюсь по жизни обычного человека. Можешь ли ты поверить в это?

– Ты не можешь быть серьезным, Паблито! – воскликнул я.

– Я серьезен, – ответил он. – Я тоскую по своей привилегии ходить по земле как обычный человек, без этого ужасного бремени.

Я нашел его позицию просто невозможной и снова и снова восклицал, что этого не может быть. Паблито посмотрел на меня и вздохнул. Внезапно меня охватила тревога. Он, казалось, был на грани слез. Моя тревога повлекла за собой интенсивное сочувствие. Никто из нас не мог помочь друг другу.

В этот момент на кухню вернулась Ла Горда. Паблито, казалось, мгновенно оживился. Он вскочил на ноги и затопал по полу.

– Какого дьявола тебе надо!? – завопил он визгливым нервным голосом. – Почему ты шныряешь вокруг?

Ла Горда обратилась ко мне, словно его и не существовало. Она вежливо сказала, что собирается пойти в дом к донье Соледад.

– На кой черт нам беспокоиться, куда ты идешь? – взвизгнул он. – Можешь отправляться хоть к чертовой матери.

Он затопал по полу, как капризный ребенок, тогда как Ла Горда стояла смеясь.

– Давай уйдем из этого дома, Маэстро, – громко сказал он.

Его внезапный переход от печали к гневу очаровал меня. Я целиком ушел в наблюдение за ним. Одной из его характерных черт, которые меня восхищали, была необыкновенная легкость движений. Даже когда он топал ногами, движения его были грациозны.

Внезапно он протянул руку над столом и чуть не вырвал мой блокнот. Он схватил его большим и указательным пальцами левой руки. Мне пришлось удерживать его изо всех сил обеими руками. В его тяге была огромная сила, так что если бы он действительно хотел забрать блокнот, он сделал бы это без труда. Но он отпустил его и когда он убирал руку, у меня появилось мимолетное впечатление, что она чем-то удлинена. Это случилось так быстро, что я мог объяснить это иллюзией, вызванной внезапностью толчка, произведенного огромной силой его попытки выдернуть блокнот. Но я был уже научен тому, что с этими людьми нельзя ни вести себя, ни объяснять их действия привычным для меня образом, поэтому не стал и пытаться.

– Что у тебя в руке, Паблито? – спросил я.

Он отпрянул и изумленно спрятал руку за спину с отсутствующим выражением лица, пробормотав, что хочет, чтобы мы покинули этот дом, так как здесь ему становится плохо.

Ла Горда громко рассмеялась и сказала, что Паблито такой же хороший притворщик, как Хосефина, а может даже и лучше. И если я буду настаивать, чтобы он сказал, что у него в руке, он упадет в обморок и Нестору придется выхаживать его несколько месяцев.

Паблито начал задыхаться. Его лицо побагровело. Ла Горда равнодушно велела ему прекратить представление, потому что у него нет аудитории. Она уходит, а у меня не хватит терпения. Затем она обернулась ко мне и властно сказала, чтобы я оставался здесь и не ходил к Хенарос.

– Почему, к дьяволу, нет? – завопил Паблито и подскочил к ней, словно пытаясь помешать ей уйти. – Какое нахальство! Говорить Маэстро, что он должен делать!

– У нас была стычка с союзниками в твоём доме прошлой ночью, – сказала Ла Горда Паблито как само собой разумеющееся. – Нагуаль и я ещё не пришли в себя после этого. Я бы на твоём месте, Паблито, уделила внимание работе. Ситуация изменилась. Все изменилось после его приезда.

Ла Горда вышла через переднюю дверь. Я начал понимать, что она действительно выглядит очень усталой. То ли ее туфли были ей чересчур тесны, то ли она была настолько слаба, что едва волочила ноги. Она казалась маленькой и хрупкой.

Я подумал, что, должно быть и сам выгляжу усталым. Так как в доме не было зеркал, мне захотелось выйти наружу и посмотреть на себя в боковое зеркальце моей машины. Я, наверное, так бы и сделал, но Паблито помешал мне. Очень искренне он попросил меня не верить ни слову из того, что она сказала о нем как о притворщике. Я предложил ему не беспокоиться об этом.

– Ты страшно не любишь Ла Горду, правда? – спросил я.

– Можешь повторить еще раз, – сказал он с лютым видом. – Ты лучше других знаешь, какие монстры эти женщины. Нагуаль сказал, что однажды ты приедешь сюда и попадешь к ним в лапы. Он умолял нас быть начеку и предупредить тебя об их замыслах. Нагуаль сказал, что у тебя имеется одна из четырех возможностей: если бы наша сила была достаточной, мы могли бы сами привести тебя сюда, предостеречь и спасти тебя; если бы у нас было мало силы, то мы пришли бы сюда как раз для того, чтобы увидеть твой труп; третьей – было бы найти тебя пленником доньи Соледад или одной из этих омерзительных мужеподобных женщин; четвертой и самой неправдоподобной было бы найти тебя живым и здоровым.

Нагуаль сказал, что если ты останешься в живых, ты сам станешь Нагуалем, и мы должны будем верить тебе, потому что только ты сможешь нам помочь.

– Я сделаю для тебя все что смогу, Паблито. Ты знаешь это.

– Не только для меня. Я не один. Свидетель и Бениньо со мной. Мы вместе, и ты должен помочь всем нам.

– Конечно, Паблито. Об этом нечего и говорить.

– Люди здесь, в округе, никогда не беспокоили нас. Все наши проблемы связаны с этими безобразными мужеподобными уродинами. Мы не знаем, что делать с ними. Нагуаль приказал нам

оставаться возле них несмотря ни на что. Нагуаль дал мне персональную задачу, но я не смог выполнить ее. Раньше я был очень счастлив, ты помнишь. Теперь я, кажется, больше не смогу наладить свою жизнь.

– Что случилось, Паблито?

– Эти ведьмы выжили меня из дому. Они взяли верх и выбросили меня из дому, как мусор. Теперь я живу в доме Хенаро вместе с Нестором и Бениньо. Даже готовить мы должны себе сами. Нагуаль сказал, что такое может случиться, и дал Ла Горде задание быть посредником между нами и этими тремя суками, но Ла Горда все еще остается такой, какой Нагуаль обычно называл ее – Двести Двадцать Задниц. Он дал ей это прозвище потому, что она весила двести двадцать фунтов, и она носила его много лет.

При воспоминании о Ла Горде Паблито фыркнул от смеха.

– Она была самой жирной и вонючей недотепой, какую только можно представить, – продолжал он. – Сейчас она весит вдвое меньше, но по своему уму все еще остается такой же толстой и ленивой и ничего не может сделать для нас. Но теперь ты здесь, Маэстро, и наши беды позади. Теперь нас четверо против четверых.

Я хотел вставить замечание, но он остановил меня.

– Позволь мне закончить то, что я хотел сказать, прежде чем эта ведьма вернется обратно, чтобы вышвырнуть меня, – сказал он, нервно поглядывая на дверь. – Я знаю, что они сказали тебе, что вы пятеро – одно и то же, так как вы – дети Нагуаля. Это ложь! Ты подобен и нам, Хенарос, потому что Хенаро также помогал тебе формировать твою светимость. Ты тоже один из нас. Понимаешь, что я имею в виду? Так что не верь тому, что они говорят. Точно так же ты принадлежишь и нам. Эти ведьмы не знают, что Нагуаль рассказал нам все. Они думают, что только они все знают. Нас сделали два толтека. Мы – дети обоих. Эти ведьмы...

– Постой-постой, Паблито, – сказал я, закрыв ему рот рукой.

Он остановился, очевидно испуганный моим внезапным жестом.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что понадобились два толтека для того, чтобы сделать нас?

– Нагуаль говорил нам, что мы – толтеки. Он сказал нам, что толтек – это получатель и хранитель тайн. Нагуаль и Хенаро – толтеки. Они дали нам свою особую светимость и свои тайны. Мы получили их тайны, и теперь храним их.

Использование им слова «толтек» озадачило меня. Я был знаком только с его антропологическим значением. В этом контексте оно относилось к культуре говорящего на языке науатль народа в Центральной и Южной Мексике, которая ко времени Конкисты уже угасала.

– Почему он называл нас толтеками? – спросил я в полном недоумении.

– Потому что мы ими являемся. Вместо того чтобы называть нас магами или колдунами, он говорил, что мы – толтеки.

– Если это так, то почему ты называешь сестричек ведьмами?

– А, это потому, что я ненавижу их. Это не имеет никакого отношения к тому, чем мы являемся.

– Нагуаль говорил это всем?

– Да, конечно. Все знают это.

– Но он никогда не говорил этого мне.

– Ну, это потому, что ты очень образованный человек и всегда начинаешь обсуждать любую ерунду.

Он пронзительно рассмеялся и похлопал меня по спине.

– Нагуаль случайно не говорил тебе, что толтеки были древним народом, который жил в этой части Мексики? – спросил я.

– Видишь, куда тебя заносит. Вот поэтому он и не говорил тебе. Старый ворон, наверное, и не знал, что толтеки были древним народом.

Смеясь, он стал раскачиваться на своем стуле. Смеялся он очень заразительно и с большим удовольствием.

– Мы – Толтеки, Маэстро, – сказал он. Остальные подтвердят, что мы являемся ими. Это все, что я знаю. Но ты можешь спросить Свидетеля. Он знает. Я потерял свой интерес давным-давно.

Потом он встал и подошел к кухонной плите. Изучив содержимое горшка, стоявшего на малом огне, он спросил, кто приготовил эту еду. Я был совершенно уверен, что это дело рук Ла Горды, но ответил, что не знаю. Он несколько раз принюхался к нему короткими вдохами, как собака, и заявил, что нос говорит ему: еду готовила Ла Горда. Он спросил меня, пробовал ли я это, и когда я сказал, что закончил есть как раз перед его приходом, он взял миску с полки и положил себе огромную порцию. Он настоятельно порекомендовал мне есть только пищу, приготовленную Ла Гордой и пользоваться только ее миской, как это делает он сам. Я ответил, что Ла Горда и сестрички подавали мне еду в темной миске, которую держали на полке отдельно от остальной посуды. Он сказал, что она принадлежала самому Нагуалю. Мы вернулись к столу. Он ел молча и очень медленно. Его полная сосредоточенность заставила меня осознать, что в полном молчании все они ели всегда.

– Ла Горда – великая повариха, – сказал он, закончив есть. – Она обычно кормила меня. Это было много лет назад, когда она еще не ненавидела меня – до того, как она стала ведьмой, я имею в виду – толтеком.

Он посмотрел на меня с искоркой в глазах и подмигнул.

Я почувствовал себя обязанным ответить ему, что Ла Горда не производит на меня впечатления человека, способного кого-то ненавидеть. Я поинтересовался, знает ли он, что она потеряла свою форму.

– Это сплошной вздор! – воскликнул он.

Он уставился на меня, как бы оценивая мой удивленный взгляд, а затем закрыл лицо рукой и захихикал, как смущенный ребенок.

– Ну, хорошо – она действительно сделала это, – сказал он. – Она просто великолепна.

– Почему же тогда ты не любишь ее?

– Я хочу кое-что рассказать тебе, Маэстро, потому что верю тебе. Неправда, что я совершенно не люблю ее. Она самая лучшая. Она – женщина Нагуаля. Просто я веду себя с ней так, потому что мне нравится, когда она балует меня, и она делает это. Она никогда на меня не раздражается. Я могу делать все что угодно. Иногда меня заносит, мною овладевает физическое возбуждение и я хочу отколотить ее. Когда это случается, она просто отпрыгивает в сторону, как это обычно делал Нагуаль. В следующий момент она даже не помнит, что я сделал. Это настоящий бесформенный воин для тебя. Она ведет себя точно так же со всеми. Но остальные из нас – жалкое недоразумение. Мы по-настоящему плохие. Те три ведьмы ненавидят нас, а мы ненавидим их.

– Вы – маги, Паблито. Неужели вы не можете прекратить ваши пререкания?

– Конечно же можем, но не хотим. Ты что, ждешь от нас, что мы будем братьями и сестрами?

Я не знал, что сказать.

– Они были женщинами Нагуаля, – продолжал он. – И все же все ожидали, что возьму их я. Как, во имя неба, я должен был сделать это! Я сделал попытку с одной, но вместо того, чтобы помочь мне, ублюдочная ведьма чуть не убила меня. В результате теперь эти бабы остерегаются меня, словно я совершил преступление. Все, что я делал – это выполнял инструкции Нагуаля. Он сказал мне, что я должен вступить в интимную связь с каждой из них по-очереди, пока я не смогу владеть всеми вместе. Но я не мог вступить в интимную связь даже с одной.

Я хотел спросить его о его матери, донье Соледад, но не мог придумать предлог, чтобы перевести разговор на эту тему. С минуту мы молчали.

– А ты ненавидишь их за то, что они пытались сделать с тобой, или нет? – внезапно спросил он.

Я увидел свой шанс.

– Нет, ничуть, – сказал я. – Ла Горда объяснила мне их мотивы. Но вот нападение доньи Соледад было очень жутким. Ты часто видишься с ней?

Не отвечая, он смотрел в потолок. Я повторил свой вопрос, но вдруг заметил, что его глаза полны слез. Его тело конвульсивно вздрагивало от тихих рыданий.

Он сказал, что когда-то у него была прекрасная мать, которую я, без сомнения, помню и сам. Ее звали Мануэлита; святая женщина, которая поставила на ноги двух своих детей, работая ради этого, как мул. Он испытывал самое глубокое почтение к женщине, которая любила и растила его. Но однажды его несчастливая судьба привела его к встрече с Хенаро и Нагуалем и они, действуя совместно, разрушили его жизнь. Очень эмоционально Паблито сказал, что эти два дьявола взяли его душу и душу его матери. Они убили его Мануэлиту и оставили вместо нее эту жуткую ведьму Соледад. Он посмотрел на меня глазами, полными слез, и сказал, что эта отвратительная женщина – не его мать. Она никак не могла быть его Мануэлитой.

Он неудержимо рыдал. Я не знал, что сказать. Его эмоциональный взрыв был таким неподдельным, а слова такими правдивыми, что на меня нахлынула волна сентиментальности. Мысля как обычный цивилизованный человек, я должен был согласиться с ним. То, что его путь пересекся с путем дона Хуана и дона Хенаро, безусловно, выглядело как несчастье для Паблито.

Я положил руку ему на плечо и сам едва не заплакал.

После долгого молчания он встал и прошел вглубь дома. Я услышал, как он прочищает нос и умывается в бадье. Когда он вернулся, он был спокойнее и даже улыбался.

– Не пойми меня неправильно, Маэстро, – сказал он, – в том, что случилось со мной, я никого не виню. Это была моя судьба. Хенаро и Нагуаль действовали как безупречные воины. Я просто слаб, вот и все. Потому я и потерпел неудачу при выполнении своего задания. Нагуаль сказал, что мой единственный шанс избежать нападения этой ужасной ведьмы – это овладеть четырьмя ветрами и сделать их своими четырьмя сторонами света. Но я потерпел неудачу. Эти женщины были в сговоре с Соледад и не захотели помочь мне. Они хотели моей смерти. Нагуаль говорил, что если я потерплю неудачу, у тебя самого не останется никаких шансов. Если бы она убила тебя, то я должен был спасаться и бежать ради спасения своей жизни. Правда, он сомневался, что я успею добраться даже до дороги. Он сказал, что, располагая твоей силой вдобавок к тому, что эта ведьма уже знает, она будет несравненной. Поэтому когда я потерпел неудачу в своей попытке овладеть четырьмя ветрами, я понял, что пропал. И, разумеется, возненавидел этих женщин. Но сегодня Маэстро ты снова дал мне надежду.

Я сказал, что его чувства к матери глубоко тронули меня. Но все происшедшее настолько потрясло и ужаснуло меня, что я сомневаюсь, что сейчас могу дать ему хоть какую-то надежду.

– Дал! – убежденно воскликнул он. – Все это время я ужасно себя чувствовал. Любому станет не по себе, если тебя будет преследовать собственная мать с топором в руке. Но теперь она выбыла из игры благодаря тебе и тому, что ты сделал.

Эти женщины убеждены в том, что я трус, и поэтому ненавидят меня. В их тупых головах не укладывается, что мы просто разные. Ты и эти четверо женщин отличаетесь от меня, Нестора и Бениньо в одном очень важном. Все вы были, можно сказать, мертвы до того, как Нагуаль нашел вас. Он говорил мне, что вы даже пытались покончить с собой. Мы не такие. Мы были благополучными, жизнерадостными и счастливыми. Мы противоположны вам. Вы –

отчаявшиеся люди. Мы – нет. Если бы Хенаро не встретился на моем пути, я был бы счастливым плотником. А может, уже бы и умер. Это не имеет значения. Я делал бы то, что мог, и это было бы прекрасно.

Его слова вызвали у меня любопытное настроение. Я вынужден был признать, что он прав, – и эти женщины и я на самом деле были людьми отчаявшимися. Если бы я не встретил дона Хуана, то, несомненно, был бы мертв. Но я не мог сказать, как Паблито, что меня бы устроил и тот и другой вариант. Дон Хуан дал жизнь и энергию моему телу и свободу моему духу.

Утверждения Паблито заставили меня вспомнить слова дона Хуана об одном старике, моем друге. Дон Хуан сказал очень выразительно, что жизнь или смерть этого старика не имеют абсолютно никакого значения. Я почувствовал некоторое раздражение, так как подумал, что дон Хуан хватил через край. Я сказал, что конечно, жизнь или смерть этого старика не имеют никакого значения, поскольку все в мире может иметь какое-либо значение только лично для каждого из нас.

– Ты сказал это! – воскликнул он и засмеялся, – Это именно то, что я имею в виду. Жизнь и смерть этого старика не имеют значения для него лично. Он мог бы умереть в 1929, или в 1950, или жить до 1995 года. Это не имеет значения. Все одинаково бестолково для него.

До встречи с доном Хуаном вся моя жизнь протекала по этому руслу. Ничто никогда не было важным для меня. Я действовал так, как если бы определенные вещи волновали меня, но это было только рассчитанной уловкой, чтобы казаться чувствительным человеком.

Заговорив, Паблито прервал мои размышления. Он спросил, не задел ли он моих чувств. Я заверил его, что это пустяки. Продолжая разговор, я поинтересовался, как он встретился с доном Хенаро.

– Моя судьба пришла в виде болезни моего хозяина, – сказал он. – Мне пришлось пойти вместо него на городской рынок, чтобы построить там новую секцию мануфактурных киосков. Я работал там два месяца. Там я встретил дочь владельца одного из киосков. Мы

влюбились друг в друга. Я сделал прилавок киоска ее отца немного пошире, чтобы мы могли заниматься любовью под стойкой, а ее сестра в это время обслуживала покупателей.

Однажды Хенаро принес торговцу напротив мешок лекарственных трав и во время разговора с ним заметил, что прилавок мануфактурной лавки сотрясается. Он внимательно посмотрел на стойку, но увидел только полусонную сестру, сидящую на стуле. Тот человек сказал Хенаро, что каждый день примерно в это время этот прилавок так трясется. На следующий день Хенаро привел Нагуаля посмотреть на трясущийся прилавок, и он, конечно же, в тот день трясся. Они пришли на следующий день, и киоск содрогался снова. Тогда они стали ждать, пока я выйду. В тот день я познакомился с ними, а после этого Хенаро сказал мне, что он травник и предложил приготовить снадобье, против которого не устоит ни одна женщина. Я любил женщин и попался на это. Он, конечно, сделал снадобье для меня, но для этого ему понадобилось десять лет. За это время я хорошо узнал его и полюбил, как родного брата. А теперь мне его чертовски не хватает. Так что ты видишь, он поймал меня на крючок. Иногда я рад, что он сделал это, но чаще я негодую.

– Дон Хуан сказал мне, что маг должен получить какой-нибудь знак, прежде чем выбрать кого-либо. Было ли в твоем случае что-либо подобное?

– Да. Хенаро сказал, что сначала он с любопытством смотрел, как сотрясается стойка, а потом он увидел, что два человека занимаются любовью под прилавком. Тогда он сел, чтобы посмотреть на людей, которые выйдут оттуда; ему было любопытно узнать, кто там был. Через некоторое время за стойкой появилась девушка, но меня он пропустил. Он подумал, что это очень странно, не мог он пропустить меня, ведь он принял решение обязательно меня увидеть. На следующий день он пришел вместе с Нагуалем. И тот тоже видел, что два человека занимаются любовью под прилавком, но когда они хотели засечь меня, то пропустили снова. Они вновь пришли на следующий день. Хенаро обошел вокруг и стал за стойкой, а Нагуаль остался стоять перед ней. Когда я выползал, то наткнулся на Хенаро. Я подумал, что он еще не увидел меня, так

как был все еще скрыт куском ткани, прикрывающим маленькое квадратное отверстие, сделанное мною на боковой стенке прилавка. Я начал тявкать, чтобы он подумал, что за занавеской была собачонка. Он неожиданно зарычал и залаял, да так, что я и в правду поверил, что с той стороны меня ждет огромная и свирепая собака. Я так перепугался, что выбежал с другой стороны прилавка и с размаху налетел на Нагуаль. Если бы он был обыкновенным человеком, то я бы его опрокинул, так как врезался прямо в него, но вместо этого он подхватил меня как ребенка. Я был изумлен до предела. Для такого старика он был невероятно силен. Я подумал, что мог бы использовать такого силача для переноски строительных материалов. К тому же мне не хотелось терять лица перед людьми, которые видели меня выбегающим из-под прилавка. Я спросил его, не хочет ли он работать на меня. Он согласился. В тот же день он пришел в мастерскую и стал работать моим подручным. Он работал так ежедневно в течение двух месяцев. Эти два дьявола не оставили мне ни единого шанса.

Невообразимый образ дона Хуана, работающего на Паблито, страшно развеселил меня. Паблито начал имитировать, как дон Хуан переносил на своих плечах строительные материалы. Я должен был согласиться с Ла Гордой, что Паблито такой же хороший актер, как и Хосефина.

– Почему они пошли на все эти хлопоты, Паблито?

– Они должны были заманить меня. Или ты думаешь, что я пошел бы с ними просто так? Я с детства слышал в магах, знахарях, колдунах и духах. Я, конечно, не верил всему этому ни на грош. Те, кто трепался об этом, были просто невежественными людьми. Если бы Хенаро сказал мне, что он и его друг – маги, я бы распрощался с ними сразу. Но они были слишком умны для меня. Эти два лиса были весьма хитры. Они не спешили, Хенаро сказал, что он ждал бы меня, даже если бы ему на это понадобилось двадцать лет. Поэтому Нагуаль и пошел работать на меня. Я сам попросил его об этом, так что фактически это я сам и дал им ключ.

Нагуаль был усердным работником. Я был немного плутоват и думал, что смогу обмануть его. Я верил, что Нагуаль – просто

глупый старый индеец, поэтому я сказал, что собираюсь представить его своему хозяину как своего дедушку, иначе его не возьмут на работу. Но за это я должен получать какую-то долю его заработка. Нагуаль сказал, что его это вполне устраивает. Он отдавал мне кое-что из тех нескольких песо, которые он зарабатывал ежедневно.

Мой хозяин был очень впечатлен тем, что мой дедушка такой выносливый работник. Но другие парни смеялись над ним. Как ты знаешь, у него была привычка время от времени трещать всеми суставами. В мастерской он трещал ими всякий раз, когда что-нибудь нес. Люди, естественно, думали, что у него от старости уже скрипит тело.

Я выглядел довольно жалко в сравнении с Нагуалем. играющим роль моего дедушки. Но к тому времени Хенаро уже воспользовался моей алчностью. Он сказал, что дает Нагуалю особый состав, изготовленный из растений, делающий его сильным, как бык. Каждый день он приносил ему немного зеленых листьев и кормил его ими. Хенаро сказал, что его друг ничего из себя не представляет без его стряпни и, чтобы доказать мне это, он не давал ее ему два дня. Без зелени Нагуаль был обычным стариком. Хенаро сказал, что я также мог бы воспользоваться его снадобьем, чтобы заставлять женщин любить себя. Я очень заинтересовался этим и сказал, что мы могли бы быть партнерами, если я буду помогать ему готовить состав и давать его Нагуалю. Однажды он показал мне немного американских денег и сказал, что продал первую партию одному американцу. Этим он поймал меня на удочку, и я стал его партнером.

Мой партнер Хенаро и я имели большие замыслы. Он сказал, что мне нужно иметь собственную мастерскую, потому что с деньгами, которые мы собираемся заработать на его снадобье, я смогу позволить себе все что угодно. Я купил мастерскую, и мой партнер уплатил за нее. Так я ввязался в эту сумасбродную идею. Я знал, что мой партнер предложил мне стоящее дело и начал работать, изготавливая его зеленую смесь.

Тут у меня появилась странная уверенность, что Хенаро, должно быть, использовал психотропные растения для изготовления

своего снадобья. Я рассуждал, что он должен был хитростью заставить его принимать их, чтобы добиться его податливости.

– Он давал тебе растения силы, Паблито? – спросил я.

– Разумеется. Он давал мне зеленую массу, и я ел ее тоннами.

Он описал и имитировал, как дон Хуан сидит у дверей дома дона Хенаро в состоянии глубокой апатии, а затем внезапно оживает, как только его губы прикасаются к снадобью. Паблито сказал, что, глядя на такое превращение, он был готов попробовать его сам.

– Что было в этом составе? – спросил я.

– Зеленые листья, – сказал он, – Первые попавшиеся зеленые листья. Вот таким дьяволом был Хенаро. Он обычно говорил о своем составе и заставлял меня так смеяться, что я начинал парить, как воздушный змей. Боже, как я любил те дни!

У меня вырвался нервный смешок. Паблито несколько раз качнул головой и прочистил горло. Он, казалось, еле сдерживался, стараясь не заплакать.

– Как я уже говорил, Маэстро, – продолжал он, – мною двигала жадность. Я тайно планировал отделаться от своего партнера, когда научусь делать зеленую смесь. Хенаро, должно быть, всегда знал о моих замыслах, и перед тем, как уйти, он крепко обнял меня и сказал, что настало время выполнить мое желание: самое время отделаться от партнера, ведь я уже научился делать зеленую смесь.

Паблито встал. Глаза его увлажнились слезами.

– Этот негодяй Хенаро, – сказал он тихо. – Этот проклятый дьявол. Я по-настоящему любил его, и если бы я не был таким трусом, я бы сегодня делал его зеленую смесь.

Мне не хотелось больше писать. Чтобы рассеять свою печаль, я сказал Паблито, что нужно пойти и отыскать Нестора.

Я раскладывал свои заметки по порядку, собираясь уходить, как вдруг передняя дверь с шумом распахнулась. Я непроизвольно вскочил и быстро повернулся. У двери стоял Нестор. Я побежал к нему. Мы встретились посреди прихожей. Он чуть было не запрыгнул на меня, трясая меня за плечи. Он выглядел выше и сильнее, чем в последнюю нашу встречу. Его длинное худощавое тело было по-кошачьему гибким. Каким-то образом человек, стоящий лицом к лицу со мной и смотрящий на меня, не был тем Нестором, которого я знал. Я помнил его очень застенчивым человеком, который стеснялся улыбаться из-за своих кривых зубов, доверенного попечению Паблито. Смотрящий на меня Нестор был смесью дона Хуана и дона Хенаро. Он был жилистым и проворным, как дон Хенаро, и одновременно обладал магнетической властью дона Хуана. Я собирался было индугировать в своем замешательстве, но в итоге смог только рассмеяться вместе с ним. Он похлопал меня по спине и снял свою шляпу. Тут только я осознал, что у Паблито шляпы не было. Я заметил также, что Нестор был гораздо темнее и черты его лица были намного грубее. Рядом с ним Паблито выглядел почти хрупким. Оба носили американские джинсы фирмы «Levi's», толстые куртки и ботинки на каучуковой подошве¹⁴.

В присутствии Нестора в доме мгновенно исчезло подавленное настроение. Я пригласил его присоединиться к нам на кухне.

– Ты пришел как раз вовремя, – сказал Паблито Нестору с широкой улыбкой, когда мы сели. – Маэстро и я здесь прослезились, вспоминая дьяволов-толтеков.

– Ты действительно плакал, Маэстро? – спросил Нестор с ехидной улыбкой.

Очень тихий треск у двери заставил Паблито и Нестора замолчать. Если бы я был один, то не обратил бы на него внимания. Паблито и Нестор встали, и я сделал то же самое. Мы посмотрели на переднюю дверь – она очень осторожно открывалась. Я подумал, что, наверное, вернулась Ла Горда и тихо открывает дверь, чтобы не побеспокоить нас. Когда дверь открылась достаточно широко, чтобы

¹⁴ Crep-soled shoes - ботинки на резиновой подошве

через нее мог пройти человек, вошел Бениньо, двигаясь так, словно крался в темную комнату. Его глаза были закрыты, и шел он на цыпочках. Он напомнил мне подростка, прокрадывающегося в кинотеатр через незапертую дверь, чтобы посмотреть фильм. Он и нашуметь боится, и в темноте увидеть ничего не может.

Все молча смотрели на Бениньо. Он открыл один глаз ровно настолько чтобы сориентироваться, а затем пошел на цыпочках через переднюю дверь в кухню. Он немного постоял у стола с закрытыми глазами. Паблито и Нестор сели и знаком показали мне сделать то же самое. Затем Бениньо опустился рядом со мной на скамейку. Он мягко боднул головой мое плечо. Это был легкий толчок, означавший, что мне нужно отодвинуться, освобождая ему место на скамейке. Затем он уселся поудобнее все еще с закрытыми глазами.

Одет он был так же, как Паблито и Нестор. Его лицо слегка располнело после последней нашей встречи, состоявшейся несколько лет назад. Линия его волос изменилась, но я не мог сказать как. У него было более светлое лицо, чем я помнил, очень мелкие зубы, полные губы, высокие скулы, небольшой нос и большие уши. Он всегда казался мне выросшим ребенком, чьи черты так и не стали зрелыми.

Паблито и Нестор, прервавшие разговор, чтобы наблюдать за тем, как вошел Бениньо, возобновили беседу, словно ничего не произошло.

– Разумеется, он плакал вместе со мной, – сказал Паблито.

– Он не плакса, как ты, – сказал Нестор.

Затем он повернулся и обнял меня.

– Я очень рад, что ты жив, – сказал он. – Мы только что разговаривали с Ла Гордой, и она сказала нам, что ты – Нагуаль, но не рассказала, как ты остался в живых. Как ты остался в живых, Маэстро?

Здесь мне предстоял странный выбор. Я мог бы идти по пути своего разума, как делал это обычно, и сказать, что не имею ни малейшего понятия, и был бы прав. Либо я мог сказать, что мой дубль вызволил меня из лап этих женщин. Я взвешивал в уме эффект этих двух возможностей, как вдруг меня отвлек Бениньо. Он слегка приоткрыл один глаз, посмотрел на меня и захихикал, спрятав голову в ладони.

– Бениньо, ты не хочешь разговаривать со мной? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

Я чувствовал себя неловко рядом с ним, и решил узнать, что с ним происходит.

– Что он делает? – спросил я Нестора.

Нестор потер Бениньо по голове и встряхнул его.

Бениньо открыл глаза, а затем снова закрыл их.

– Он всегда такой, ты же знаешь, – сказал Нестор. – Он крайне застенчив. Рано или поздно он откроет глаза. Не обращай на него внимания. Если ему станет скучно, он заснет.

Бениньо утвердительно кивнул головой, не открывая глаз.

– Ну, хорошо – как ты выкарабкался? – настаивал Нестор.

– Ты не хочешь рассказать нам? – спросил Паблито.

Я осторожно рассказал, что мой дубль трижды выходил из макушки моей головы. Потом я дал им подробный отчет о случившемся.

Они несколько не удивились и восприняли мой рассказ как должное. Паблито стал смаковать мои спекуляции о том, что донья Соледад могла не поправиться и в конце концов умереть. Он хотел знать, стукнул ли я точно так же и Лидию. Нестор решительным жестом велел ему замолчать и Паблито послушно остановился посреди фразы.

– Я извиняюсь, Маэстро, но это был не твой дубль, – сказал Нестор.

– Но все говорили, что это был мой дубль.

– Я знаю наверняка, что ты неправильно понял Ла Горду. Потому что когда мы с Бениньо шли сюда, Ла Горда перехватила нас и сказала, что ты и Паблито находитесь здесь в этом доме. Она назвала тебя Нагуалем. Знаешь, почему?

Я засмеялся и сказал, что это, наверное, в связи с ее представлением о том, что Нагуаль передал мне большую часть своей святости.

– Один из нас дурак! – сказал Бениньо гулким голосом, не открывая глаз.

Звук его голоса был таким диковинным, что я отпрыгнул от него. Его совершенно неожиданное заявление плюс моя реакция на него заставили всех рассмеяться. Бениньо открыл один глаз, посмотрел на меня и спрятал свое лицо в ладонях.

– Ты знаешь, почему мы называли дона Хуана Матуса Нагуалем? – спросил меня Нестор.

Я сказал, что всегда думал, что это был осторожный способ называть дона Хуана магом.

Бениньо засмеялся так громко, что звук его голоса заглушил смех остальных. Казалось, он искренне наслаждался. Он опустил голову на мое плечо, словно не мог больше выдерживать ее тяжести.

– Причина, по которой мы называли его Нагуалем, – продолжал Нестор, – в том, что он был расщеплен надвое. Другими словами, когда ему это было нужно, он мог попасть в другую колею. Мы не можем сделать этого. Из него выходило что-то такое, что было не его дублем, а какой-то устрашающей грозной фигурой. Она выглядела точно как он, но была вдвое больше по величине. Мы называли эту фигуру нагуалем, и каждый, у кого она есть, является Нагуалем.

Нагуаль сказал нам, что все мы могли бы иметь эту фигуру, выходящую из головы, но так случилось, что никто из нас не хотел бы этого. Хенаро не хотел этого, поэтому, я думаю, и мы тоже. Таким образом, представляется, что ты и есть тот, у кого нет возможности отделаться от нее.

Они захохотали и завопили, как будто загоняли стадо скота. Бениньо обнял меня за плечи, не открывая глаз, и смеялся до тех пор, пока по его щекам не покатились слезы.

– Почему ты говоришь, что у меня нет возможности отделаться от нее? – спросил я Нестора.

– Она требует слишком много энергии, – сказал он. – Слишком много труда. Я не знаю, как ты все еще держишься на ногах. Нагуаль и Хенаро однажды расщепили тебя в эвкалиптовой роще. Они взяли тебя туда, потому что эвкалипты – твои деревья. Я присутствовал там и был свидетелем, как они расщепили тебя и вытащили твой нагуаль наружу. Они тащили тебя врозь за уши, пока не расщепили твою светимость, и уже был не яйцом, а двумя кусками светимости. Затем они сложили тебя вместе снова, но любой маг, который видит, может сказать, что там, в середине есть огромный пробел.

– В чем преимущество такого расщепления?

– У тебя есть, одно ухо, которое слышит все, и один глаз, который видит все, и ты всегда будешь способен пройти лишнюю милю в случае необходимости. Это расщепление так же причина того, почему они сказали нам, что ты – Маэстро.

Они пытались расщепить Паблито, но, судя по всему, потерпели неудачу. Он слишком избалован и всегда индугирует, как убудок. Именно поэтому он теперь такой взвинченный.

– Что же тогда такое дубль?

– Дубль – это другой. Это тело, которое человек получает в сновидении. Он выглядит в точности как сам человек.

– У вас у всех есть дубли?

Нестор удивленно уставился на меня.

– Эй, Паблито! Скажи Маэстро насчет наших дублей, – засмеялся он.

Паблито протянул руку через стол и встряхнул Бениньо.

– Расскажи ему ты, Бениньо. – сказал он, – Или лучше покажи его ему.

Бениньо встал, открыл глаза как можно шире и посмотрел на крышу. Затем он сдернул штаны и показал мне свой пенис.

Хенарос хохотали, как сумасшедшие.

– Когда ты спрашивал меня, ты действительно это имел в виду, Маэстро? – нервно спросил меня Нестор.

Я заверил их, что был предельно серьезен, желая знать все, относящееся к их знанию. Я пустился в длинные объяснения, что дон Хуан держал меня вдали от них и по причинам, которые мне были непонятны, не давал мне возможности знать о них больше.

– Подумай вот о чем, – сказал я. – Еще три дня назад я не знал, что эти четыре девушки были ученицами Нагуаля или что Бениньо был учеником Хенаро. Бениньо открыл глаза.

– Подумай об этом сам, – сказал он. – Я не знал до сих пор, что ты такой глупый.

Он снова закрыл глаза, и все безумно захохотали.

Мне ничего другого не оставалось, как только самому присоединиться.

– Мы сейчас дразним тебя, Маэстро, – сказал Нестор в виде оправдания. – Мы думали, что ты разыгрываешь нас, нарочно растравляя. Нагуаль сказал, что ты видишь. Если ты действительно

видишь, то ты можешь знать, что мы — жалкая компания. Мы не имеем тела сновидения. Никто из нас не имеет дубля.

Очень серьезным и откровенным тоном Нестор сказал, что что-то пролегло между ними и их желанием иметь дубль. Я понял это высказывание так, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, возник некий барьер. Он считал это результатом поражения Паблито в выполнении своего задания.

Паблито добавил, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, что-то как будто преследует их. И даже вынужден был вернуться Бениньо, живший в то время на юге Мексики. Только когда они трое были вместе, они могли чувствовать себя легко.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил я Нестора.

— Есть что-то в этой безбрежности, что тянет нас, — ответил он, — Паблито думает, что его неудача в противостоянии тем женщинам.

Паблито повернулся ко мне. Его глаза ярко сияли.

— Они наложили проклятие на меня, Маэстро, — сказал он. — Я знаю, что причина всех наших проблем заключается во мне. Я хотел скрыться из этих мест после своей борьбы с Лидией и спустя несколько месяцев удрал в Веракрус. Я был там на самом деле счастлив с одной девушкой, на которой хотел жениться. Нашел работу, и все было прекрасно до тех пор, пока однажды я пришел домой и увидел, что эти четыре мужеподобные уродки, словно хищные звери, нашли меня по моему следу. Они были в моем доме, мучая мою женщину. Эта сука Роза положила свою отвратительную руку на живот моей женщины и заставила ее нагадить в постель. Их лидер, Двести Двадцать Задниц, сказала мне, что они прошли всю страну, разыскивая меня. Тут же она схватила меня за пояс и потащила прочь. Я осатанел хуже дьявола, но ничего не мог поделать с Двести Двадцать Задниц. Она посадила меня в автобус, но по дороге я сбежал. Я бежал через кусты и холмы, пока мои ноги не опухли так, что я не мог снять свои башмаки. Я почти умирал. Я был болен девять месяцев. Если бы Свидетель не нашел меня, я бы уже умер.

– Я не находил его, – сказал мне Нестор, – его нашла Ла Горда. Она взяла меня туда, где он был, и мы вдвоем отнесли его к автобусу и привезли сюда. Он был в бреду, и мне пришлось доплатить, чтобы водитель автобуса разрешил нам провезти его.

Крайне драматическим тоном Паблито сказал, что не изменил своего намерения. Он все еще хочет умереть.

– Но почему?

Вместо него гортанно ответил Бениньо.

– Его член не работает.

Звук его голоса был таким необычным, что на мгновение мне показалось, что он говорит из пещеры. Это было одновременно и пугающе и нелепо. Я почти неконтролируемо рассмеялся.

Нестор сказал, что Паблито пытался выполнить свое задание – установить половые отношения с женщинами согласно инструкции Нагуаля. Тот сказал Паблито, что его четыре стороны света уже приведены в нужное положение и что ему нужно только заявить свои права на них. Но когда Паблито пошел, чтобы «заявить право» на свою первую сторону, Лидию, она чуть не убила его. Нестор добавил, что по его личному мнению как свидетеля этого события, Лидия ударила Паблито потому, что он оказался несостоятельным как мужчина и, вместо того, чтобы смутиться из-за происходящего, она ударила его.

– Паблито действительно заработал болезнь в результате этого удара или он только притворялся? – спросил я полушутя.

Бениньо ответил таким же гулким голосом.

– Он просто притворялся! – сказал он. – Все, что он получил, была шишка на голове.

Паблито и Нестор захохотали и завопили.

– Мы не виним Паблито за то, что он боится этих женщин, – сказал Нестор. – Они точно такие же, как Нагуаль, – устрашающие воины. Они подлые и безумные.

– Ты на самом деле думаешь, что они такие плохие? – спросил я его.

– Сказать, что они плохие, лишь часть правды, – сказал Нестор. Они серьезные и хмурые. Когда Нагуаль был рядом, они обычно сидели около него и часами, иногда целыми днями пристально смотрели вдаль полужакрытыми глазами.

– Это правда, что Хосефина была когда-то ненормальная?

– Это смешно, – сказал Паблито. – Не когда-то. Она ненормальная сейчас. Она самая сумасшедшая из всей группы.

Я рассказал им о том, что она сделала со мной. Я думал, что они оценят юмор ее великолепного представления, но мой рассказ, похоже, плохо подействовал на них. Они слушали меня как испуганные дети. Даже Бениньо открыл глаза, слушая мой отчет.

– Ну и ну! – воскликнул Паблито. – Эти суки действительно ужасны. И ты знаешь, что их лидер – Двести Двадцать Задниц. Она швырнет в тебя камень, а потом спрячет руку за спину и сделает вид невинной девочки. Будь осторожен с ней, Маэстро.

– Нагуаль тренировал Хосефину так, чтобы она могла быть всем, чем угодно. Она может делать все что захочет: плакать, смеяться, сердиться и все что угодно, – сказал Нестор.

– А какая она, когда не прикидывается? – спросил я Нестора.

– Тогда она просто помешанная. Она безумней летучей мыши, – ответил Бениньо мягким голосом. – Я встретился с Хосефиной в первый день, когда ее привезли. Мне пришлось внести ее в дом. Мы с Нагуалем обычно привязывали ее к постели. Однажды она начала плакать о своей подруге, с которой она обычно играла в детстве. Она плакала три дня. Паблито утешал ее и кормил, как ребенка. Она

похожа на него. Оба они, когда что-то начнут, не знают, как остановиться.

Бениньо внезапно начал нюхать воздух. Он встал и подошел к плите.

– Он действительно застенчивый? – спросил я Нестора.

– Он застенчивый и эксцентричный, – отвечал Паблито. – Он будет таким до тех пор, пока не потеряет свою форму, Хенаро говорил, что рано или поздно все мы потеряем свою форму, так что не имеет смысла делать себя несчастным, пытаюсь изменить себя так, как говорил нам Нагуаль. Хенаро сказал, чтобы мы наслаждались жизнью и ни о чем не волновались. Ты и женщины волнуешься и пытаетесь. Ты не знаешь, как наслаждаться вещами, а мы не знаем, как делать себя несчастными. Мы, с другой стороны, наслаждаемся. Нагуаль называл делание себя несчастным безупречностью, Мы же называем это глупостью, правда?

– Говори за себя, Паблито, – сказал Нестор. – Бениньо и я думаем иначе.

Бениньо положил мне в миску еды и поставил ее передо мной; потом он обслужил остальных. Паблито изучил миски и спросил Бениньо, где он нашел их. Бениньо сказал, что они были в ящике, который показала ему Ла Горда. Паблито доверительно сказал, что миски принадлежали им до разрыва.

– Мы должны быть осторожными, – сказал Паблито нервно. – Миски, несомненно, заколдованы. Эти суки вложили что-то в них. Я буду лучше есть из миски Ла Горды.

Нестор и Бениньо начали есть. Тут я заметил, что Бениньо дал мне коричневую миску. Паблито, судя по всему, очень тревожился. Я хотел успокоить его, но Нестор остановил меня.

– Не принимай его настолько серьезно, – сказал он, – он любит быть таким. Он сядет и будет есть. Тут и ты, и женщины потерпели неудачу. Ты не способен понять, что Паблито является таким. Ты ожидаешь, что все будут похожи на Нагуаля. Ла Горда

единственная, кто относится к нему спокойно, но не потому, что она понимает, а потому что потеряла свою форму.

Паблито принялся за еду, и мы вчетвером прикончили горшок с бобами. Бениньо помыл миски и тщательно спрятал их обратно в ящик, а затем все удобно уселись вокруг стола.

Нестор предложил, когда стемнеет, пойти в ущелье неподалеку, куда обычно ходили дон Хуан и дон Хенаро. Мне почему-то не хотелось этого. Я чувствовал себя в их компании не очень уверенно. Нестор сказал, что они привыкли ходить в темноте и что искусство мага заключается в том, чтобы остаться незамеченным даже в толпе. Я рассказал им, как дон Хуан однажды оставил меня одного в пустынном месте в горах не слишком далеко отсюда. Он потребовал, чтобы я полностью сконцентрировался на попытке остаться незамеченным. Он сказал, что люди в этой местности знают друг друга по виду. Там было не очень много людей, но те, кто там жил, постоянно ходили вокруг и могли засечь чужака за несколько миль. Он предупредил, что многие из этих людей имеют огнестрельное оружие и им ничего не стоит подстрелить меня, «Не беспокойся насчет существ из другого мира», сказал тогда дон Хуан, смеясь. «Мексиканцы – вот кто опасен».

– Это по-прежнему так, – сказал Нестор. Это всегда было так. Вот потому Нагуаль и Хенаро были такими артистами. Нагуаль и Хенаро научились быть незаметными среди всего этого. Они владели искусством сталкинга.

Было еще слишком рано для нашей прогулки в темноте. Я хотел воспользоваться этим временем, чтобы задать Нестору свой критический вопрос. Пока еще я все время избегал этого. Какое-то странное чувство мешало мне спросить. Было так, словно моя заинтересованность истощилась после ответа Паблито. Однако Паблито сам пришел мне на помощь и внезапно затронул эту тему, словно прочитав мои мысли.

– Нестор тоже прыгнул в пропасть в тот день, как и мы, – сказал он. – В результате этого он стал Свидетелем, ты стал Маэстро, а я – деревенским идиотом.

Я попросил Нестора рассказать мне о его прыжке в пропасть. Я старался, чтобы вопрос выглядел так, словно это интересовало меня весьма умеренно. Но Паблито осознал подоплеку моего деланного безразличия. Он засмеялся и сказал Нестору, что я так осторожен потому, что остался глубоко разочарован его собственным рассказом об этом событии.

– Я бросился после того, как вы сделали это, – сказал Нестор. Он взглянул на меня, как бы ожидая нового вопроса.

– Ты прыгнул сразу после нас? – спросил я.

– Нет. Мне потребовалось еще некоторое время для подготовки. Хенаро и Нагуаль не сказали мне, что делать. Тот день был днем проверки для каждого из нас, – сказал Нестор.

Паблито выглядел подавленным. Он встал со своего стула и прошелся по комнате. Затем он снова сел, качая головой в жесте отчаяния.

– Ты действительно видел, как мы бросились с края? – спросил я Нестора.

– Я – Свидетель, – сказал Нестор. – Быть свидетелем – мой путь знания. Рассказывать вам безупречно то, чему я был свидетелем – мое задание.

– И что же ты на самом деле видел? – спросил я.

– Я видел, как вы оба, держась за руки, подбежали к краю, – сказал Нестор, – а затем я видел вас обоих, как воздушных змеев в небе. Паблито двигался дальше по прямой линии, а затем упал вниз. Ты немного поднялся, а затем продвинулся на небольшое расстояние от края, затем упал.

– Но мы действительно прыгнули вместе с нашим телом?

– Ну, я не думаю, чтобы это можно было бы сделать другим способом, – сказал он и засмеялся.

– Может быть, это была иллюзия? – спросил я.

– Что ты хочешь сказать, Маэстро? – спросил он сухо.

– Я хочу узнать, что в действительности случилось, – ответил я.

– На тебя случайно не нашло помрачение, как на Паблито? – сказал Нестор с блеском в глазах.

Я попытался объяснить ему природу моего недоумения в связи с прыжком. Он не выдержал и перебил меня. Паблито вмешался, чтобы призвать его к порядку, и они стали пререкаться. Паблито вышел из спора, пройдя на полусогнутых вокруг стола, держась за свой стул.

– Нестор не видит дальше своего носа, – сказал он мне. – То же самое с Бениньо. Ты ничего не получишь от них. По крайней мере у тебя есть мое сочувствие.

Паблито захохотал, заставляя свои плечи трястись, и закрыл лицо шляпой Бениньо.

– Что касается меня, то я знаю, что вы оба прыгнули, – внезапно взорвался Нестор. – Нагуаль и Хенаро не оставили вам другого выбора. Это было их искусство – сначала загнать вас, а потом вести к единственным воротам, которые были открыты. Итак, вы двое бросились через край. Я был свидетелем этого. Паблито говорит, что он ничего не чувствовал. Это сомнительно. Я знаю, что он прекрасно все осознавал, но избрал чувствовать и говорить, что не осознавал

– Я действительно не осознавал, – сказал мне Паблито тоном оправдания.

– Возможно, – сказал Нестор сухо. – Но я сам осознавал и я сам видел, как ваши тела сделали то, что они должны были сделать – прыгнули.

Утверждения Нестора привели мой разум к весьма странному состоянию. Все это время я искал подтверждения тому, что

воспринял сам. Но когда я получил его, вдруг оказалось, что оно ничего не меняет. Одним – было знать, что я прыгнул, и быть испуганным тем, что я воспринимал, а другим – искать согласованное подтверждение. Я понял тогда, что одно не имеет необходимой корреляции с другим. Я думал все это время, что наличие кого-то, кто подтвердит, что я действительно испытал прыжок, освободит интеллект от его сомнений и страхов. Я ошибался. Вместо этого мое беспокойство только выросло. Моя вовлеченность в эту проблему стала еще сильнее.

Я объяснил Нестору, что хотя и приехал специально для встречи с ними, чтобы получить их подтверждение относительно реальности моего прыжка, но теперь я передумал и действительно не хочу больше разговаривать об этом. Оба они заговорили одновременно и в этот момент мы вступили в трехсторонний спор. Паблито доказывал, что он ничего не признавал. Нестор кричал, что тот индугирует, а я говорил, что не хочу больше ничего слышать о прыжке.

Мне впервые стало совершенно ясно, что никто из нас не обладает необходимой степенью спокойствия и самоконтроля. Никто из нас не хотел уделить другому свое нераздельное внимание, как это делали Хенаро и Нагуаль. А так как я был неспособен поддерживать какой-либо порядок в нашем обмене мнениями, то погрузился в свои собственные размышления. Я всегда думал, что единственным изъяном, который мешал мне войти в мир дон Хуана, было мое вечное желание все объяснить разумно. Но присутствие Паблито и Нестора помогло мне по-новому заглянуть в себя. Другим моим изъяном была моя робость. Как только я сходил с надежных рельс здравого смысла, я не мог верить себе и пугался ужасности того, что раскрывалось передо мной. Таким образом, я обнаружил, что невозможно было поверить, что я прыгнул в пропасть.

Дон Хуан настаивал на том, что всей проблемой магии является восприятие. И будучи верным этому, он и дон Хенаро во время нашей последней встречи на краю пропасти инсценировали великолепную катарсическую драму. После того, как они заставили меня принести мою благодарность в громких и ясных выражениях

каждому, кто помогал мне, меня пронизал невероятный душевный подъем. В этот момент они захватили все мое внимание и привели мое тело к восприятию единственно возможного акта в пределах их системы отношений – прыжка в пропасть. Этот прыжок был практическим свершением моего восприятия не как обычного человека, а как мага.

Я так ушел в записывание своих мыслей, что не заметил, как Нестор и Паблито перестали пререкаться и все трое смотрели на меня. Я объяснил, что не представляю, как понять, что произошло в связи с этим прыжком.

– Здесь нечего понимать, – сказал Нестор. – События просто случаются, и никто не может сказать как. Спроси Бениньо, хочет ли он понять.

– Ты хочешь понять? – спросил я шутливым тоном.

– Будь уверен, что хочу, – прогудел он глубоким и низким голосом, и все рассмеялись.

– Ты индульгируешь, говоря, что хочешь понять, – продолжал Нестор. – Так же, как индульгирует Паблито, говоря, что он ничего не помнит.

Он взглянул на Паблито и подмигнул мне. Паблито опустил голову.

Нестор спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь особого в настроении Паблито, когда мы собирались прыгать. Я вынужден был признать, что был не в состоянии обращать внимание на такие тонкости, как настроение Паблито.

– Воин должен замечать все, в этом весь его трюк и в этом его преимущество, как сказал бы Нагуаль.

Он улыбнулся, сделав нарочитый жест смущения и прикрыл лицо шляпой.

– Что именно я упустил в настроении Паблито? – спросил я.

– Паблито прыгнул прежде, чем переступил через край, – сказал он, – Ему уже больше ничего не нужно было делать. Он мог бы с таким же успехом сесть на краю вместо прыжка.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я его.

– Паблито уже распадался, – ответил он, – Именно поэтому он думает, что потерял сознание. Паблито лжет. Он что-то скрывает.

Тут со мной заговорил Паблито. Он бормотал что-то абсолютно невразумительное, затем в отчаянии махнул рукой и плюхнулся обратно на свой стул. Нестор тоже что-то начал говорить. Я остановил его. Я не был уверен, что понял его правильно.

– Тело Паблито распадалось? – спросил я.

Он долго всматривался в меня, не говоря ни слова. Он сидел справа от меня, но тут молча пересел на скамейку напротив.

– Ты должен серьезно отнестись к тому, что я тебе говорю, – сказал он. – Нет способа повернуть колесо времени к тому, чем мы были перед прыжком. Нагуаль сказал, что быть воином – это честь и удовольствие и что счастье воина – делать то, что он должен делать. Я должен рассказать тебе безупречно о том, чему я был свидетелем. Паблито распадался. Когда вы двое побежали к краю, только ты был плотным. Паблито был похож на облако. Он думал, что был близок к тому, чтобы упасть ничком, а ты думаешь, что держал его за руку, чтобы помочь добежать до края. Никто из вас не прав, и я не сомневаюсь, что для вас обоих было бы лучше, если бы ты не поддерживал Паблито.

Я чувствовал еще большее замешательство, чем прежде. Я искренне верил, что он правдиво излагает все, свидетелем чему он был, но я помнил только, что держал Паблито за руку.

– Что бы случилось, если бы я не вмешался? – спросил я.

– Я не могу ответить на это, – сказал Нестор. – Но я знаю, что вы воздействовали на светимость друг друга. В тот момент, когда ты

подал Паблито руку, он стал более плотным, но ты вложил свою драгоценную силу в ничто.

– Что ты делал после того, как мы прыгнули? – спросил я Нестора после долгого молчания.

– Сразу же после того, как вы исчезли, я был так потрясен, что не мог дышать, и потерял сознание, но не знаю на какое время. Я думал, что это длилось один момент. Когда я снова пришел в себя, я оглянулся в поисках Хенаро и Нагуаль, но они ушли. Я бегал взад и вперед по вершине горы, зовя их пока не сорвал голос. Тогда я понял, что остался один. Я подошел к краю утеса и попытался отыскать знак, который дает Земля, когда воин не собирается возвращаться. Но я уже пропустил его. Я понял тогда, что Хенаро и Нагуаль ушли навсегда. До этого я не сознавал, что они повернулись ко мне после того, как попрощались с вами, и в то время, когда вы бежали к обрыву они помахали мне руками и попрощались со мной.

Обнаружить себя в одиночестве в такое время дня, да еще в таком пустынном месте было большим, чем я мог вынести. Одним махом я потерял всех друзей, которые у меня были в мире. Я сел и заплакал. А когда я испугался еще больше, я начал вопить во всю мочь. Я во все горло выкрикивал имя Хенаро. К тому времени стало очень темно, и я больше не мог различать окружающих предметов. Я знал, что как воин не должен индугировать в своей глубокой печали. Чтобы успокоиться, я начал выть, как койот – так, как научил меня Нагуаль. Спустя некоторое время после начала воя я почувствовал себя намного лучше, – я забыл свою печаль, забыл о существовании мира. Чем больше я выл, тем легче было ощущать тепло и защиту земли.

Должно быть, прошло несколько часов. Внезапно я почувствовал дуновение внутри себя позади своего горла и звук колокола в своих ушах. Я вспомнил, что Нагуаль сказал Элихио и Бениньо перед их прыжком. Он сказал, что ощущение в горле приходит как раз перед тем, как человек готов изменить свою скорость. И звук колокольчика является средством, которое человек может использовать для выполнения всего, что ему требуется. Тогда я захотел стать койотом. Я посмотрел на свои руки, – они были на

земле передо мной. Они изменили форму и стали похожи на лапы койота.

Я увидел шерсть койота на своих руках и груди. Я был койотом. Это наполнило меня таким счастьем, что я стал кричать, как должен кричать койот. Я ощущал у себя зубы койота, его длинную заостренную морду и язык. Каким-то образом я знал, что умер, но это не тревожило меня. Для меня не имело значения – превратиться в койота, умереть или остаться в живых. На четырех лапах как койот я пошел к краю обрыва и прыгнул туда. Ничего другого мне не оставалось.

Я ощутил, что падаю, и мое койотное тело перевернулось в воздухе. Затем я снова стал самим собой, кувыркаясь в воздухе. Но прежде чем упасть на дно, я стал таким легким, что больше не падал, а парил. Воздух проходил сквозь меня. Я был таким легким! Я поверил, что моя смерть наконец-то входит внутрь меня. Что-то размешало мои внутренности, и я распался, как сухой песок. Там, где я был, было мирно и превосходно. Я каким-то образом знал, что я и был там и не был одновременно. Я был ничто. Это все, что я могу сказать об этом. Затем совершенно внезапно то же самое, что сделало меня подобным сухому песку, собрало меня вместе. Я вернулся обратно к жизни и обнаружил, что сижу в хижине старого масатекского мага. Он сказал, что его зовут Порфирио. Он сказал, что рад видеть меня и начал обучать меня некоторым вещам о растениях, которым Хенаро меня не учил. Он взял меня туда, где делаются растения¹⁵, и показал мне матрицы растений и особенно – отметины на матрицах. Он сказал, что если я буду наблюдать эти отметины на растениях, то смогу легко сказать на что они годятся, даже если никогда не видел этих растений раньше. Когда он понял, что я изучил эти отметины, он попрощался со мной, но попросил меня приходить к нему снова. В этот момент я ощутил сильную тягу и распался как раньше. Я стал миллионом кусочков.

Затем я снова был втянут в самого себя и пошел повидать Порфирио. Ведь он приглашал меня. Я знал, что могу пойти, куда захочу, но избрал хижину Порфирио, потому что он был дружелюбен со мной и учил меня. Я не хотел рисковать, встретившись вместо

¹⁵ Where the plants being made.

него с чем-то ужасным. На этот раз Порфирио взял меня с собой, чтобы посмотреть на матрицу животных. Там я увидел свое собственное животное-нагуаль. Мы узнали друг друга по виду. Порфирио был восхищен, видя такую дружбу. Я видел также нагуаль Паблито и твой, но они не захотели разговаривать со мной. Они казались печальными. Я не настаивал на разговоре с ними. Я не знал, что с вами произошло во время прыжка. Я знал, что сам я мертв, но мой нагуаль сказал мне, что я не умер и что вы оба тоже живы. Я спросил об Элихио, и мой Нагуаль сказал, что он ушел навсегда. Тут я вспомнил, что когда я был свидетелем прыжка Элихио и Бениньо, то слышал как Нагуаль давал Бениньо инструкции не стремиться к причудливым видениям или мирам за пределами нашего собственного. Нагуаль сказал, чтобы он изучал только свой собственный мир, потому, что делая так, он найдет ту единственную форму силы, которая доступна ему. Нагуаль специально проинструктировал их, чтобы они дали возможность кусочкам взрываться как можно дольше, чтобы вернуть назад свои силы. Я сам делал то же самое. Я прошел взад и вперед от тоналя к нагуалю одиннадцать раз. Но каждый раз я встречал только Порфирио, который давал мне дальнейшие инструкции. Каждый раз, когда мои силы иссякали, я восстанавливал их в нагуале, пока не восстановился до такой степени, что очутился опять на этой земле.

– Донья Соледад сказала мне, что Элихио не должен был прыгать в пропасть, – сказал я.

– Он прыгнул вместе с Бениньо, – ответил Нестор. – Спроси его, и он скажет тебе это своим излюбленным голосом.

– Будь уверен, что мы прыгнули вместе! – продребезжал тот, – Но я никогда не говорю об этом.

– А что, по словам Соледад, сделал Элихио? – спросил Нестор.

Я рассказал, что донья Соледад говорила, что Элихио закружил ветер, и он покинул мир, когда работал в поле.

– Она совершенно все перепутала, – сказал Нестор. – Элихио закружили союзники. Их было несколько, но он не захотел ни одного

из них, поэтому они оставили его в покое. Это не имеет никакого отношения к прыжку, Ла Горда сказала, что у вас была стычка с союзниками прошлой ночью; я не знаю, что вы делали, но если вы хотели захватить их, завлечь, чтобы они остались с вами, вы должны были кружиться с ними. Иногда они по собственному почину приходят к магу и кружат его. Элихио был наилучшим воином, какие только есть, так что союзники пришли к нему сами. Если бы кто-нибудь из нас захотел иметь союзников, мы должны были бы помогать их много лет, но даже и тогда я сомневаюсь, что союзники согласились бы помогать нам.

Элихио должен был прыгнуть, как и все остальные. Я был свидетелем его прыжка. Он был в паре с Бениньо. Много из того, что случается с нами как магами, зависит от того, что делает твой партнер. У Бениньо немного не хватает винтиков в голове, потому что его партнер не вернулся. Не так ли, Бениньо?

– Будь уверен, что это так! – ответил Бениньо своим любимым голосом.

Тут я не устоял перед сильным любопытством, которое мучило меня с самого начала, как только я услышал голос Бениньо. Я спросил его, как ему удастся его гудящий голос. Он повернулся лицом ко мне, сел прямо и указал на свой рот, как будто хотел, чтобы я внимательно посмотрел на него.

– Я не знаю! – прогудел он. – Я просто открываю рот, и этот голос выходит из меня.

Он сократил мышцы лба, скривил губы и издал глубокий гудящий звук. Тут я увидел, что у него на висках были потрясающие мышцы, которые придавали его голове другие очертания. Не только линия волос была другой, но и вся передняя часть головы.

– Хенаро оставил ему свои шумные звуки, – сказал мне Нестор. – Подожди, сейчас он перднет.

Мне показалось, что Бениньо готовится продемонстрировать свои способности.

– Постой-постой, Бениньо, – сказал я, – в этом нет необходимости.

– Вот дьявол! – сказал Бениньо тоном разочарования. – У меня как раз был самый лучший пердеж для тебя.

Паблито и Нестор засмеялись так сильно, что даже Бениньо утратил свою невозмутимость и захохотал вместе с ними.

– Скажи мне, что случилось с Элихио, – спросил я Нестора, когда все успокоились.

– Когда Элихио и Бениньо прыгнули, – ответил Нестор, – Нагуаль заставил меня быстро взглянуть через край и уловить знак, который дает земля при прыжке воина в пропасть. Если там будет что-нибудь вроде облачка или слабого порыва ветра, то время пребывания воина на земле еще не истекло. В тот день, когда прыгнули Бениньо и Элихио, я ощутил дыхание воздуха со стороны Бениньо и знал, что его час еще не пробил. А со стороны Элихио все было безмолвно.

– А как ты думаешь, что случилось с Элихио? Он умер?

Все трое уставились на меня. С минуту они молчали. Нестор почесал виски обеими руками. Бениньо хихикнул и потряс головой. Я попытался объяснить, но Нестор остановил меня жестом руки.

– Ты серьезно задаешь нам эти вопросы? – спросил он меня.

Бениньо ответил за меня. Когда он не паясничал, его голос был глубоким и мелодичным. Он сказал, что Нагуаль и Хенаро подстроили все так, что каждый из нас имеет кусочки информации, которых не имеют другие.

– Хорошо, раз так, то мы тебе расскажем, что к чему, – сказал Нестор, словно у него гора свалилась с плеч. – Элихио не умер. Ни в коем случае.

– Где же он теперь? – спросил я.

Они снова переглянулись. У меня было ощущение, что они сдерживались, чтобы не засмеяться. Я рассказал им то, что сообщила мне донья Соледад: Элихио ушел в другой мир, чтобы присоединиться к Нагуалю и Хенаро. Для меня это звучало так, словно все трое умерли.

– Почему ты так говоришь, Маэстро? – спросил Нестор тоном глубокого участия. – Даже Паблито не говорит ничего подобного.

Мне показалось, что Паблито собирается протестовать. Он чуть было не встал, но потом очевидно переменял свое намерение.

– Да, правильно, – сказал он. Даже я не говорю так.

– Ну ладно. Если Элихио жив, то где он?

– Соледад уже сказала тебе, – мягко сказал Нестор. – Элихио ушел, чтобы соединиться с Нагуалем и Хенаро.

Я решил, что будет лучше не задавать им никаких вопросов. Я не собирался быть агрессивным в своих расспросах, но дело почему-то всегда оборачивалось именно так. Кроме того, у меня возникло чувство, что они знают немногим больше, чем я.

Нестор внезапно встал и начал расхаживать передо мной взад и вперед. Наконец, он схватил меня подмышки и потащил меня прочь от стола. Он не хотел, чтобы я писал. Он спросил меня, действительно ли я подобно Паблито выключился в момент прыжка и ничего не помню. Я сказал, что у меня был ряд живых грез или видений, которые я не могу объяснить и что я приехал для того, чтобы увидеть их и добиться ясности. Они захотели услышать обо всех моих видениях.

После того, как они выслушали мой отчет, Нестор сказал, что мои видения были слишком причудливы. Только первые два имели большое значение и относились к Земле, остальные же были видениями чуждых миров. Он объяснил, что особое значение следует придавать первому видению, так как оно было подлинным знаком. Он сказал, что маги всегда рассматривают первое событие

из любой серии как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

В этом конкретном видении я обнаружил, что смотрю на дикий мир. Прямо перед моими глазами была огромная скала, расщепленная надвое. Через широкую щель в ней я мог видеть огромную фосфоресцирующую равнину, своего рода долину, залитую зелено-желтым светом. На одной стороне долины, справа и частично скрытое от моего поля зрения огромной скалой, находилось невероятное куполообразное строение. Оно было темное, почти угольно-серое. Если там у меня были почти такие же размеры что и в обыденной жизни, то купол должен был иметь почти пятьдесят тысяч футов в высоту и много миль в ширину.

Такие колоссальные размеры меня просто ошеломили. У меня закружилась голова, и я погрузился в состояние распада.

Я снова вышел из него и оказался на очень неровной и все-таки плоской поверхности. Это была сияющая безграничная поверхность, такая же, как та равнина, которую я видел раньше. Она простиралась до тех пор, пока видел глаз. Вскоре я осознал, что могу поворачивать голову в любом направлении в горизонтальной плоскости, но я не мог взглянуть на себя. Однако я имел возможность исследовать окрестности, поворачивая голову слева направо и наоборот. Тем не менее, когда я хотел повернуться направо кругом, чтобы посмотреть вокруг себя, я не смог сдвинуть свой корпус.

Равнина простиралась с монотонным однообразием как налево, так и направо. В поле моего зрения не было ничего другого, кроме безграничного белого сияния. Я хотел посмотреть на почву под ногами, но глаза не могли сдвинуться вниз. Я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо, но увидел только другую безграничную беловатую поверхность, которая казалась связанной с той, на которой я стоял. Тут у меня возник момент беспокойства и чувство, что что-то прямо сейчас готово раскрыться мне. Но внезапный опустошающий толчок распада остановил мое откровение. Какая-то сила потянула меня вниз. Было так, словно белесая поверхность поглотила меня.

Нестор сказал, что видение купола имело колоссальное значение, потому что эта особая форма была выделена Нагуалем и Хенаро как видение места, где, как предполагается, все мы когда-нибудь встретимся.

Тут заговорил Бениньо. Он сказал, что слышал, как Элихио инструктировали, чтобы он нашел этот особый купол. Он сказал, что Нагуаль и Хенаро настаивали на том, чтобы Элихио понял их объяснения точно. Они всегда считали Элихио самым лучшим, поэтому всегда посылали его находить этот купол и входить под его белоснежные своды снова и снова.

Паблито сказал, что они все трое получили инструкции найти этот купол если смогут, но никто из них не нашел его. Тут я пожаловался, что дон Хуан и дон Хенаро никогда не упоминали при мне ни о чем подобном. Мне не давали никаких инструкций по поводу купола.

Бениньо, который сидел напротив через стол, внезапно встал и пошел в мою сторону. Он сел слева от меня и очень тихо прошептал мне на ухо, что, по-видимому, старики инструктировали меня, но я ничего не запомнил, или что они ничего не сказали мне, чтобы я не фиксировал на этом своего внимания, если найду его.

– Почему этот купол был так важен? – спросил я Нестора.

– Потому что это место, где находятся Нагуаль и Хенаро, – ответил он.

– А где находится этот купол? – спросил я.

– Где-то на этой Земле, – ответил он.

Я вынужден был детально объяснить им, что невозможно, чтобы на нашей планете могло существовать, строение такой величины. Я сказал, что мое видение было больше похоже на грезу и что такие строения могут существовать разве что во сне или фантазии. Они засмеялись и мягко похлопали меня по спине, словно ублажали ребенка.

– Ты хочешь знать, где находится Элихио? – спросил внезапно Нестор. – Так вот, он находится под белыми сводами того купола вместе с Нагуалем и Хенаро.

– Но этот купол был видением, – сказал я.

– Тогда Элихио находится в видении, – сказал Нестор. – Вспомни, что Бениньо только что сказал тебе. Нагуаль и Хенаро не говорили тебе, чтобы ты нашел этот купол и приходил к нему снова и снова. Если бы они тебе это сказали, тебя не было бы здесь. Ты был бы, как и Элихио, под куполом того видения. Так что ты видишь, что Элихио не умер, как умирает человек на улице. Он просто не вернулся из своего прыжка.

Его заявление ошеломило меня. Я не мог отрицать воспоминания о живости своих видений, но по какой-то непонятной причине мне хотелось спорить с ними. Нестор, не давая мне времени что-то сказать, продвинул свои утверждения еще на ступень дальше. Он напомнил мне еще одно из моих видений – предпоследнее. Это видение было самым кошмарным из всех. Я обнаружил, что меня преследует какое-то странное невидимое создание. Я знал, что оно находится там, но не мог видеть его, и не потому, что оно было невидимым, а потому, что мир, в котором я находился, был таким неправдоподобно чужим, что я был совершенно не способен определить, что там было чем. Каковы бы ни были элементы этого видения, они, безусловно, были не с этой Земли. Эмоциональное потрясение, которое я испытал, будучи затерянным в подобном месте, было едва ли не больше того, что я мог выдержать. В какой-то момент поверхность, на которой я стоял, начала сотрясаться. Я ощутил, как она оседает под моими ногами, и ухватился за что-то вроде ветки ли отростка какого-то предмета, напоминавшего мне дерево, который висел как раз над моей головой в горизонтальном положении. В тот момент, когда я коснулся его, отросток обвился вокруг моего запястья, словно он обладал нервной системой и мог чувствовать. Я ощутил, что поднят на огромную высоту. Я посмотрел вниз и увидел невероятное животное. Я знал, что это и была та невидимая тварь, которая преследовала меня. Она вылезала из-под поверхности, которая выглядела как земля. Я мог видеть ее огромный рот, открытый, как пещера. Я слышал леденящий душу

и совершенно неземной рев, нечто вроде поразительного звенящего металлического вздоха; щупальце, схватившее меня, разжалось, и я упал в пещерообразный рот. Я видел каждую деталь этого рта, когда падал в него. Затем он захлопнулся со мною внутри. Я ощутил немедленное давление, которое расплющило мое тело.

– Ты уже умер, – сказал Нестор, – Это животное съело тебя. Ты отважился выйти за пределы этого мира и нашел сам ужас. Наша жизнь и наша смерть не более и не менее реальны, чем твоя короткая жизнь в этом месте и твоя смерть в пасти чудовища. Та жизнь, которую мы ведем сейчас, это всего лишь длительное видение. Разве ты не знаешь этого?

Нервные спазмы пробежали по всему моему телу.

– Я не выходил за пределы этого мира, – продолжал он, – но я знаю, о чем говорю. У меня не было таких ужасных историй, как у тебя. Все, что я сделал – это посетил Порфирио десять раз. Если бы это зависело от меня, я ушел бы туда навсегда, но мой одиннадцатый отскок был таким сильным, что изменил мое направление. Я ощутил, что пролетел мимо хижины Порфирио и вместо того, чтобы очутиться у его двери, я оказался в городе, очень близко от дома, где жил один мой друг. Мне это показалось очень забавным. Я знал, что путешествую между нагуалем и тоналем. Никто не говорил мне, что эти путешествия должны быть какого-то особого рода. Поэтому мне стало любопытно, и я решил увидеть своего старого друга. Я заинтересовался, увижу ли я его реально. Я подошел к его дому и постучал в дверь так же, как я делал это уже множество раз. Его жена впустила меня, как всегда делала это, и мой друг был действительно дома. Я сказал ему, что прибыл в город по делу, и он вернул мне деньги, которые был должен. Я положил деньги к себе в карман. Я знал, что мой друг, его жена, и эти деньги, и этот город – все это было лишь видением так же, как хижина Порфирио. Я знал, что сила, которая была выше меня, может расщепить меня на части в любой момент. Поэтому я уселся, чтобы насладиться общением с моим другом в полной мере. Осмелюсь сказать, что я был веселым, легким и очаровательным. Мы смеялись и шутили. Я долго оставался там, ожидая толчка. Так как он не приходил, я решил уйти. Попрощавшись и поблагодарив его за

деньги и дружелюбие, я ушел оттуда. Я хотел увидеть город, прежде чем та сила заберет меня снова, и бродил всю ночь по холмам, возвышающимся над городом. В тот момент, когда взошло солнце, осознание пронзило меня, как вспышка молнии. Я вернулся обратно в мир, и сила, которая когда-нибудь распылит меня, отступила и позволила мне остаться еще в течение некоторого времени. Мне суждено было видеть родные края и эту чудесную землю немного дольше. Какая великая радость, Маэстро! Но я не могу сказать, что не наслаждался дружбой Порфирио. Оба видения равны, но я предпочитаю видение своей формы и своей Земли. Возможно, это мое индугирование.

Нестор перестал говорить, и все трое уставились на меня. Я ощущал угрозу, которой не было никогда прежде. Некоторая часть меня трепетала перед тем, что он сказал, а другая хотела бороться с ним. Я начал с ним совершенно бессмысленный спор. Мое бессмысленное настроение длилось несколько мгновений, пока я не начал осознавать, что Бениньо смотрит на меня с очень неприветливым выражением. Он фиксировал свои глаза на моей груди. Я ощутил, что внезапно что-то злое начало давить на мое сердце, и стал потеть, словно перед моим лицом находился обогреватель. У меня зашумело в ушах.

В этот самый момент ко мне подошла Ла Горда. Она появилась самым неожиданным образом. Я был уверен, что Хенарос почувствовали то же. Они прекратили делать то, что делали, и посмотрели на нее. Паблито первым опомнился от удивления.

— Почему ты так вошла? — спросил он жалобно, — Ты подслушивала из другой комнаты, да?

Она сказала, что находится в доме всего несколько минут и только что вошла на кухню. И причина, по которой она вошла так тихо, не столько в том, что ей хотелось подслушать, сколько в том, чтобы проверить свою способность быть незаметной.

Ее присутствие вызвало странное затишье. Я хотел опять окунуться в поток откровений Нестора, но прежде чем успел что-либо спросить, Ла Горда сказала, что сестрички находятся на пути к

дому и могут войти в дверь в любой момент. Хенарос сразу же встали, словно их подбросила одна и та же пружина. Паблито взгромоздил свой стул на плечо.

– Давай отправимся на прогулку в темноте, Маэстро, – сказал он мне.

Ла Горда очень повелительным тоном сказала, что я не могу отправиться вместе с ними, потому что она еще не закончила рассказывать мне то, что Нагуаль велел ей рассказать мне.

Паблито повернулся ко мне и подмигнул.

– Я уже говорил тебе, – сказал он. – Они властные, угрюмые суки. Я искренне надеюсь, что ты не такой, Маэстро.

Нестор и Бениньо пожелали мне спокойной ночи и обняли меня. Паблито как раз выходил, неся свой стул как рюкзак. Они вышли через заднюю часть дома.

Несколько секунд спустя ужасно громкий стук в дверь заставил нас с Ла Гордой вскочить на ноги. Снова вошел Паблито вместе со своим стулом.

– Ты думал, я не скажу тебе «спокойной ночи», да? – спросил он и засмеялся.

Глава 5. Искусство сновидения

На следующее утро, предоставленный самому себе я работал над своими записками. В полдень я помогал перевозить на своей машине сестричкам и Ла Горде мебель из дома доньи Соледад в их дом.

Вечером мы с Ла Гордой сидели одни на обеденной площадке. Некоторое время мы молчали. Я очень устал.

Ла Горда первая нарушила молчание. Она сказала, что все они после ухода Нагуаля и Хенаро стали очень самодовольными. Каждый из них был слишком поглощен своей собственной задачей. Ла Горде Нагуаль велел быть бесстрастным воином и следовать по той тропе, которую изберет для нее судьба. Если бы Соледад захватила мою силу, Ла Горда должна была спасаться бегством и попытаться спасти сестричек, а затем присоединиться к Бениньо и Нестору, единственным двум Хенарос, которые остались бы в живых. Если бы сестрички убили меня, она бы присоединилась к Хенарос, так как сестрички бы в ней больше не нуждались. В случае если бы из нас двоих только одна она осталась в живых после нападения союзников, то ей следовало уехать из этих мест и остаться в одиночестве. Ее глаза заблестели, когда она сказала, что была уверена в том, что ни один из нас не выживет, и поэтому она попрощалась с сестричками, своим домом и холмами.

– Нагуаль сказал мне, что в случае, если мы оба выживем после столкновения с союзниками, – продолжала она, – я должна буду во всем помогать тебе, потому что это и будет моим путем воина. Именно поэтому я и вмешалась в то, что делал с тобой Бениньо вчера вечером. Он давил глазами на твою грудь. Это было его искусство как сталкера. Перед этим ты вчера видел руку Паблито; и это было частью того же искусства.

– Что это за искусство, Горда?

– Искусство сталкера. Оно было предрасположением Нагуаля, и в этом Хенарос – его настоящие дети. Мы, с другой стороны, – сновидящие. Твой дубль является сновидением.

Все это было новым для меня. Мне хотелось услышать более подробные объяснения, и я помолчал минуту, чтобы перечитать записанное и выбрать самый подходящий вопрос. Прежде всего, мне хотелось бы выяснить, что она знает о моем дубле, а потом – об искусстве stalking.

– Нагуаль сказал мне, что твой дубль – это нечто, требующее много силы для выхода, – сказала она. – Он полагал, что у тебя достаточно энергии, чтобы выпустить его дважды. Именно поэтому он настроил Соледад и сестричек, чтобы они или убили тебя, или помогли тебе.

Ла Горда добавила, что у меня оказалось больше энергии, чем думал Нагуаль, и мой дубль выходил трижды. По-видимому, нападение Розы не было бессмысленным действием; напротив, она очень хитро рассчитала, что если она сможет поразить меня, то я стану беспомощным. Такую же уловку пыталась применить донья Соледад со своим псом. Я дал Розе шанс ударить меня, когда заорал на нее, но она потерпела неудачу, пытаясь повредить мне. Вместо этого вышел мой дубль и причинил вред ей. Лидия рассказала Ла Горде, как все произошло: Роза не хотела просыпаться, когда они удирали из дома Соледад, и Лидия стиснула ее поврежденную руку. Роза не ощутила никакой боли и мгновенно сообразила, что я исцелил ее. Из этого они сделали вывод, что я истощил свою силу. Ла Горда утверждала, что хитроумные сестрички придумали план, как полностью лишить меня силы: потому они и настаивали, чтобы я исцелил Соледад. Когда Роза поняла, что я исцелил и ее тоже, она решила, что я непоправимо ослабил себя. В итоге им оставалось только подождать Хосефину, чтобы прикончить меня.

– Сестрички не знали, что исцелив Розу и Соледад, ты снова наполнился, – сказала Ла Горда и засмеялась, словно это была шутка, – Именно поэтому у тебя было достаточно энергии, чтобы извлечь свой дубль в третий раз, когда сестрички пытались отнять твою светимость.

Я рассказал ей о видении доньи Соледад, съездившейся у стены своей комнаты, и как я слил это видение с моим осязательным ощущением вязкой субстанции на ее лбу.

– Это было настоящее видение, – сказала Ла Горда. – Ты видел Соледад в ее комнате, хотя она была в это время со мной недалеко от дома Хенаро. А затем ты видел свой нагуаль на ее лбу.

Мне вдруг показалось необходимым сообщить ей подробности происшедшего, особенно возникшее у меня осознание, что я действительно исцелил донью Соледад и Розу прикосновением к вязкой субстанции, которая, как я чувствовал, была частью меня.

– Видеть эту вещь на руке Розы – тоже было истинным видением, – сказала она. – И ты абсолютно прав, что эта субстанция была тобой самим. Она вышла из твоего тела и была твоим нагуалем. Прикоснувшись к ней, ты втянул ее обратно.

Затем словно раскрывая тайну, Ла Горда сообщила, что Нагуаль приказал ей не открывать мне следующий факт. Поскольку у всех нас была одна и та же светимость, то прикосновение моего нагуаля к одному из них не делало меня слабее, как это произошло бы в случае, если бы мой нагуаль коснулся обычного человека.

– Если твой нагуаль касается нас, – сказала она, слегка шлепнув меня по голове, – твоя светимость останется на поверхности. Ты можешь забрать ее снова, и ничего не будет потеряно.

Я сказал ей, что мне невозможно было поверить в ее объяснение. Она пожала плечами, словно говоря, что это ее не касается. Тогда я спросил, что она подразумевает под словом «нагуаль». Я сказал, что дон Хуан объяснял мне нагуаль как неопишуемый принцип, источник всего.

– Разумеется, – сказала она, улыбаясь. – Я знаю, что он имел в виду. Нагуаль находится во всем.

Я иронически заметил, что это же можно сказать и о противоположном, – что тональ находится во всем. Она спокойно

объяснила, что здесь нет противопоставления, и мое утверждение правильно — тональ тоже находится во всем. Она сказала, что тональ, находящийся во всем, можно легко постигнуть нашими чувствами, в то время как нагуаль, находящийся во всем, открывается только глазу мага.

Она добавила, что мы можем натолкнуться на самые диковинные виды тоналя и испугаться их или чувствовать благоговение по отношению к ним, или чувствовать к ним безразличие, потому что все мы можем видеть эти картины. С другой стороны, для восприятия нагуаля требуются особые чувства мага. Но как тональ, так и нагуаль присутствуют всегда и во всем. Поэтому магу свойственно говорить, что «смотрение» состоит в обозревании тоналя, находящегося во всем, а «видение», с другой стороны, — это наблюдение нагуаля, тоже находящегося во всем. Поэтому, если воин наблюдает мир как человеческое существо, он «смотрит», а если он наблюдает его как маг, то он «видит». То, что он «видит», и следует, собственно говоря, называть нагуалем.

Затем она повторила то, что я уже знал от Нестора: причину, по которой дона Хуана называют Нагуалем, и подтвердила, что я также являюсь Нагуалем из-за фигуры, выходящей из моей головы.

Мне хотелось узнать, почему они называют эту фигуру дублем. Она ответила, что они думали, что разделяют со мной персональную шутку. Они всегда называли эту фигуру дублем, потому что она вдвое больше по величине, чем человек, у которого она есть.

— Нестор сказал мне, что эта фигура не настолько хорошая вещь, чтобы стоило иметь ее, — сказал я.

— Она ни хорошая, ни плохая, — ответила она. — У тебя она есть, и это делает тебя Нагуалем. Вот и все. Один из нас восьмерых должен быть Нагуалем, и им являешься ты. Это мог быть Паблито, или я, или кто-нибудь другой.

— Расскажи мне теперь, что такое искусство сталкинга, — попросил я.

– Нагуаль был сталкером, – сказала она и уставилась на меня.
– Ты должен знать это. Он учил тебя выслеживать¹⁶ с самого начала.

Мне показалось, что она имеет в виду то, что дон Хуан называл охотником. Он, безусловно, учил меня, как быть охотником. Я рассказал ей, что дон Хуан показывал мне, как охотиться и делать ловушки. Однако ее употребление слова «выслеживатель» было более точным.

– Охотник просто охотится, – сказала она. – Сталкер же выслеживает все, включая самого себя.

– Как он делает это?

– Безупречный сталкер может все обратить в жертву. Нагуаль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости.

Я прекратил писать и попытался вспомнить, знакомил ли меня когда-либо дон Хуан с такой новой возможностью: выслеживать свои слабости. Я не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь описывал это такими словами.

– Как может человек выслеживать свои слабости, Горда?

– Точно таким же способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своих привычках до тех пор, пока не узнаешь все делание своих слабостей, а затем ты неожиданно нападаешь на них и подбираешь их, как кроликов из клетки.

Дон Хуан учил меня именно так поступать со своим распорядком, но в русле общих принципов, которые должен применять охотник. Но ее понимание и применение этого было более прагматическими, чем у меня.

Дон Хуан говорил, что любая привычка, в сущности, является «деланием», и что для функционирования деланию необходимы все его составные части. Если некоторые части отсутствуют, делание

¹⁶ To stalk – Выслеживать. Stalker – выслеживатель. The art of stalking- искусство выслеживания.

расстраивается. Под «деланием» он подразумевал любую связную и осмысленную последовательность действий. Другими словами, привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы быть живой деятельностью.

Затем Ла Горда описала, как она выслеживала свою собственную слабость – чрезмерное употребление пищи. Она сказала, что Нагуаль предложил ей сначала заняться главной частью этой привычки, связанной с ее работой. Она была прачкой. Клиенты всегда угощали ее, когда она разносила по домам белье, и она никогда не отказывалась поесть. Она ждала от Нагуаля подробных инструкций, но он только высмеял ее и сказал, что стоит ему дать ей какое-нибудь указание, как она тут же станет сопротивляться, лишь бы не делать этого. Он сказал, что такими являются человеческие существа. Они любят, чтобы им говорили, что делать, но еще больше они любят сопротивляться и не делать того, что им сказано. В результате, прежде всего, человек вовлекается в ненависть к тому, кто дал ему совет.

В течение многих лет она не могла придумать ничего, чтобы выследить эту свою слабость. Но вот однажды она стала настолько больной и усталой от своего ожиревшего тела, что отказалась принимать пищу в течение двадцати трех дней. Это было начальное действие, которое разрушило ее фиксацию. Затем у нее возникла идея засунуть в рот губку, чтобы клиенты думали, будто у нее болят зубы и она не может есть. Эта уловка сработала не только с ее клиентами, переставшими предлагать ей еду, но и с ней самой, потому что у нее жевание губки вызывало ощущение еды. Ла Горда смеялась, когда рассказывала мне, как она всюду в течение нескольких лет ходила с засунутой в рот губкой, пока ее привычка к обжорству не истощилась.

– Это было все, что тебе было нужно для того, чтобы остановить свою привычку?

– Нет, мне так же нужно было научиться есть как воин.

– А как ест воин?

– Воин ест молча, медленно и понемногу за раз. Я привыкла разговаривать во время еды и ела очень быстро, поглощая огромное количество пищи за один прием. Нагуаль сказал мне, что воин четыре раза наполняет рот¹⁷ за один раз. Немного погодя он делает это еще четыре раза и так далее.

А еще воин в течение дня проходит мили и мили. Моя слабость к еде никогда не позволяла мне много ходить. Я победила ее тем, что делала по четыре глотка пищи каждый час и тем, что ходила пешком. Иногда я ходила весь день и всю ночь. Так я согнала жир со своих ягодич.

Она засмеялась, вспомнив прозвище, которое дал ей дон Хуан.

Но выслеживать свои слабости – еще недостаточно для того, чтобы освободиться от них, – сказала она. – Ты можешь выслеживать с этой минуты и до судного дня, и это совершенно ничего не изменит. Именно поэтому Нагуаль не хотел говорить мне, что делать. Тем, что действительно необходимо воину для того, чтобы быть безупречным сталкером является цель.

Ла Горда рассказала, как она день за днем жила, не имея никакой перспективы, пока не встретила Нагуаля. Она не имела ни надежд, ни мечтаний, ни желания чего-либо. Только возможность поесть была всегда доступна ей по какой-то причине, которую она не могла постичь. Каждый день у нее было обилие еды. Так много еды, что одно время она весила двести тридцать шесть фунтов¹⁸.

– Еда была единственной вещью, которой я наслаждалась в жизни, – сказала Ла Горда. – Кроме того я никогда не считала себя жирной. Я думала, что довольно привлекательна, и люди любят меня именно такой, какая я есть. Все говорили, что я выгляжу цветущей.

Нагуаль сказал мне нечто очень странное. Он сказал, что у меня было огромное количество личной силы и благодаря этому мне всегда удавалось получить еду от друзей, тогда как мои домашние

¹⁷ Mouthful – сколько можно взять в рот; кусок, глоток.

¹⁸ Приблизительно 107кг. 1 Фунт = 453,6 г.

оставались голодными. Каждый имеет достаточно личной силы для чего-то. В моем случае фокус состоял в том, чтобы оттолкнуть свою личную силу от еды и направить ее к цели воина.

– Что это за цель, Ла Горда? – спросил я полушутя.

– Войти в другой мир, – сказала она, улыбаясь, и сделала вид, что собирается ударить меня костяшками пальцев по макушке головы – так, как делал дон Хуан, когда считал, что я индугирую. Стало слишком темно, чтобы писать. Я попросил ее принести лампу, но она объяснила, что очень устала и должна немного поспать перед приходом сестричек. Мы пошли в переднюю комнату. Она дала мне одеяло, сама закуталась в другое и мгновенно заснула. Я сел спиной к стене. Кирпичное ложе было жестким, хотя на нем были постелены четыре соломенных циновки. Удобнее было лечь. Как только я сделал это, я тотчас уснул.

Внезапно я проснулся от невыносимой жажды. Я хотел пойти на кухню, чтобы напиться, но не смог сориентироваться в темноте. Рядом со мной лежала Ла Горда, завернувшаяся в одеяло. Я потряхнул ее два-три раза и попросил, чтобы она помогла мне найти воду. Она пробормотала что-то неразборчивое. Очевидно, она так крепко спала, что не хотела просыпаться. Я встряхнул ее снова, и внезапно она проснулась, – только это была не Ла Горда. Тот, кого я тряс, заорал на меня грубым мужским голосом, посылая меня к черту. На месте Ла Горды был мужчина! Я смертельно испугался. Спрыгнув с постели, я побежал к передней двери. Но я совершенно не способен был сориентироваться и в результате оказался на кухне. Я схватил лампу и поспешно зажег ее. В этот момент из уборной, находившейся в задней части дома, вышла Ла Горда и спросила меня, в чем дело. Я взволнованно рассказал ей что случилось. Казалось, она тоже была сбита с толку. Ее рот приоткрылся, глаза потеряли свой обычный блеск. Она решительно потрясла головой и это, казалось, восстановило ее alertность. Она взяла лампу, и мы пошли в переднюю комнату. В постели никого не было. Ла Горда зажгла еще три маленьких лампы. Она была явно встревожена. Велев мне оставаться на месте, она открыла дверь в их комнату. Я заметил, что оттуда шел свет. Она закрыла дверь снова и очень естественным тоном сказала, что тревожиться нечего, ничего не

случилось и что она лучше пойдет и приготовит нам что-нибудь поесть. С быстротой и расторопностью настоящей буфетчицы она приготовила еду и горячий шоколадный напиток с кукурузной мукой. Мы сели друг против друга в полном молчании и начали есть.

Ночь была холодной. Похоже, собирался дождь. Три керосиновые лампы, которые она принесла на обеденную площадку, давали умиротворяющий желтоватый свет. Она взяла несколько досок, сложенных штабелем на полу у стенки, и разместила их вертикально, засунув в глубокий паз на поперечной опорной балке крыши. На полу была параллельная балке длинная щель, которая удерживала доски на месте. В результате получилась передвижная стенка, окружившая обеденную площадку.

– Кто был в постели? – спросил я.

– В постели рядом с тобой была Хосефина, кто же еще? – ответила она, как бы смакуя каждое слово, а затем рассмеялась. – Она мастер на шутки вроде этой. Вначале я подумала, что это кто-то другой, но потом уловила запах. Так пахнет тело Хосефины, когда она устраивает одну из своих проделок.

– Она что, пыталась испугать меня до смерти? – спросил я.

– Ты знаешь, что не являешься их любимцем, – ответила она. – Им не нравится, что их спихивают с привычного пути. И еще они вне себя из-за отъезда Соледад. Они не хотят понимать, что нам всем пора покинуть эту местность. Похоже на то, что наш час пробил. Я поняла это сегодня. Когда я ушла из дому, я ощутила, что эти скудные холмы там, снаружи, делают меня усталой. Я никогда не чувствовала этого вплоть до сегодняшнего дня.

– Куда вы собираетесь уходить?

– Я не знаю. Похоже, что это зависит от тебя. От твоей силы.

– От меня? Каким образом, Горда?

– Позволь мне объяснить. За день до твоего приезда мы с сестричками шли в город. Я хотела найти тебя там, потому что у меня было очень странное видение в моем сновидении. В этом видении я была в городе вместе с тобой. Я видела тебя так четко, как вижу сейчас. Ты не знал, кто я такая, но заговорил со мной. Я не могла разобрать, что ты сказал. Я возвращалась к тому же самому видению три раза, но была в этом сновидении не настолько сильной, чтобы понять твои слова. Я сделала вывод, что мое видение означает необходимость пойти в город и довериться своей силе, чтобы найти тебя там. Я была уверена, что ты находишься в пути.

– Сестрички знали, зачем ты взяла их в город? – спросил я.

– Я ничего не сказала им, – ответила она. – Просто взяла их с собой. Мы бродили по улицам все утро.

Ее рассказ вызвал у меня очень странное состояние. Спазмы нервного возбуждения прокатились по всему телу. Я вынужден был встать и пройтись. Затем я снова сел и сказал ей, что в тот самый день я был в городе и всю вторую половину дня бродил по базарной площади, разыскивая дона Хуана. Она уставилась на меня с открытым ртом.

– Должно быть, мы разминулись, – сказала она со вздохом. – Мы были на базаре и в парке. Большую часть дня мы просидели на ступеньках церкви, чтобы не привлекать к себе внимания.

Отель, в котором я остановился, был рядом с церковью. Я вспомнил, что долго стоял, глядя на людей на ступеньках церкви. Что-то побуждало меня внимательно рассматривать их. При всей абсурдности такого чувства я был уверен, что дон Хуан и дон Хенаро должны быть среди этих людей, изображая попрошайек, чтобы удивить меня.

– Когда вы покинули город? – спросил я.

– Мы ушли около пяти и направились к месту Нагуаля в горах, – ответила она.

А я как раз в конце дня вдруг ощутил четкую уверенность в том, что дон Хуан ушел. Теперь было совершенно ясно, что именно я чувствовал в течение всего периода розысков дона Хуана. В свете ее рассказа я должен был в корне пересмотреть свои позиции. Я объяснял свою уверенность в присутствии дона Хуана в городе как иррациональное ожидание, возникшее в результате многократных встреч с ним там в прошлом. Но в городе была Ла Горда, которая искала меня, а она была существом, наиболее близким по характеру к дону Хуану. Я все время ощущал там его присутствие. Рассказ Ла Горды лишь подтвердил то, что мое тело знало без тени сомнения.

Я заметил, что когда я рассказывал ей о своих ощущениях в тот день, ее начала бить нервная дрожь.

– Что произошло бы, если бы ты нашла меня? – спросил я.

– Все было бы по-другому, – ответила она. – Для меня найти тебя означало, что у меня достаточно силы, чтобы двигаться вперед. Поэтому я взяла с собой сестричек. Все мы – ты, я и сестрички – уехали бы вместе в тот же день.

– Куда, Горда?

– Кто знает? – задумчиво сказала Ла Горда. – Если бы у меня было достаточно силы, чтобы найти тебя, то была бы и сила узнать это. Теперь – твоя очередь. Возможно, у тебя сейчас достаточно силы, чтобы узнать, куда мы должны идти. Понимаешь, что я имею в виду?

В этот момент меня охватила глубокая печаль. Я более остро, чем когда бы то ни было, ощущал отчаяние от своей человеческой бренности и недолговечности. Дон Хуан всегда говорил, что единственным средством, сдерживающим отчаяние, является осознание смерти как ключа к магической схеме существования. Он утверждал, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая дает нам силу вынести тяжесть и боль нашей жизни и боязни неизвестного. Но он никогда не мог сказать мне, как вывести это осознание на передний план. Каждый раз, когда я просил его об этом, он настаивал, что единственно важным фактором является волевой акт, – иначе говоря, я должен принять

решение сделать это осознание свидетелем своих действий. Мне казалось, что я сделал это. Но, столкнувшись с решимостью Ла Горды найти меня и уехать со мной, я понял, что если бы она нашла меня в этом городе, я никогда бы не вернулся домой, никогда уже не увидел бы тех, кто мне дорог. Я не был готов к этому. Я приготовился к смерти, но не к тому, чтобы исчезнуть на оставшуюся часть моей жизни, находясь в полном осознании, без гнева и разочарования, оставив позади свои чувства.

Почти в смущении я сказал Ла Горде, что не являюсь воином, достойным иметь такого рода силу, чтобы оставить навсегда мою прежнюю жизнь и знать куда идти и что делать.

– Мы человеческие существа, – сказала она. – Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

Я сказал ей, что моя печаль от такого решения слишком велика. Перемены, которым подвергаются маги, слишком радикальны и слишком окончательны. Я рассказал ей про невыносимую печаль Паблито об утрате своей матери.

– Такими чувствами питается человеческая форма, – сказала она сухо. – Я жалела себя и своих маленьких детей в течение многих лет. Я не могла понять, как Нагуаль может быть таким жестоким, приказывая мне сделать то, что я сделала – оставить своих детей, разрушить и забыть их.

Она сказала, что понадобились годы, чтобы понять, что Нагуаль тоже должен был сделать выбор – оставить свою форму. Он не был жестоким. Просто у него больше не осталось человеческих чувств. Для него все было равно. Он принял свою судьбу. Наша с Паблито проблема в этом отношении состояла в том, что никто из нас не принял свою судьбу. Ла Горда сказала с презрением, что Паблито плакал, вспоминая свою мать, свою Мануэлиту главным образом тогда, когда должен был готовить себе еду. Она предложила мне вспомнить мать Паблито такой, какой она была: старой бестолковой женщиной, которая знала только одно – быть прислугой для Паблито. Она сказала, что все они считают Паблито трусом, он

ведь так несчастлив потому, что его прислуга Мануэлита стала ведьмой Соледад, которая могла бы убить его, раздавив, как клопа.

Ла Горда драматически встала и склонилась над столом так, что ее лоб почти коснулся моего.

– Нагуаль сказал, что удача Паблито была необычайной, – сказала она. – Мать и сын борются за одно и то же. Если бы он не был таким трусом, он принял бы свою судьбу и противостоял Соледад как воин, без страха и ненависти. В конце концов лучший победил бы и забрал все. Если бы победителем вышла Соледад, Паблито должен был быть счастлив своей судьбой и желать ей блага. Но только подлинный воин может знать счастье такого рода.

– Как ко всему этому относится донья Соледад?

– Она не indulgiрует в своих чувствах, – сказала Ла Горда и снова села. – Она приняла свою судьбу с большей готовностью, чем любой из нас. Прежде чем Нагуаль помог ей, она была еще хуже, чем я. По крайней мере я была молодой; она же была старой коровой, жирной и измученной, и молила о приходе смерти. Теперь смерть должна будет бороться, чтобы заявить свои права на нее.

Меня страшно смущало, как мало времени понадобилось для преобразования доньи Соледад. Я сказал Ла Горде, что видел донью Соледад около двух лет назад, и она была все той же старухой, какой я знал ее всегда. Ла Горда рассказала, что в последний раз, когда я был в доме у доньи Соледад, считая, что это все еще дом Паблито. Нагуаль научил их действовать так, словно ничего не изменилось. Донья Соледад приветствовала меня из кухни, как она всегда это делала, и я фактически не видел ее лица. Лидия, Роза, Паблито и Нестор в совершенстве играли свои роли, чтобы я не мог раскрыть их подлинную деятельность.

– Зачем Нагуаль пошел на все эти хлопоты, Горда?

– Он берег тебя для чего-то пока еще неясного. Он намеренно держал тебя вдали от всех нас. Они с Хенаро велели мне никогда не показывать тебе свое лицо, когда ты был поблизости.

– Велели ли они то же самое и Хосефине?

– Да. Она ненормальная и ничего не может с собой поделаться. Ей хотелось разыгрывать с тобой свои шуточки. Она обычно следовала за тобой неподалеку, а ты никогда не знал об этом. Однажды ночью, когда Нагуаль взял тебя в горы, она в темноте чуть не столкнула тебя вниз, в ущелье. Нагуаль заметил ее как раз вовремя. Она проделывала все эти «шуточки» не со злобы, а потому, что ей доставляет удовольствие быть такой. Это ее человеческая форма. Хосефина будет такой, пока не потеряет ее. Я уже говорила тебе, что все они шестеро немножко психи. Ты должен осознавать это, чтобы не быть пойманным в их сети. А если и поймаешься, не гневайся. Они не могут сдерживать себя.

Некоторое время она молчала. Я уловил, что она еле заметно дрожит. Ее глаза, казалось, вышли из фокуса, рот приоткрылся, словно мышцы перестали держать нижнюю челюсть. Я был поглощен наблюдением за ней. Она два или три раза тряхнула головой.

– Я только что видела кое-что, – сказала она, – Ты в точности такой же, как сестрички и Хенарос.

Она начала тихо смеяться. Я ничего не сказал. Мне хотелось, чтобы она объяснила все сама.

– Они сердятся на тебя, потому что до них до сих пор не дошло, что ты не отличаешься от них. Они смотрят на тебя как на Нагуалья. Им не понять, что ты индугируешь своим способом, точно так же, как они – своим. Она сказала, что Паблито ноет и жалуется, и играет слабовольного человека. Бениньо играет застенчивого человека, который не может даже поднять глаза. Нестор играет мудреца, – того, кто все знает. Лидия играет крутую женщину, которая может сокрушить взглядом кого угодно. Хосефина была ненормальной, на которую нельзя было положиться. Роза была раздражительной девицей, которая кусала москитов за то, что они кусают ее. А я был дураком, который приехал из Лос-Анджелеса с блокнотом и кучей нелепых вопросов. И всем нам нравилось быть такими, какими мы были.

– Когда-то я была толстой и вонючей, – продолжала она после паузы. – Я не была против того, что другие пинают меня ногами, как собаку, пока не была одинокой. Это была моя форма.

Я должна буду рассказать им, что я увидела относительно тебя, чтобы их не раздражали твои действия.

Я не знал что сказать, чувствуя, что она бесконечно права. Самым важным фактором была не столько безошибочность ее утверждений, сколько способ, которым она пришла к своему неоспоримому заключению, и свидетелем которого был я сам.

– Как ты увидела это? – спросил я.

– Это просто пришло ко мне, – ответила она.

– Как оно пришло к тебе?

– Я почувствовала ощущение видения, пришедшее на верхушку моей головы, и затем знала то, что сказала тебе.

Я настаивал на том, чтобы она описала каждую деталь этого «ощущения видения», о котором она только что упомянула. После минутного колебания она уступила, описав мне точно такое же щекочущее ощущение, что было и у меня во время моих столкновений с Соледад и сестричками. Ла Горда сказала, что оно начинается на макушке, а затем опускается вниз по спине и вокруг талии к матке. Она ощущала его внутри своего тела как поглощающее щекочущее раздражение, которое превратилось в знание, что я цепляюсь за свою человеческую форму подобно всем остальным. Разница между нами лишь в том, что я делаю это непонятным для них способом.

– Ты слышишь голос, который говорит все это? – спросил я.

– Нет. Я просто видела все, что рассказала тебе о тебе самом, – ответила она.

Я хотел спросить, было ли у нее видение меня, цепляющегося за что-то, но передумал. Я не хотел индульгировать в своем обычном

поведении. Кроме того я знал, что именно она имеет в виду, когда говорит о видении. То же случилось и со мной, когда я был с Розой и Лидией. Я внезапно «знал», где они жили. У меня не было видения их дома, я просто ощутил, что знаю это.

Я спросил ее, слышала ли и она звук, похожий на треск деревянной трубки, сломавшейся у основания ее шеи.

– Нагуаль учил нас, как получить ощущение на макушке головы, – сказала она, – но не каждый из нас может вызвать его. Звук позади горла – еще более трудная вещь. Никто из нас до сих пор не ощущает его. Странно, что у тебя он есть, ведь ты пустой.

– Как действует этот звук? – спросил я. – И что это такое?

– Ты знаешь это лучше, чем я. Что же еще я могу сказать тебе? – ответила она резко.

Тут она явно поймала себя на раздражительности и, сконфужено улыбнувшись, опустила голову.

– Я чувствую себя глупо, рассказывая тебе то, что ты уже и так знаешь, – сказала она. – Ты задаешь мне эти вопросы, чтобы проверить, действительно ли я потеряла форму?

Я сказал ей, что нахожусь в растерянности. Мне кажется, я знаю, что это был за звук; и в то же время ничего не знаю об этом, потому что для того, чтобы действительно знать что-либо, мне обязательно нужно выразить свое знание в словах. В данном же случае я не знал даже, как начать переводить это в слова. Поэтому единственное, что я мог сделать, – это задавать вопросы в надежде, что ее ответы могли бы помочь мне.

– Я не могу помочь тебе в случае с этим звуком, – сказала она.

Я вдруг ощутил невероятный дискомфорт. Я сказал ей, что привык иметь дело с доном Хуаном и что теперь нуждаюсь в нем более, чем когда бы то ни было. Он бы разъяснил мне все это.

– Тебе недостает Нагуаля? – спросила она.

Я сказал, что да и что я не понимал, как сильно мне недостает его, пока не оказался в его родных краях.

– Тебе недостает его потому, что ты все еще цепляешься за свою человеческую форму, – сказала она и захихикала, словно наслаждаясь моей печалью.

– А тебе самой недостает его, Горда?

– Нет. Не мне. Я – его. Вся моя светимость была изменена. Как может мне не хватать чего-то, чем я сама являюсь?

– Чем отличается твоя светимость?

– Человеческое существо или любое другое создание имеет бледно-желтое свечение. Животные – более желтое, люди – более белое, но маг – янтарно-желтое, как мед на солнечном свету. Некоторые женщины-маги – зеленоватые. Нагуаль сказал, что они самые могущественные и самые опасные.

– Какой цвет у тебя, Горда?

– Янтарный, такой же, как у тебя и у всех нас. Об этом мне сказали Нагуаль и Хенаро. Я никогда не видела себя, но я видела всех остальных. Все мы янтарные. И все мы, за исключением тебя, похожи на надгробный камень. Обычные люди похожи на яйцо. Именно поэтому Нагуаль называл их светящимися яйцами. Маги изменяют не только цвет своей светимости, но и свои очертания. Мы похожи на надгробные камни, только закругленные с обоих концов.

– А у меня до сих пор очертания яйца, Горда?

– Нет. У тебя тоже очертание камня, но в твоей светимости имеется уродливая тусклая заплатка. Пока у тебя есть эта латка, ты не сможешь спокойно летать, как летают маги. Так, как я летала для тебя прошлой ночью. Ты даже будешь не способен сбросить свою человеческую форму.

Я втянулся в страстный спор не столько с ней, сколько с самим собой. Я настаивал, что их точка зрения на способ обретения этой

мнимой полноты была просто абсурдной. Я сказал, что никто не смог бы убедительно доказать мне, что нужно повернуться спиной к своему ребенку, чтобы осуществить самую неопределенную из всех целей – войти в мир нагуалья. Я был так глубоко убежден в своей правоте, что вышел из себя и стал сердито кричать на нее. Моя вспышка оставила ее равнодушной.

– Это должен делать не каждый, – сказала она, – а только маги, которые хотят войти в другой мир. Есть немало хороших магов, которые видят, но все же остаются неполными. Быть полными – это только для нас, толтеков.

Возьми, например, Соледад. Она наилучшая колдунья, которую ты смог бы отыскать, и она – неполная. У нее было два ребенка, одним из которых была девочка. К счастью для Соледад, ее дочь умерла. Нагуаль сказал, что острие духа человека, который умирает, снова возвращается к родителям, то есть к тем, кто отдал его. Если те, кто отдал его мертвы, а у умершего есть дети, то острие переходит к полному ребенку. А если все дети полные, то острие уходит к тому, кто обладает большей силой, причем это не обязательно будет лучший или самый прилежный из них. Например, когда мать Хосефины умерла, то острие ушло к самой ненормальной – к Хосефине. Казалось, оно должно было бы пойти к ее брату – работающему и достойному человеку. Но у Хосефины было больше силы, чем у ее брата. Дочь Соледад умерла, не оставив детей, и Соледад получила поддержку, которая закрыла половину ее дыры. Теперь единственная надежда закрыть ее полностью связана для нее со смертью Паблито. В свою очередь для Паблито великая надежда на получение поддержки связана со смертью Соледад.

Я сказал ей в очень сильных выражениях, что все это вызывает у меня отвращение и ужас. Она согласилась. Раньше она и сама считала, что именно эта установка магов – самая мерзкая вещь, какую только можно вообразить. Она взглянула на меня сияющими глазами. В ее усмешке было что-то коварное.

– Нагуаль сказал мне, что ты понимаешь все, но ничего не хочешь делать в соответствии с этим, – сказала она мягким голосом.

Я начал спорить снова. Я сказал ей, что слова Нагуаля обо мне не имеют никакого отношения к той части установки, которую мы сейчас обсуждаем. Я объяснил ей, что люблю детей, очень глубоко чту их и сочувствую их беспомощности в окружающем их устрашающем мире. Я не мог и помыслить о причинении вреда ребенку ни в каком смысле и ни по какой причине.

– Это правило придумал не Нагуаль. Оно создано не человеком, а где-то там, вовне.

Я защищался, говоря, что не сержусь ни на нее, ни на Нагуаля, но спорю абстрактно, так как не могу постичь смысла всего этого.

– Смысл в том, что нам нужно все наше острие, вся наша сила, наша полнота, чтобы войти в другой мир, – сказала она, – Я была религиозной женщиной и обычно повторяла слова, смысла которых не понимала. Я хотела, чтобы моя душа вошла в Царствие Небесное. Я до сих пор хочу этого, несмотря на то, что нахожусь на другом пути. Мир Нагуаля и есть Царствие Небесное.

Из принципиальных соображений я восстал против религиозного аспекта ее утверждений. Дон Хуан приучил меня никогда не рассуждать на эту тему. Она очень спокойно объяснила, что не видит никакой разницы в образе жизни между нами и истинными монахинями и священниками. Она указала, что настоящие монахини и священники не только являются как правило, полными, но они еще и никогда не ослабляют себя сексуальными отношениями.

– Нагуаль сказал, что в этом и заключается причина, почему они никогда не будут искоренены, кто бы ни пытался искоренить их, – сказала она. – Те, кто стоит за этим – всегда пустые. Они не обладают силой истинных монахинь и священников. Мне нравилось, что Нагуаль говорил это. Я всегда буду восхищаться монахинями и священниками. Мы похожи. Мы отказались от мира, не мы находимся в гуще него. Священники и монахини сделались бы великими летающими магами, если бы кто-нибудь сказал им, что они могут делать это.

Тут я вспомнил о симпатиях моих отца и деда к мексиканской революции. Больше всего они восхищались попыткой искоренить духовенство. Мой отец унаследовал это восхищение от своего отца, а я — от них обоих. Это было своего рода членство, которое мы разделяли. Одной из первых вещей, которые дон Хуан разрушил в моей личности, было именно это членство.

Однажды, как бы провозглашая свое собственное мнение, я сказал дону Хуану то, что я слышал всю жизнь, — что излюбленной уловкой церкви было держать нас в невежестве. Лицо дона Хуана стало очень серьезным, как будто мое утверждение затронуло какую-то глубокую струну в его душе. Я немедленно подумал о веках эксплуатации, которой подвергались индейцы.

— Эти грязные ублюдки, — сказал он. — Они держали меня в невежестве, да и тебя тоже.

Я сразу уловил его иронию, и мы оба рассмеялись. По правде говоря, мне никогда и в голову не приходило проверить реальность этого положения серьезным исследованием. Я не верил этому, но с другой стороны мне нечем было заполнить это место. Я рассказал дону Хуану о своих дедушке и отце, об их либеральных взглядах и их взглядах на религию.

— Не имеет значения, что именно кто-то говорит или делает, — сказал дон Хуан. — Ты сам должен быть безупречным человеком. Битва происходит в этой груди, прямо здесь.

Он мягко похлопал по моей груди.

— Если бы твой дедушка или твой отец попытались стать безупречными воинами, — продолжал он, — у них не осталось бы времени на пустяковые битвы. Нам требуется наша энергия и наше время целиком и полностью, чтобы победить весь этот идиотизм в себе. Только это и имеет значение. Остальное не важно. Ничто из того, что твой дед или отец говорили о церкви, не принесло им благополучия. Но вот если ты будешь безупречным воином, то это даст тебе энергию, молодость и силу. Так что тебе надлежит сделать мудрый выбор.

Моим выбором были безупречность и простота жизни воина. Вследствие этого выбора я чувствовал, что должен принять слова Ла Горды самым серьезным образом. Но они были для меня даже более угрожающими, чем действия дона Хенаро. Он обычно пугал меня на очень глубоком уровне. Но его действия, хотя и ужасающие, были органично вплетены в связанную последовательность их учения. Слова и действия Ла Горды угрожали мне иным образом, более конкретным и реальным.

Тело Ла Горды вдруг вздрогнуло. По нему пробежала дрожь, заставляя сокращаться мышцы ее рук и плеч. Она схватилась за край стола, с неуклюжей жесткостью. Затем она расслабилась и приняла свой обычный вид.

Она улыбнулась. Ее глаза и улыбка были ослепительными. Она сказала небрежным тоном, что только что видела мою дилемму.

– Бесплезно закрывать глаза и делать вид, что ты не хочешь ничего делать или что ничего не знаешь. Ты можешь делать это с людьми, но не со мной, – сказала она. – Я знаю теперь, почему Нагуаль поручил мне рассказать тебе все это. Я – никто. Ты восхищаешься великими людьми. Нагуаль и Хенаро были величайшими из всех.

Она остановилась и посмотрела на меня. Казалось, она ожидала моей реакции на свои слова.

– Ты все время боролся против того, что тебе говорили Нагуаль и Хенаро, – продолжала она. – Именно поэтому ты позади. И боролся с ними ты потому, что они были великими. Это твой способ бытия. Но ты не мог бороться против того, что я говорю тебе, потому что ты не хочешь смотреть на меня с уважением. Я – ровня тебе, я нахожусь в твоём кругу. Ты любишь бороться с теми, кто лучше тебя. В борьбе с моей позицией для тебя нет вызова. Те два дьявола с моей помощью, в конце концов положили тебя в мешок. Бедный Нагуальчик! Ты проиграл игру.

Она приблизилась ко мне и прошептала на ухо, что Нагуаль говорил ей, что она никогда не должна пытаться забрать у меня мой блокнот. Это так же опасно, как пытаться выхватить кость из пасти

голодной собаки. Она положила голову мне на плечо, обняла и засмеялась тихо и мягко.

Ее видение сразило меня. Я знал, что она была абсолютно права.

Ла Горда долго держала меня в объятиях, склонив голову мне на плечо. Близость ее тела каким-то образом очень успокаивала меня. В этом она была в точности подобна дону Хуану. Она излучала силу, уверенность, целеустремленность. Она ошибалась, считая, что я не восхищаюсь ею.

– Давай оставим все это, – сказала она внезапно. – Поговорим о том, что нам предстоит делать сегодня вечером.

– Что именно мы будем делать сегодня, Горда?

– Нам предстоит последнее свидание с силой.

– Это снова будет ужасная битва с чем-то?

– Нет. Сестрички просто собираются показать тебе нечто такое, что завершит твой визит сюда. Нагуаль сказал мне, что после этого ты можешь уехать и никогда не вернуться или предпочтешь остаться с нами. Но в любом случае они должны показать тебе свое искусство. Искусство сновидящего.

– А что это за искусство?

– Хенаро говорил мне, что он терял время опять и опять, чтобы познакомить тебя с искусством сновидящего. Он показал тебе свое другое тело – тело сновидения. Однажды он даже заставил тебя быть в двух местах одновременно. Но твоя пустота помешала тебе видеть то, что он демонстрировал тебе. Это выглядело так, словно все его усилия проваливались через дыру в твоём теле.

Кажется, теперь все обстоит иначе. Хенаро сделал сестричек настоящими сновидящими и сегодня вечером они покажут искусство Хенаро. В этом отношении сестрички являются истинными детьми Хенаро.

Это напомнило мне о словах Паблито, который говорил, что мы являемся детьми обоих и что мы – толтеки. Я спросил ее, что он подразумевал под этим.

– Нагуаль говорил мне, что на языке его бенефактора маги обычно назывались толтеками, – ответила она.

– А что это за язык?

– Он никогда не рассказывал. Но они с Хенаро обычно разговаривали на языке, который никто не мог понять. А ведь все мы вместе знаем четыре индейских языка.

– Дон Хенаро тоже говорил, что он толтек?

– У него был тот же бенефактор, так что он говорил то же самое.

Из ответов Ла Горды я мог предположить, что она то ли сама знает очень мало, то ли не хочет говорить об этом со мной. Я сказал ей о своих выводах. Она призналась, что никогда не уделяла большого внимания этой теме. И удивилась, что это так важно для меня. Я прочел ей настоящую лекцию по этнографии Центральной Мексики.

– Маг становится толтеком только тогда, когда получит тайны stalking и сновидения, – сказала она небрежно. – Нагуаль и Хенаро получили эти тайны от своего бенефактора и потом хранили их в своих телах. Мы делаем то же самое. И потому мы являемся толтеками, подобно Нагуалю и Хенаро.

Нагуаль учил тебя и меня быть бесстрастными. Я более бесстрастна, чем ты, потому что я бесформенна. У тебя все еще сохранилась твоя форма, и ты пуст. Поэтому ты цепляешься за каждый сучок. Однако однажды ты снова будешь полным. И тогда ты поймешь, что Нагуаль был прав. Он сказал, что мир людей поднимается и опускается и что люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Как магам нам нечего следовать за ними в их подъемах и спусках.

Искусство магов состоит в том, чтобы быть вне всего и быть незаметными. И самым главным в искусстве магов является то, чтобы никогда не расточать понапрасну свою силу. Нагуаль сказал мне, что твоя проблема – вечно попадать в ловушку идиотских дел вроде того, чем ты занимаешься сейчас. Я уверена, что ты собираешься расспрашивать нас всех о толтеках, но так и не соберешься спросить кого-то из нас о нашем внимании.

Ее смех был чистым и заразительным. Я вынужден был согласиться, что она права. Мелкие проблемы всегда пленяли меня. Я только сказал ей, что озадачен употреблением слова «внимание».

– Я уже говорила тебе о том, что Нагуаль рассказывал нам о внимании, – сказала она. – Мы удерживаем своим вниманием образы мира. Обучать мужчину-мага очень трудно, потому что его внимание всегда закрыто, сфокусировано на чем-нибудь. А вот женщина всегда открыта, потому что большую часть своего времени она ни на чем не фокусирует свое внимание, особенно в течение менструального периода. Нагуаль рассказал мне, а затем продемонстрировал, что в эти дни я действительно могу позволить своему вниманию уйти от образов мира. Если я не фиксирую его на мире, то мир рушится.

– Как это делается, Горда?

– Это очень просто. Когда женщина менструирует, она не способна фокусировать свое внимание. Это и есть та трещина, о которой говорил мне Нагуаль. Вместо борьбы за фокусирование, женщина должна отвлечься от образов мира, созерцая отдаленные холмы, воду, например – реку, или облака.

Во время созерцания у тебя начинает кружиться голова и глаза устают, но если ты немного прикроешь их и мигнешь и сместишь их от одной горы к другой или от одного облака к другому, то созерцать¹⁹ можно часами или целыми днями, если это необходимо.

¹⁹ To gaze – пристально глядеть, вглядываться.

Нагуаль обычно заставлял нас сидеть у двери и созерцать те круглые холмы на другой стороне долины. Иногда мы сидели так по несколько дней, пока трещина не открывалась.

Мне хотелось узнать об этом больше, но она замолчала и поспешно села вплотную ко мне. Она сделала мне рукой знак прислушаться. Я услышал слабый шелест, и внезапно на кухню вошла Лидия. Я подумал, что она, должно быть, спала и звук наших голосов разбудил ее.

Она сменила западную одежду на длинное платье вроде тех, что обычно носили индейские женщины. На плечи была накинута шаль, и она была босая. Длинное платье не делало ее старше, скорее она была похожа на ребенка, одетого в наряд взрослой женщины.

Она подошла и очень официально приветствовала Ла Горду: «Добрый вечер, Горда». Затем она повернулась ко мне и сказала: «Добрый вечер, Нагуаль».

Ее приветствие было таким неожиданным и таким серьезным, что я чуть было не рассмеялся, но уловил предостережение Ла Горды. Она сделала вид, что чешет макушку головы тыльной стороной сжатой в кулак левой руки.

Я повторил следом за Ла Гордой: «Добрый вечер, Лидия».

Она села в конце стола справа от меня. Я не знал, начинать ли мне беседу. Только я собрался что-то сказать, как Ла Горда стукнула меня коленкой по ноге и едва заметным движением бровей дала мне знак слушать. Я снова услышал приглушенный шорох длинного платья, соприкасающегося с полом. Хосефина секунду постояла у двери, прежде чем направиться к столу. Она приветствовала меня, Лидию и Ла Горду точно таким же образом. Я не мог оставаться серьезным, глядя на нее. Она тоже была босая, одета в длинное платье и шаль, но ее платье было на три размера больше, и она подложила под него толстую прокладку. Это было чудовищно несовместимо; худое и юное лицо – и гротескно раздутое тело.

Она взяла скамейку, поставила ее с левого конца стола и села. Все трое выглядели чрезвычайно серьезными. Они сидели, сдвинув

ноги вместе, и держались очень прямо. Я еще раз услышал шуршание платья, и вошла Роза. Она была одета так же, как и другие, и тоже босая. Ее приветствие было таким же официальным и, естественно, включило Хосефину. Все ответили точно таким же тоном. Она села напротив, лицом ко мне. Все мы довольно долго молчали.

Внезапно Ла Горда заговорила, и звук ее голоса заставил подскочить всех остальных. Указав на меня, она сказала, что Нагуаль собирается показать им своих союзников и намерен воспользоваться специальным зовом, чтобы вызвать их в комнату.

Попытавшись обратить все это в шутку, я сказал, что Нагуалья здесь нет, так что он не может показать никаких союзников. Мне показалось, что они собираются рассмеяться. Ла Горда закрыла лицо рукой, а сестрички уставились на меня. Ла Горда приложила ладонь к моим губам и прошептала на ухо, что мне абсолютно необходимо воздержаться от идиотских высказываний. Она взглянула мне прямо в глаза и сказала, что я должен познать союзников, воспроизводя «зов бабочек».

Я неохотно послушался. Но не успел я начать, как дух ситуации овладел мною, и через мгновение я обнаружил, что с максимальной концентрацией отдаюсь воспроизведению этого звука. Я модулировал его звучание и управлял воздухом, выталкиваемым из легких таким образом, чтобы произвести самое длительное постукивание. Оно звучало очень мелодично.

Я набрал невероятное количество воздуха, чтобы начать новую серию, и внезапно остановился; что-то снаружи дома откликнулось на мой зов. Постукивающие звуки были слышны со всех сторон и шли даже с крыши. Сестрички вскочили и столпились вокруг меня и Ла Горды, как испуганные дети.

– Пожалуйста, Нагуаль, не вызывай ничего в дом, – умоляла Лидия.

Даже Ла Горда казалась немного испуганной. Она резко приказала мне остановиться. Я в любом случае не собирался продолжать свой зов. Однако союзники – как бесформенные силы

или как существа, которые шныряли за дверью – были уже независимы от моего зова. Я снова ощутил, как и две ночи назад в доме Хенаро, невыносимую тяжесть, навалившуюся на весь дом. Я буквально физически чувствовал ее в своем пупке как зуд, нервозность, которая вскоре превратилась в настоящее физическое страдание. Три сестрички были вне себя от страха, особенно Лидия и Хосефина. Обе они скулили, как раненные собаки. Все они окружили меня и уцепились за мою одежду. Роза заползла под стол и засунула голову между моими ногами. Только Ла Горда стояла позади меня, стараясь сохранять спокойствие. Через несколько секунд истерия и страх этих трех девушек возросли до огромных размеров. Ла Горда наклонилась и прошептала, что я должен издать противоположный звук, – звук, который рассеет их. Я испытал момент особой неуверенности, так как понятия не имел ни о каком другом звуке. Но затем возникло знакомое щекочущее ощущение на макушке, дрожь в теле и я неизвестно почему вдруг вспомнил особый свист, который дон Хуан обычно исполнял ночью, и которому старался научить меня. Он представил мне его как средство удерживать равновесие во время ходьбы, чтобы в темноте не сбиться с тропы.

Когда я начал свистеть таким образом, давление в области пупка прекратилось. Ла Горда улыбнулась и вздохнула с облегчением, а сестрички отодвинулись от меня, хихикая так, словно все это было только шуткой.

Мне хотелось индугировать в самокопательных размышлениях по поводу резкого перехода от достаточно приятного общения с Ла Гордой до нынешней неземной ситуации. Например, я думал, а не было ли все это просто розыгрышем с их стороны. Но я был слишком слаб и почти терял сознание. В ушах шумело, а напряжение в области живота было таким сильным, что заставило подумать о серьезном заболевании. Я положил голову на край стола, но через несколько минут уже смог расслабиться настолько, что смог выпрямиться.

Девушки, казалось, уже забыли, как они были перепуганы. Они смеялись, толкали друг друга, повязывая свои шали вокруг талии. Ла Горда не казалась ни нервной, ни расслабленной.

Вдруг две другие девушки толкнули Розу, и она упала со скамейки, где все трое сидели. Она приземлилась на ягодицы. Мне казалось, что она разъярится, но она захихикала. Я взглянул на Ла Горду, ожидая указаний. Она сидела, держа спину очень прямо. Ее глаза были полуприкрыты и фиксированы на Розе. Сестрички смеялись громко, как истеричные школьницы. Лидия толкнула Хосефину и заставила ее упасть рядом с Розой на пол. Когда Хосефина оказалась на полу, их смех немедленно затих. Роза и Хосефина вздрогнули всем телом, проделав непонятные движения ягодицами: они двигали ими из стороны в сторону, как бы растирая что-то на полу. Затем они молча вскочили, как два ягуара, и взяли Лидию за руки. Все трое совершенно бесшумно покружились пару раз по комнате. Роза и Хосефина взяли Лидию подмышки и пронесли ее, идя на цыпочках, два-три раза вокруг стола. Затем все трое рухнули, словно в коленях у них были одновременно сжавшиеся пружины. Их длинные платья вздулись, придав им вид огромных шаров. Очутившись на полу, они стали еще бесшумнее. Не было никаких других звуков, кроме легкого шуршания их платьев, когда они вертелись и ползали. Казалось, я смотрю стереофильм с отключенным звуком.

Ла Горда молча наблюдала за ними, сидя рядом со мной. Внезапно она встала и с акробатическим проворством побежала к двери на углу обеденной площадки, ведущей в их комнату. Прежде чем достигнуть двери, она упала на правый бок и плечо, сразу перевернувшись, встала, увлекаемая инерцией своего вращения, и распахнула дверь. Она проделала все это в абсолютной тишине.

Три девушки вкатились и вползли в комнату, как гигантские шарообразные насекомые. Ла Горда подала мне сигнал подойти к ней. Мы вошли в комнату, и она усадила меня спиной к дверной раме, прямо на полу. Сама она села справа от меня, также спиной к раме. Она заставила меня переплести пальцы и сложить руки над пупком.

Сначала я был вынужден делить внимание между Ла Гордой, сестричками и комнатой. Но как только Ла Горда устроила меня в этой позе, мое внимание было целиком захвачено комнатой. Все три девушки лежали в центре большой белой квадратной комнаты с

кирпичным полом. Там было четыре керосиновых лампы, по одной на каждой стене, размещенные на встроенных полочках в шести футах над полом. Потолка в комнате не было. Огромные балки крыши были затемнены, и – это создавало впечатление невероятной комнаты, открытой сверху. В самых углах, одна напротив другой находились две двери. Когда я взглянул через комнату на закрытую дверь, я заметил, что стены комнаты были ориентированы по сторонам света. Дверь, где мы находились, была в северо-западном углу.

Роза, Лидия и Хосефина несколько раз прокатились²⁰ вокруг комнаты против часовой стрелки. Я напрягался, чтобы услышать шуршание их платьев, но тишина была абсолютной. Я мог слышать только дыхание Ла Горды. Сестрички наконец остановились и сели спиной к стенам, каждая под своей лампой. Лидия села у восточной стены. Роза – у северной, а Хосефина – у западной.

Ла Горда встала, закрыла дверь позади нас и заперла ее на щеколду. Она заставила меня отодвинуться на несколько дюймов, не меняя позы, пока я не оказался спиной к двери. Затем она молча перекатилась через комнату и села под лампой у южной стены. Это, по-видимому, послужило сигналом. Лидия встала и начала ходить на цыпочках по периметру комнаты вдоль стен. Собственно, это была не ходьба, а скорее беззвучное скольжение. Она увеличила скорость, ступая на стыке пола и стен. Она перепрыгивала через Розу, Хосефину, Ла Горду и меня каждый раз, когда добиралась до мест, где мы сидели. Я ощущал, как ее длинное платье задевало меня при каждом ее обороте. Чем быстрее она бегала, тем выше оказывалась на стенах. Наступил момент, когда Лидия молча бегала вокруг четырех стен комнаты примерно в семи-восьми футах над полом. Вид девушки, бегающей перпендикулярно стенам, был таким невероятным, что это смахивало на гротеск. Ее длинное облачение делало картину еще более сверхъестественной. Казалось, тяготение не имело никакого отношения к ней самой, но действовало на ее длинную юбку – она свисала вниз. Я ощущал ее всякий раз, когда она, как штора, проносилась по моему лицу.

²⁰ Rolled – катиться, вертеться, вращаться.

Она захватила мое внимание на уровне, которого я не мог и вообразить. Напряжение от уделения ей моего нераздельного внимания было таким сильным, что у меня начались конвульсии в животе. Я буквально ощущал животом ее бег. Мои глаза расфокусировались. На последнем крошечном остатке способности к концентрации я увидел, как Лидия сошла вниз по диагонали восточной стены и остановилась посреди комнаты.

Она запыхалась, тяжело дышала и обливалась потом, как Ла Горда после демонстрации своего полета. Ей было трудно сохранять равновесие. Через секунду она пошла к своему месту у восточной стены и повалилась на пол, как мокрая тряпка. Казалось, она потеряла сознание, но затем я увидел, что она намеренно дышит ртом.

После нескольких минут неподвижности, вполне достаточных для того, чтобы Лидия полностью пришла в себя и села прямо, встала Роза, беззвучно пробежала к центру комнаты, повернулась на пятках и побежала обратно к своему месту. Это дало ей возможность разбежаться для диковинного прыжка. Она подпрыгнула в воздух, как баскетболист, вдоль вертикального пролета стены, и ее руки поднялись над стенами, которые возвышались более чем на десять футов. Мне было видно, как ее тело ударилось о стену, хотя звука удара не было. Я ожидал, что в результате столкновения ее отбросит обратно на пол, но она осталась висеть там, прикрепившись к стене, как маятник. С моего места это выглядело так, словно она держалась левой рукой за какой-то крючок. Она недолго раскачивалась подобно маятнику, затем переместилась на три-четыре фута влево, оттолкнувшись правой рукой от стены, когда размах ее качания был максимальным. Она повторила эти раскачивания и перемещения тридцать или сорок раз, пролетев таким образом вокруг всей комнаты, а затем перебралась к балкам крыши, где рискованно болталась, вися на невидимом крючке.

Когда она сделала это, я вдруг осознал, что в ее левой руке не было никакого крючка. В действительности это было каким-то свойством ее руки, которое позволяло ей висеть на ней. Той же самой руки, которой она атаковала меня двумя ночами ранее.

Ее демонстрация завершилась свисанием с балок в самом центре комнаты. Внезапно она потеряла сцепление, сорвавшись с высоты пятнадцать-шестнадцать, футов. Ее длинное платье поднялось и собралось вокруг головы. Перед тем, как она беззвучно приземлилась, секунду она выглядела, как вывернутый силой ветра зонт. Ее обнаженное тело казалось ручкой зонтика, прикрепленной к темной массе платья.

Мое тело ощутило толчок от ее падения наверное больше чем она сама. Она приземлилась, присев на корточки, и какое-то время оставалась неподвижной, стараясь перевести дыхание. Я растянулся на полу, испытывая болезненные спазмы в животе.

Ла Горда перекатилась через комнату, взяла свою шаль и повязала вокруг моего живота, обмотав ее два-три раза как пояс. Она тенью перекатилась обратно к южной стороне.

Пока она делала все это, я потерял из виду Розу. Когда я поднял глаза, та снова сидела у северной стены. Теперь уже Хосефина молча направилась в центр комнаты. Она расхаживала взад и вперед между местом, где сидела Лидия, и своим – у западной стены. Она все время была обращена лицом ко мне. Приблизившись к своему месту, она внезапно подняла левое предплечье и поместила его прямо перед лицом, словно хотела заслониться от меня. Она на секунду скрыла за предплечьем половину своего лица. Потом опустила его и подняла снова, на этот раз закрыв все лицо. Она бесчисленное количество раз повторяла этот процесс, беззвучно расхаживая по комнате из одного конца в другой. Каждый раз, когда она поднимала предплечье, все большая часть ее тела исчезала из моего поля зрения. Наступил момент, когда она закрыла все свое тело, раздутое за счет одежды, своим тонким предплечьем. Казалось, словно заслоняя все мое тело, находящееся в десяти-двенадцати футах от нее, от своего взора – задача вполне выполняемая, ее она легко могла решить за счет ширины своего предплечья – она заслоняла от моего взгляда и свое тело – а уж это никак нельзя было сделать за счет ширины ее предплечья.

Когда она закрыла все свое тело, я мог различать только силуэт ее висящего в воздухе предплечья. Оно, покачиваясь, двигалось из одного угла комнаты в другой, и только однажды я мог смутно увидеть и саму руку.

Я почувствовал отвращение, невыносимую тошноту. Двигающееся и покачивающееся предплечье истощало мою энергию. Я соскользнул на бок, не в силах сохранить равновесие, и увидел, как рука падает на землю. Хосефина лежала на полу, накрытая одеждой, словно ее вздутое платье взорвалось. Она лежала на спине, раскинув руки.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы восстановить физическое равновесие. Моя одежда промокла от пота. Все это подействовало не только на меня. Все они были измотанными и мокрыми. Ла Горда держалась лучше всех, но и ее контроль был, по-видимому, на грани срыва. Я мог слышать, как все они, включая Ла Горду, дышат ртом.

Когда я снова полностью пришел в себя, все сидели на своих местах. Сестрички пристально смотрели на меня. Краешком глаза я видел, что у Ла Горды глаза были полуприкрыты. Внезапно она бесшумно перекатилась в мою сторону и прошептала мне на ухо, что я должен начать свой зов бабочки, продолжая его до тех пор, пока союзники не вернутся в дом и не будут готовы взять нас.

Я был в нерешительности. Она прошептала, что возможности изменить направление не существует и что мы должны закончить то, что начали. Сняв свою шаль с моего пояса, она опять перекатилась на свое место и села.

Я поднес левую руку к губам и попытался издать постукивающий звук. Поначалу это казалось очень трудным. Губы были сухими, а руки потными, но после первой неудачи у меня появилось ощущение бодрости и хорошего тонуса. У меня получился самый великолепный зов, который я когда-либо издавал. Он напоминал мне такой же звук, который я постоянно слышал в ответ на свой. Когда я остановился, чтобы передохнуть, то услышал ответное постукивание со всех сторон.

Ла Горда сделала мне знак продолжать. Я выдал еще три серии. Последняя была совершенно гипнотической. Мне даже не пришлось набирать много воздуха и выпускать его небольшими порциями, как я делал это всегда. На этот раз постукивающий звук свободно лился из моего рта. Мне даже не нужно было использовать край ладони, чтобы издать его.

Внезапно Ла Горда бросилась ко мне, подхватила подмышки и потащила на середину комнаты. Ее действие нарушило мою абсолютную концентрацию. Я заметил, что Лидия держит меня за правую руку, Хосефина – за левую, а Роза поддерживает меня впереди, повернувшись спиной и держа за талию вытянутыми назад руками. Ла Горда была позади меня. Она приказала мне протянуть руки назад и схватиться за шаль, которую она повязала вокруг шеи и плеч как упряжь.

Тут я заметил, что в комнате кроме нас было еще что-то, хотя и не мог сказать, что именно. Сестрички дрожали. Я знал, что они осознают присутствие чего-то такого, чего я различить не мог. Я также знал, что Ла Горда собирается повторить то, что делала в доме дона Хенаро. Внезапно я почувствовал ветер из глаза-двери, втягивающий нас. Я изо всех сил уцепился за край шали Ла Горды, а сестрички схватились за меня. Я ощутил, что мы кружимся, кувыркаемся и раскачиваемся из стороны в сторону, как гигантский невесомый лист.

Я открыл глаза и увидел, что мы похожи на пучок. Мы то ли стояли, то ли горизонтально висели в воздухе, – я не мог разобрать, так как не имел точки отсчета для чувств. Затем так же внезапно, как и поднялись, мы стали опускаться. Я чувствовал падение в своем животе и завопил от боли. Мои вопли слились с воплями сестричек. Вдруг я ощутил невыносимый толчок в ногах и подумал, что, должно быть, сломал их.

Следующим моим впечатлением было ощущение, что что-то проникло в мой нос. Я лежал на спине в полной темноте. Приподнявшись, я понял, что это Ла Горда щекочет мне ноздри прутиком. Я не чувствовал ни опустошенности, ни даже усталости. Вскочив на ноги, я был потрясен увиденным. Мы находились не в

доме, а на холме, на бесплодном каменистом холме. Я сделал шаг и едва не упал, споткнувшись о чье-то тело. Я узнал Хосефину. Она была очень горячей. Казалось, у нее был жар. Я попытался заставить ее сесть, но она была совершенно вялой. Рядом с ней лежала Роза. По контрасту ее тело было холодным, как лед. Я положил их одну на другую и потряс. Это движение привело их в себя.

Ла Горда тем временем нашла Лидию и заставила ее идти. Спустя несколько минут все мы были на ногах. Мы находились, по-видимому, в полумиле к востоку от дома.

Несколько лет назад дон Хуан вызвал у меня аналогичное переживание, но с помощью психотропного растения. По всей вероятности, он заставил меня летать, и я приземлился на некотором расстоянии от его дома. В то время я попытался объяснить это событие рациональным путем. Но почвы для такого объяснения у меня не было, как не хватало ее и для принятия того, что я летал, и я вынужден был пойти по одному из двух возможных путей: или объяснить происшедшее тем, что дон Хуан перенес меня на удаленное поле, пока я находился в бессознательном состоянии под действием психотропных алкалоидов этого растения, или утверждать, что под влиянием алкалоидов я поверил в то, что внушил мне дон Хуан. То есть, что я летал.

На этот раз у меня не было другого выхода, как только набраться мужества и признать, что я летал. Я начал индульгировать в сомнениях и сочинять, как четыре девушки перенесли меня на этот холм. Я громко засмеялся, не в силах сдержать непонятный восторг.

Это был рецидив моей старой болезни. Мой разум, который был временно заблокирован, опять начал захватывать власть надо мной. Мне хотелось защитить его. Или, точнее сказать, – в свете диковинных действий, которые я наблюдал и выполнял со дня моего приезда, – мой разум защищал самого себя независимо от более сложного целого, которое, кажется, и был мной. Тем «мной», которого я не знал.

Почти с позиции незаинтересованного наблюдателя я следил, как мой разум борется, чтобы найти подходящие разумные обоснования, в то время как другая, гораздо большая часть меня могла больше не заботиться об объяснении вообще чего бы то ни было.

Ла Горда выстроила трех девушек в линию, затем потянула меня к себе. Все они сложили руки за спиной. Ла Горда заставила меня сделать то же самое. Она вытянула мои руки как можно дальше назад, велела мне согнуть их и захватить мои предплечья как можно крепче и ближе к локтям. Это создавало большое мышечное напряжение в плечевых суставах. Она давила на мое туловище вперед до тех пор, пока я совсем не согнулся. Затем она издала особый птичий крик. Это был сигнал. Лидия начала двигаться. В темноте ее движения напоминали мне движения конькобежца. Она шла быстро и молча, и за несколько минут исчезла из виду. Ла Горда издала один за другим еще два птичьих крика, и Роза с Хосефиной удалились тем же способом, что и Лидия. Ла Горда велела мне следовать рядом с ней. Она издала еще один птичий крик, и мы тронулись с места.

Я был удивлен легкостью, с которой шел. Все мое равновесие было сосредоточено в ногах. То, что руки находились за спиной, не только не препятствовало движениям, но помогало мне поддерживать это необычное равновесие. Но больше всего меня удивила бесшумность своих шагов.

Достигнув дороги, мы стали идти нормально. Мы прошли мимо двух человек, идущих в противоположном направлении. Ла Горда приветствовала их, и они ответили. Когда мы добрались до дома, сестрички уже стояли у двери, не решаясь войти. Ла Горда сказала им, что хотя я не мог управлять союзниками, но мог и призывать их, и заставить их уйти. Союзники больше не будут беспокоить нас. Девушки поверили ей, чего нельзя было сказать обо мне.

Мы вошли внутрь. Все они очень спокойно и быстро разделись, облились холодной водой и сменили одежду. Я сделал то же самое. Ла Горда принесла мне мою старую одежду, которая хранилась обычно в доме дона Хуана в коробке, и я переоделся.

Все мы были в приподнятом настроении. Я попросил Ла Горду объяснить мне, что мы делали.

– Мы поговорим об этом позже, – сказала она твердо.

Тут я вспомнил, что пакеты, которые я привез им, все еще были в машине. Я подумал, что пока Ла Горда готовит нам еду, можно раздать подарки. Я вышел, взял их, принес в дом и положил на стол. Лидия спросила, распределил ли я подарки. Я сказал, что хочу, чтобы они сами выбрали то, что им понравится. Она отказалась, сказав, что, несомненно, у меня было приготовлено что-то особое для Паблито и Нестора, а для них – груда безделушек, которые я высыпал на стол, чтобы они дрались за них.

– Кроме того, ты ничего не привез для Бениньо, – сказала она, подойдя ко мне сбоку, и взглянула на меня с напускной серьезностью. – Ты не должен оскорблять чувства Хенарос, давая им два подарка на троих.

Они все засмеялись. Мне было неловко. Она была совершенно права в том, что сказала.

– Ты легкомысленный²¹. Именно поэтому ты никогда не нравился мне, – сказала Лидия, погасив улыбку и нахмурившись. – Ты никогда не приветствовал меня с симпатией или уважением. Каждый раз ты только делал вид, что рад видеть меня.

Она имитировала мое явно неискреннее приветствие, которым я пользовался много раз в прошлом.

– Почему ты никогда не спрашивал меня, чем я здесь занимаюсь? – спросила Лидия.

Я прекратил писать. Мне просто никогда не приходило в голову спрашивать ее о чем-либо. Я сказал ей, что мне нет оправдания. Вмешалась Ла Горда, сказав, что я никогда не сказал при встрече больше двух слов Лидии и Розе по очень простой причине: я привык разговаривать только с женщинами, которыми увлечен в том или

²¹ Careless – небрежный, неосторожный, беззаботный, легкомысленный.

ином смысле. Ла Горда добавила, что Нагуаль велел им только отвечать на мои вопросы, а если я к ним не обращаюсь, то они не должны были ничего говорить сами.

Роза сказала, что не любит меня, потому что я всегда смеялся и пытался потешать всех. Хосефина добавила, что я никогда не видел ее, она невзлюбила меня просто ради забавы, просто так.

– Я хочу, чтобы ты знал, что я не признаю тебя как Нагуаля, – сказала мне Лидия, – Ты очень тупой. Ты ничего не знаешь. Я знаю больше тебя. Как я могу уважать тебя?

Она добавила, что я могу убираться туда, откуда пришел, или хоть провалиться в преисподнюю.

Роза и Хосефина не сказали ни слова. Однако, судя по серьезному и неприветливому выражению их лиц, они были согласны с Лидией.

– Как этот человек может вести нас? – спросила Лидия Ла Горду. – Он не настоящий Нагуаль. Он человек. Он собирается делать из нас таких же идиотов, как он сам.

Когда она говорила это, я видел, как выражение лиц Розы и Хосефины становится все более и более враждебным.

Ла Горда вмешалась и объяснила им то, что она «видела» обо мне раньше. Она добавила, что поскольку она рекомендовала мне не запутываться в их сетях, рекомендует то же самое и им – не запутываться в моих.

После того, как Лидия сначала продемонстрировала мне свою вполне обоснованную неподдельную враждебность, я был изумлен, как легко она поддавалась замечаниям Ла Горды. Она даже улыбнулась мне, а потом подошла и села рядом со мной.

– Ты на самом деле такой же как мы, да? – спросила она смущенно.

Я не знал, что сказать. Я боялся допустить промах.

Лидия явно была лидером сестричек. В тот момент, когда она улыбнулась мне, две другие тотчас были охвачены тем же настроением.

Ла Горда сказала, чтобы они не обращали внимания на мой карандаш и бумагу и на мои постоянные вопросы и что я, в свою очередь, не должен тревожиться, если они вовлекаются в свое любимое занятие – индальгирование на самих себе.

Все трое сели около меня. Ла Горда подошла к столу, взяла пакеты и отнесла их в мою машину. Я попросил Лидию извинить меня за мои непростительные промахи в прошлом и попросил всех рассказать мне, как они стали ученицами дона Хуана. Чтобы заставить их чувствовать себя непринужденно, я описал свою встречу с доном Хуаном. Их рассказы повторили то, что я уже знал от доньи Соледад.

Лидия сказала, что все они вольны были оставить мир дона Хуана, но их выбор был – остаться. Сама она была самой первой ученицей и имела возможность уйти. Когда Нагуаль и Хенаро вылечили ее, Нагуаль указал ей на дверь и сказал, что если она не уйдет теперь, то дверь закроется и никогда не откроется снова.

– Моя судьба была решена, когда дверь закрылась, – сказала мне Лидия. – В точности то же случилось и с тобой. Нагуаль говорил мне, что, когда он наложил на тебя заплату, у тебя была возможность уехать. Но ты не захотел воспользоваться ею.

Я помнил о том решении более живо, чем о чем угодно другом. Я рассказал им, как дон Хуан заставил меня поверить, что за ним охотится женщина-маг, а затем предоставил мне выбор – или покинуть его навсегда, или остаться, чтобы помочь ему вести войну против этой ведьмы. Потом оказалось, что мнимым врагом была одна из его сотрудниц. Вступив в борьбу с ней – как я думал, в защиту дона Хуана – я направил ее против себя, и она стала тем, что он назвал моим «стоящим противником».

Я спросил у Лидии, были ли у них такие противники.

– Мы не такие тупые, как ты, – сказала Роза. – Мы никогда не нуждались ни в ком, кто бы пришпоривал нас.

– Паблито как раз такой тупица, – сказала Роза, – Его противником является Соледад. Впрочем, я не знаю, насколько она стоящая. Но, как гласит пословица, нет курицы, так съешь и луковицу.

Они засмеялись и заколотили по столу.

Я спросил у них, знал ли кто-нибудь Ла Каталину, женщину-мага, которую дон Хуан натравил на меня. Они отрицательно покачали головой.

– Я знаю ее, – сказала Ла Горда, стоя у печи. – Она из цикла Нагуаля, а выглядит так, как будто ей лет тридцать.

– Что такое цикл, Горда? – спросил я.

Она подошла к столу, поставила ногу на скамейку и, облокотясь на нее, подперла рукой подбородок.

– Маги, подобные Нагуалю и Хенаро, имеют два цикла. Первый – это когда они еще человеческие существа, подобные нам. Мы находимся в нашем первом цикле. Каждому из нас было дано задание, и это задание вынуждает нас оставить человеческую форму. Элихио, мы пятеро и Хенарос относимся к одному и тому же циклу. Второй цикл наступает тогда, когда маг больше не является человеческим существом. Такими были Нагуаль и Хенаро. Они пришли учить нас. И после того, как они обучили нас, они ушли. Мы являемся вторым циклом для них. Нагуаль и Ла Каталина подобны тебе и Лидии. Они находятся на таких же позициях. Она ужасающий маг, в точности как Лидия.

Ла Горда вернулась к печи. Сестрички, казалось, нервничали.

– Это, должно быть, та женщина, которая знает растения силы, – сказала Лидия Ла Горде.

Ла Горда ответила, что так оно и есть. Я спросил, давали ли им когда-нибудь растения силы.

– Нам троим не давали, – ответила Лидия. – Растения силы дают только пустым людям, таким как ты и Ла Горда.

– Нагуаль давал тебе растения силы, Горда? – спросил я громко.

Ла Горда подняла над головой два пальца.

– Нагуаль давал ей свою трубку дважды, – сказала Лидия, – И оба раза у нее ехала крыша.

– Что случилось, Горда? – спросил я.

– Я становилась сумасшедшей, – сказала Ла Горда, подходя к столу. – Растения силы давали нам потому, что Нагуаль накладывал латки на наши тела. Моя пристала быстро, а у тебя это протекало трудно. Нагуаль сказал, что ты еще ненормальней Хосефины и такой же невыносимый, как Лидия, и он вынужден был давать тебе растения силы огромное количество раз.

Ла Горда объяснила, что растения использовали только те маги, которые в совершенстве владели этим искусством. Эти растения были таким могущественным средством, что для правильного обращения с ними требовалось самое безупречное внимание со стороны магов. Нужна была целая жизнь, чтобы натренировать свое внимание до необходимого уровня. Ла Горда сказала, что полный человек не нуждается в растениях силы и что ни сестрички, ни Хенарос никогда не принимали их. Но в какой-то момент, когда они усовершенствуют свое искусство как сновидящих, им придется воспользоваться растениями силы для получения завершающего тотального толчка. Это будет толчок такой силы, что нам невозможно и представить его.

– А тебе и мне тоже придется принимать их? – спросил я Ла Горду.

– Всем нам, – ответила она. – Нагуаль сказал, что ты должен разбираться в этом лучше, чем любой из нас.

Я некоторое время думал на эту тему. Психотропные растения оказывали на меня ужасающее воздействие. Они, казалось, достигали какого-то обширного резервуара во мне и извлекали из него целый мир. Недостатками их принятия были их отрицательное воздействие на физическое состояние и невозможность управлять их действием. Мир, в который они погружали меня, был неподатлив и хаотичен. Пользуясь терминологией дона Хуана, мне не хватало контроля и силы, чтобы воспользоваться этим миром. Однако если бы такой контроль у меня был, то я открыл бы возможности, потрясающие ум.

– Я принимала их, – внезапно сказала Хосефина, – Когда я была помешанной, Нагуаль дал мне свою трубку, чтобы исцелить или убить меня. И она исцелила меня.

– Нагуаль действительно давал Хосефине свой дым, – сказала Ла Горда и подошла к столу. – Он знал, что она притворяется более сумасшедшей, чем есть на самом деле. Она всегда была немного чокнутой, но еще и очень смелой и индугирующей, как никто другой. Она всегда хотела жить там, где никто бы ее не беспокоил и где она смогла бы делать все, что ей захочется. Поэтому Нагуаль дал ей свой дым и отправил пожить в мир ее предрасположения на четырнадцать дней, пока она так не пресытилась им, что излечилась. Она пресекла свое индугирование. В этом и состояло ее излечение.

Ла Горда вернулась к плите. Сестрички смеялись и хлопали друг друга по спинам.

Тут я вспомнил, что в доме доньи Соледад Лидия не только сделала вид, что Нагуаль оставил для меня какой-то пакет, но и на самом деле показала сверток, заставивший меня думать о футляре, в котором дон Хуан обычно хранил свою трубку. Я напомнил Лидии об их обещании отдать мне этот пакет в присутствии Ла Горды.

Сестрички переглянулись, а затем посмотрели на Ла Горду. Она кивнула. Хосефина встала и пошла в переднюю комнату.

Спустя минуту она вернулась со свертком, который показывала мне Лидия.

Мое нетерпение достигло предела. Хосефина аккуратно положила сверток на столе передо мной. Все столпились вокруг. Она стала развязывать его так же, как в первый раз это делала Лидия. Когда пакет был полностью развернут, она вывалила его содержимое на стол. Это было тряпье для менструаций.

Секунду я был в ярости. Но громкий смех Ла Горды был таким веселым, что я и сам был вынужден рассмеяться.

– Это личный сверток Хосефины, – сказала Ла Горда. – Это была блестящая идея – сыграть на твоей жадности получить дар от дона Хуана, чтобы вынудить тебя остаться.

– Ты должен признать, что это была хорошая идея, – сказала мне Лидия.

Она имитировала выражение жадности на моем лице, когда она разворачивала передо мной сверток, и затем мое разочарование, когда она не закончила это.

Я сказал Хосефине, что ее идея действительно была блестящей, что она сработала, как она и ожидала, и что я хотел заполучить этот пакет больше, чем хотел признаться.

– Ты можешь получить его, если хочешь, – сказала Хосефина, чем вызвала общий смех.

Ла Горда сказала, что Нагуаль знал с самого начала, что Хосефина вовсе не была больна на самом деле, но именно по этой причине ему так трудно было вылечить ее. Люди, которые действительно больны, более податливы. Хосефина отдавала себе полный отчет во всем и была очень строптивой, поэтому он должен был курить²² ее великое множество раз.

Дон Хуан сказал когда-то то же самое и насчет меня – что он «курил» меня. Я всегда считал, что он имеет в виду использование

²² To smoke – курить. В англ. языке так же как и дымить, окуривать.

психотропных грибов для того, чтобы составить себе определенное обо мне.

– Как он «курил» тебя? – спросил я у Хосефины.

Она пожала плечами и не ответила.

– Так же, как он курил и тебя, – сказала Лидия. – Он вытянул твою светимость и высушил ее дымом от огня, который он развел.

Я был убежден, что дон Хуан никогда не объяснял мне этого. Я попросил Лидию, чтобы она рассказала мне все, что она знала об этом. Она повернулась к Ла Горде.

– Дым имеет очень большое значение для мага, – сказала Ла Горда. – Дым подобен туману. Туман, конечно, лучше, но с ним слишком трудно обращаться. Он не так удобен для использования, как дым. Поэтому, если маг хочет видеть и узнать кого-то очень закрытого, своенравного и упрямого, как ты и Хосефина, – он разводит огонь и позволяет дыму окутать этого человека. Все, что они скрывают, выходит с дымом.

Ла Горда сказала, что Нагуаль использовал дым не только для того, чтобы «видеть» и знать людей, но и для исцеления. Он делал Хосефине дымные ванны. Он заставлял ее сидеть или стоять у огня с той стороны, куда дует ветер. Дым обычно окутывал ее и заставлял ее кашлять и плакать, но это неудобство было лишь временным и не имело последствий. Зато огромным положительным эффектом было постепенное очищение светимости.

– Нагуаль давал нам всем дымные ванны, – сказала Ла Горда. – Ты получил даже больше ванн, чем Хосефина. Он сказал, что ты был невыносим, а ведь ты не притворялся как она.

Теперь я все понял. Она была права. Дон Хуан заставлял меня сидеть у огня сотни раз. Дым обычно раздражал мне горло и глаза до такой степени, что я содрогался, когда видел, что он снова начинает собирать сухие ветки и хворост. Он говорил, что я должен научиться контролировать свое дыхание и ощущать дым с закрытыми глазами, тогда я смогу дышать без удушья.

Ла Горда сказала, что дым помог Хосефине стать легкой и совершенно неуловимой, а мне, несомненно, он помог излечиться от моей ненормальности, в чем бы она ни заключалась.

– Нагуаль сказал, что дым забирает из тебя все, – продолжала Ла Горда. – Он делает тебя прямым и чистым.

Я спросил ее, знает ли она, как вместе с дымом вынести из человека скрываемое. Она сказала, что может очень легко сделать это, потому что она потеряла свою форму. Но сестрички и Хенарос сами не могут, хотя они десятки раз видели, как это делали Нагуаль и Хенаро. Мне было любопытно узнать, почему дон Хуан никогда при мне не упоминал об этом, хотя он окуривал меня сотни раз, как сухую рыбу.

– Он упоминал, – сказала Ла Горда со своей обычной убежденностью. – Нагуаль даже учил тебя пристальному созерцанию тумана. Он говорил нам, что однажды ты курил целое место в горах и видел то, что было скрыто за сценой. Он сказал, что он сам был поражен этим.

Я вспомнил острое нарушение восприятия, особого рода галлюцинацию, которая, как я думал, была результатом взаимодействия между очень густым туманом и случившейся в это самое время грозой. Я рассказал им этот эпизод и добавил, что дон Хуан действительно никогда не учил меня прямо ничему о тумане или о дыме. Он просто брал меня в полосу тумана или разжигал костры. Ла Горда не сказала ни слова. Она встала и пошла к плите. Лидия покачала головой и прищелкнула языком.

– Ты действительно тупой, – сказала она. – Нагуаль учил тебя всему. Как, по-твоему, ты видел все, о чем только что рассказывал нам?

Между нашим пониманием принципов обучения была пропасть. Я сказал им, что если бы я учил их чему-то, известному мне, например – вождению машины, то я шел бы шаг за шагом, удостоверяясь, что они поняли каждую грань каждой процедуры.

Ла Горда повернулась к столу.

– Это только в случае, если маг учит чему-нибудь относительно тоналя. Когда маг имеет дело с нагуалем, он обязан дать инструкцию, которая должна показать воину тайну. И это все, что он должен сделать. Воин, который получает тайну, должен сделать это знание силой, выполнив то, что ему показано. Нагуаль показал тебе больше тайн, чем всем нам, вместе взятым. Но ты ленив, подобно Паблито, и предпочитаешь приходить в замешательство. Тональ и нагуаль – два различных мира. В одном ты разговариваешь, в другом – действуешь.

Когда она говорила это, я понимал каждое ее слово с абсолютной ясностью. Я знал все это. Она пошла обратно к плите, помешала что-то в горшке и вернулась.

– Почему ты такой тупой? – бесцеремонно спросила меня Лидия.

– Он пустой, – ответила Роза.

Они заставили меня встать и, прищурившись, стали сканировать мое тело глазами. Все они коснулись меня в области пупка.

– Но почему ты все еще пустой? – спросила Лидия.

– Ты ведь знаешь, что делать, правда? – добавила Роза.

– Он был ненормальный, – сказала Хосефина. – Он и сейчас, должно быть, ненормальный.

Ла Горда пришла мне на помощь, сказав им, что я все еще пустой по той же причине, по которой все они еще имеют свою форму. Все мы втайне не хотим мира Нагуаля. Мы боимся и имеем задние мысли. Короче говоря, никто из нас не лучше Паблито.

Они не сказали ни слова. Все трое, казалось, были в полном смущении.

– Бедный Нагуальчик, – сказала Лидия тоном, полным участия. – Он так же напуган, как и мы. Я делаю вид, что я резкая,

Хосефина притворяется ненормальной, Роза притворяется раздражительной, а ты притворяешься тупым.

Они засмеялись и в первый раз со времени моего приезда проявили ко мне дружеское расположение — обняли меня и прислонили свои головы к моей.

Ла Горда села лицом ко мне, а сестрички расположились вокруг нее. Я был обращен лицом ко всем четверем.

— Теперь мы можем поговорить о том, что случилось сегодня ночью, — сказала Ла Горда. — Нагуаль говорил мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, мы не будем теми же самыми. Союзники что-то сделали с нами этой ночью. Они далеко зашвырнули нас.

Она мягко коснулась моего блокнота.

— Эта ночь была для тебя особой, — продолжала она. — Этой ночью все мы, включая союзников, энергично взялись за то, чтобы помочь тебе. Нагуаль понравилось бы это. Этой ночью ты все время видел.

— Я видел? — переспросил я.

— Опять ты за свое, — сказала Лидия, и все засмеялись.

— Расскажи мне о моем видении, Горда, — настаивал я. — Ты знаешь, что я тупой. Но ведь между нами не должно быть непонимания.

— Ну ладно, — сказала она. — Этой ночью ты видел сестричек.

Я сказал им, что мне приходилось быть свидетелем невероятных действий, выполняемых доном Хуаном и доном Хенаро. Я видел их так же ясно, как видел сестричек, и тем не менее дон Хуан и дон Хенаро всегда приходили к выводу, что я не видел. Так что я не в состоянии определить, чем могли отличаться действия сестричек.

– Ты хочешь сказать, что не видел, как они держались за линии мира? – спросила она.

– Нет, не видел.

– И ты не видел, как они проскользнули в трещину между мирами?

Я изложил им то, чему был свидетелем. Они слушали молча. К концу моего отчета Ла Горда, казалось, готова была расплакаться.

– Какая жалость! – воскликнула она.

Она встала, обошла вокруг стола и обняла меня. Ее глаза были ясными и успокаивающими. Я знал, что она не питает ко мне неприязни.

– Это наш рок – то, что ты так закупорен, – сказала она. – Но ты все еще остаешься для нас Нагуалем. Я не буду препятствовать тебе своими гадкими мыслями. Ты можешь быть уверен в этом в любом случае.

Я знал, что она говорит искренне. Она говорила со мной с уровня, который я наблюдал только у дона Хуана. Она не раз повторяла, что ее настрой – это следствие потери ее человеческий формы. Она действительно была бесформенным воином. Волна глубокой привязанности к ней нахлынула на меня. Я едва не заплакал. Как раз в тот момент, когда я понял, что она была самым превосходным воином, со мной случилось нечто чрезвычайно интригующее. Наиболее точно это можно было бы описать, сказав, что мои уши внезапно лопнули. Вслед за этим я ощутил лопанье в области середины своего тела как раз под пупком, причем еще более резко, чем в ушах. Сразу после этого все стало невероятно отчетливым: звуки, картины, запахи. Затем я услышал интенсивный шум, который, как ни странно, не нарушал моей способности слышать самые тихие звуки. Казалось, я слышал шум какой-то другой частью себя, не имеющей отношения к моим ушам. Через тело прокатилась горячая волна. И тут я вспомнил нечто такое, чего никогда не видел. Было так, словно мною овладела чужая память. Я вспомнил, как Лидия подтягивалась на двух

красноватых веревках, когда ходила по стене. Она фактически не ходила, а скользила на толстом пучке линий, которые держала стопами. Я вспомнил, как она часто и тяжело дышала ртом после усилий, затраченных на подтягивание этих красноватых веревок. В конце ее демонстрации я не мог удержать равновесие потому, что видел ее как свет, который носился вокруг комнаты так быстро, что у меня закружилась голова. Он тянул меня за нечто в области пупка.

Я вспомнил также и действия Розы и Хосефины. Роза держалась левой рукой за длинные, похожие на виноградную лозу волокна, ниспадающие с темной крыши. Правой рукой она держалась еще за какие-то волокна, которые, по-видимому, придавали ей устойчивость. Она держалась за них еще и пальцами ног. В конце своей демонстрации она выглядела как свечение под крышей. Контуры ее тела были стерты.

Хосефина прятала себя за какими-то линиями, которые, казалось, исходили из пола. Своим приподнятым предплечьем она сдвигала линии вместе, давая им достаточную ширину, чтобы они скрывали ее туловище, и ее раздутые одежды были огромной поддержкой. Они каким-то образом сжали ее светимость. Одежды были громоздкими только для глаз, которые «смотрели». В конце демонстрации Хосефина, подобно Лидии и Розе, была просто пятном света. Я мог в уме переключаться с одного воспоминания на другое.

Когда я рассказал им об этих сосуществующих видах памяти, сестрички посмотрели на меня с недоумением. Только одна Ла Горда, по-видимому, поняла, что со мной случилось. Она с неподдельным удовольствием засмеялась и сказала, что Нагуаль был прав: я слишком ленив, чтобы помнить, что видел, поэтому заботился только о том, на что «смотрел».

Возможно ли это, спрашивал я себя, чтобы я мог бессознательно отбирать, что мне вспоминать? Или все это дело рук Ла Горды? Если это было правдой, значит я сначала отобрал свои воспоминания, а затем освободил то, что было подвергнуто цензуре. Значит, тогда правда и то, что и в действиях дона Хуана и дона Хенаро я воспринимал намного больше, однако воскресить в памяти мог только отобранную часть моего целостного восприятия тех событий.

– Трудно поверить, – сказал я Ла Горде, – я могу теперь вспомнить нечто такое, чего совсем недавно не помнил вообще.

– Нагуаль сказал, что каждый человек может видеть, но мы почему-то предпочитаем не помнить того, что мы видели, – сказала она. – Теперь я понимаю, как он был прав. Все мы можем видеть в большей или меньшей степени.

Я сказал Ла Горде, что некоторая часть меня знала, что я, наконец, нашел трансцендентный ключ. И все они передали мне его недостающую часть. Но было трудно разобрать, что же это такое. Она заявила, что только что увидела, что я действительно овладел значительной частью искусства сновидения и развил свое внимание, но предпочитаю сам себя дурачить, делая вид, что ничего не знаю.

– Я уже пыталась рассказать тебе о внимании, – продолжала она. – Но ты знаешь об этом столько же, сколько все мы.

Я заверил ее, что мое знание по сути отличается от их. Их знание было бесконечно более эффективным, чем мое, поэтому все, что они могли сообщить мне в связи со своими практиками, было бы чрезвычайно важным для меня.

– Нагуаль велел нам показать тебе, что с помощью своего внимания мы можем удерживать образы сна точно так же, как мы удерживаем образы мира, – сказала Ла Горда. – Искусство сновидящего – это искусство внимания.

Мысли нахлынули на меня лавиной. Я вынужден был встать и пройти по кухне. Мы долго молчали. Я знал, что она имела в виду, когда сказала, что искусство сновидящих – это искусство внимания. Я знал также, что дон Хуан рассказал и показал мне все, что мог. Однако когда он был рядом, я не смог осознать предпосылки этого знания в своем теле. Он говорил, что мой разум является демоном, который держит меня в оковах и что я должен победить его, если хочу достичь осознания его учения. Проблема, следовательно, заключалась в том, как победить мой разум. Мне никогда не приходило в голову потребовать от него определения понятия «разум». Я всегда считал, что он подразумевает способность строить умозаключения или мыслить упорядоченным и рациональным

образом. Из того, что сказала мне Ла Горда, я понял, что для него «разум» означал «внимание».

Дон Хуан говорил, что ядром нашего существа (бытия?)²³ является акт восприятия, а магией нашего существа (бытия) – акт осознания. Для него восприятие и осознание было обособленной нерасчленимой функциональной единицей, которая имела две области. Первая – это «внимание тоналя», то есть способность обычных людей воспринимать и помещать свое осознание в обычный мир обыденной жизни. Дон Хуан также называл еще эту сферу внимания «первым кольцом силы» и характеризовал ее как нашу внушающую благоговение, но принимаемую за нечто само собой разумеющееся способность придавать порядок нашему восприятию повседневного мира.

Второй областью было «внимание нагуаля» – способность магов помещать свое осознание в необычный мир. Он называл эту область внимания «вторым кольцом силы» или совершенно необыкновенной способностью, которая есть у всех нас, но которую используют только маги, чтобы придавать, порядок необычному миру.

Ла Горда и сестрички демонстрировали мне, что искусством сновидящих было удерживать с помощью своего внимания образы своих снов. Тем самым они раскрыли практический аспект системы дона Хуана. Они были практиками, которые вышли за пределы теории его учения. Чтобы продемонстрировать это искусство, они должны были воспользоваться «вторым кольцом силы» или «вниманием нагуаля». Чтобы стать свидетелем их искусства, мне нужно было сделать то же самое. Было очевидно, что я распределил свое внимание по обоим областям. По-видимому, все мы непрерывно воспринимаем обоими способами, но предпочитаем выделять для воспоминания одно и отвергать другое. Или, возможно, мы регистрируем и храним это в стороне, как это делал я сам. При определенных условиях стресса или покорности²⁴ подвергнутые цензуре воспоминания выходят на поверхность, и тогда у нас может быть два различных воспоминания об одном и том же событии.

²³ Core of our being. Being – бытие, существование, существо.

²⁴ Acquiescence – молчаливое или неохотное согласие, покорность.

То, что дон Хуан пытался победить или, вернее, подавить во мне, было не моим разумом как способностью рационально мыслить, а моим вниманием тоналя или моим осознанием мира здравого смысла. Ла Горда объяснила, почему он так этого добивался. Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы. Следовательно, если человек оставляет внимание, необходимое для поддержания этих образов, то мир рушится.

– Нагуаль сказал нам, что в счет идет только практика, – внезапно сказала Ла Горда. – Когда ты добился перевода своего внимания на образы своего сна, твое внимание окончательно зацеплено. В результате ты можешь стать таким, как Хенаро, который мог удерживать образы любого сна.

– У каждой из нас есть еще по пять снов, – сказала Лидия, – но мы показали тебе первый, потому что это сон, который дал нам Нагуаль.

– Вы можете входить в сновидение в любое время, когда захотите? – спросил я.

– Нет, – ответила Ла Горда. – Сновидение требует слишком много силы. Никто из нас не владеет ею в таком количестве. Сестрички должны были так много раз кататься по полу потому, что при катании земля дает им энергию. Может быть, ты сможешь вспомнить еще и свое видение их как светящихся существ, получающих энергию от света земли. Нагуаль говорил, что самый лучший путь получения энергии – это, конечно, позволить солнцу войти в глаза, особенно в левый.

Я сказал ей, что ничего не знаю об этом, и она описала процедуру, которой обучил их дон Хуан. Пока она говорила, я вспомнил, что он обучал этой процедуре и меня тоже. Она заключалась в том, что я должен был медленно двигать головой из стороны в сторону, пока не поймаю солнечный свет своим полуприкрытым левым глазом. Он сказал, что можно пользоваться не только солнцем, но и любым источником света, который может светить в глаза.

Ла Горда сказала, что Нагуаль рекомендовал им повязывать свои шали ниже талии, когда они будут кататься по земле, чтобы предохранить тазовые кости. Я заметил, что дон Хуан никогда не говорил мне о катании. Она сказала, что это нужно только женщинам, потому что у них есть матка, и энергия Земли поступает прямо в матку. Путем вращения они распределяют эту энергию по остальной части своего тела. Мужчины, чтобы заряжаться энергией, должны лечь на спину, согнув колени так, чтобы подошвы ног соприкасались друг с другом. Руки должны быть вытянуты в стороны, предплечья вертикально подняты, а пальцы согнуты в вертикальном положении, как когти.

– Мы сновидели эти сны несколько лет, – сказала Лидия, – Эти сны – самые лучшие, потому что наше внимание в них – полное. В других наших снах наше внимание еще непрочное.

Ла Горда сказала, что удерживание образов сна является толтекским искусством. После нескольких лет практики каждая из них стала способна выполнять в любом сне по одному действию. Лидия могла ходить по чему угодно, Роза могла висеть на чем угодно, Хосефина могла скрыться за чем угодно, а она сама могла летать. Но они были только начинающими, ученицами в этом искусстве. Они овладели полным вниманием только для одного вида деятельности. Она добавила, что Хенаро был мастером «сновидения». Он мог менять роли и обладал вниманием такого же количества разных видов деятельности, каким мы обладаем в нашей повседневной жизни, и для него обе сферы внимания были равнозначны.

Я ощутил потребность задать свой обычный вопрос: мне хотелось знать процедуры, посредством которых они удерживают образы своих снов.

– Ты знаешь это так же хорошо, как и мы, – сказала Ла Горда. – Я могу добавить только, что когда мы приходим в один и тот же сон снова и снова, мы начинаем ощущать линии мира. С их помощью мы и делаем то, что ты видел.

Дон Хуан говорил мне, что наше «первое кольцо силы» задействуется очень рано. И мы проживаем всю жизнь под впечатлением, что это все, что у нас есть. Наше «второе кольцо силы», внимание нагуаля, остается скрытым для подавляющего большинства из нас и только в момент нашей смерти оно открывается нам.

Существует, правда, доступный для всех путь к его достижению, но следуют ему только маги, — и это путь через «сновидение». «Сновидение», в сущности, является преобразованием обычных снов в занятия, включающие волевой акт. Сновидящие, привлекая свое «внимание нагуаля» и фиксируя его на темах и событиях своих обычных снов, преобразуют эти сны в «сновидение».

Дон Хуан говорил, что внимания нагуаля не достичь никакими процедурами. Он только дал мне указания. Прежде всего, надо было найти свои руки во сне. Затем упражнение по уделению внимания расширялось до поиска предметов и нахождения конкретных вещей, домов, улиц и тому подобного. Отсюда делался прыжок к «сновидению» о конкретных местах в конкретное время дня. Заключительной стадией было приведение «внимания нагуаля» к фокусу на всем себе²⁵. Дон Хуан говорил, что этой заключительной стадии обычно предшествовал сон, который видели многие из нас в то или иное время и в котором человек смотрит на самого себя, спящего в постели. К моменту появления такого сна внимание мага развивается до такой степени, что вместо того, чтобы проснуться, как делают многие из нас в этой ситуации, он разворачивается на своих каблуках и приступает к какой-либо деятельности, как если бы это происходило в обычной жизни. С этого момента появляется брешь, разграничение в до сих пор единой личности. Результатом привлечения «внимания нагуаля» и развития его до уровня и усложненности нашего обычного внимания к миру, в системе дона Хуана является другое я, существо, идентичное себе, но созданное в «сновидении».

Дон Хуан говорил мне, что не существует определенных стандартных шагов для обучения этому дублю. Точно так же, как не бывает определенных шагов для достижения нашего обычного

²⁵ On the total self – на полном себе

осознания. Мы просто делаем это посредством практики. Он утверждал, что в процессе привлечения нашего «внимания нагуалья» мы найдем эти шаги сами. Он убеждал меня практиковать сновидение, не позволяя своим страхам превращать это в обременяющую деятельность²⁶.

Он учил тому же и Ла Горду с сестричками. И очевидно, что-то в них было более восприимчивым к идее другого уровня внимания.

– Хенаро большую часть жизни был в теле сновидения, – сказала Ла Горда. – Ему это больше нравилось. Именно поэтому он мог делать самые невероятные вещи и пугал тебя до полусмерти. Хенаро мог входить и выходить через трещину между мирами, как ты и я можем входить и выходить через дверь.

Дон Хуан подробно рассказал мне о трещине между мирами. Я всегда считал, что он говорит метафорически о тонком разделении между миром, который воспринимает обычный человек, и миром, воспринимаемым магом.

Ла Горда и сестрички показали мне, что трещина между мирами – это больше чем метафора. Скорей, это была способность менять уровни внимания. Одна часть меня великолепно понимала Ла Горду, тогда как другая была еще более испуганной, чем когда-либо.

– Ты спрашиваешь, куда ушли Нагуаль и Хенаро, – сказала Ла Горда. – Соледад очень тупая, она сказала тебе, что они ушли в другой мир; Лидия сказала, что они ушли в другую местность, а бестолковые Хенарос напугали тебя. Истина заключается в том, что Нагуаль и Хенаро прошли через эту трещину.

По какой-то причине, не поддающейся определению, ее утверждения погрузили меня в глубокий хаос. Я все время ощущал, что они ушли навсегда. Я знал, что они не «ушли» в обычном смысле, но держал это чувство в области метафоры. Хотя я даже сообщил об этом своим близким друзьям, думаю, что сам я никогда в действительности не верил в это. В глубине души я всегда оставался

²⁶ Encumbering production – затруднительное, обременяющее производство.

рациональным человеком. Но Ла Горда и сестрички обратили мои неопределенные метафоры в реальные возможности.

Ла Горда действительно транспортировала нас на полмили с помощью энергии своего «сновидения».

Ла Горда поднялась и сказала, что я уже все понял, и что нам пора поесть. Она подала еду, которую только что приготовила. Мне не хотелось есть. После еды она встала и подошла ко мне.

– Я думаю, что тебе пора уезжать, – сказала она мне.

По-видимому, это послужило для сестричек сигналом. Они тоже встали.

– Если ты останешься с нами, с этого момента ты не сможешь больше покинуть нас, – продолжала Ла Горда. – Нагуаль однажды предоставил тебе свободу выбора, но ты выбрал остаться с ним. Он сказал мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, то я должна накормить вас, сделать так, чтобы вы хорошо себя чувствовали, а затем попрощаться с вами. Я полагаю, что мне и сестричкам некуда идти, так что у нас нет выбора. Но ты – другое дело.

Сестрички окружили меня и попрощались со мной.

В этой ситуации была чудовищная ирония. Я был волен уехать, но ехать мне было некуда. У меня тоже не было выбора. Много лет назад дон Хуан дал мне шанс вернуться обратно, но я остался, потому что уже тогда мне некуда было уйти.

– Мы выбираем только однажды, – сказал он мне тогда. – Мы выбираем либо быть воинами, либо – обычными людьми. Второго выбора не существует. Не на этой земле.

Глава 6. Второе внимание

– Ты можешь уехать сегодня попозже, – сказала мне Ла Горда после завтрака. Так как ты решил идти с нами, ты должен помочь нам выполнить наше новое задание. Нагуаль оставил меня во главе только до твоего приезда. Как ты знаешь, он поручил мне сообщить тебе некоторые вещи. Большую часть из них я уже тебе рассказала. Но осталось и еще кое-что, о чем я не могла говорить, пока ты не сделал выбор. Сегодня мы займемся этим. Сразу после этого ты должен уехать, чтобы дать нам время подготовиться. Нам нужно несколько дней, чтобы все уладить и приготовиться покинуть эти горы навсегда. Мы находились здесь очень долго. Трудно все ломать. Но все внезапно закончилось. Нагуаль предупреждал, что ты принесешь нам полную перемену независимо от исхода своих сражений, но я думаю, что никто не принимал его слова всерьез.

– Я никак не могу понять, почему вам нужно что-то менять? – сказал я.

– Я уже объясняла тебе, – возразила она, – Мы утратили нашу старую цель. Теперь у нас есть новая, и она требует, чтобы мы стали такими же легкими, как бриз. Бриз – это наше новое настроение. Он обычно бывает горячим ветром. Ты изменил наше направление.

– Ты говоришь загадками, Горда.

– Да, но это потому, что ты пустой. Я не могу сделать это более ясным. Когда ты вернешься, Хенарос покажут тебе искусство сталкера, и сразу после этого мы уедем. Нагуаль сказал, что если ты решишь быть с нами, то прежде всего ты должен вспомнить свои сражения с доньей Соледад и сестричками и исследовать каждый штрих происшедшего тогда. Все это – знаки о том, что случится с тобой на твоем пути. Если ты будешь внимателен и безупречен, то увидишь, что эти сражения были дарами силы.

– Что теперь собирается делать донья Соледад?

– Она уезжает. Сестрички уже помогли ей снять ее пол. Этот пол помогал ей достигать внимания нагуаля. У линий этого пола имелась сила делать это. Каждая из них помогала ей собрать кусочек этого внимания. Неполнота не является для некоторых воинов препятствием к достижению такого внимания. Соледад преобразилась потому, что достигла его быстрее, чем все мы. Ей больше не нужно пристально созерцать свой пол, чтобы войти в тот другой мир. Поэтому в нем больше нет нужды, и она должна вернуть его земле, откуда и взяла раньше.

– Вы действительно решили уехать, Горда?

– Да, все мы. Именно поэтому я прошу тебя уехать на несколько дней, чтобы дать нам время сбыть все, что мы имеем.

– Должен ли я найти место для всех вас, Горда?

– Если бы ты был безупречным воином, ты бы как раз это и сделал. Но ты не являешься безупречным воином и мы тоже. Тем не менее, мы должны будем сделать лучшее, на что мы способны, чтобы встретить наш новый вызов.

Я ощутил тяжесть рока на своих плечах. Я никогда не относился к людям, готовым нести ответственность, и подумал, что обязанность вести их – бремя, с которым мне не справиться.

– Может быть, нам ничего не нужно делать, – сказал я.

– Да. Это правда, – сказала она смеясь. – Почему бы тебе не говорить себе это снова и снова, пока ты не почувствуешь себя в безопасности? Нагуаль снова и снова говорил тебе, что единственная свобода для воина – это вести себя безупречно.

Она рассказала мне, что Нагуаль требовал от них понимания того, что безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

Я описал ей, каким способом Нагуаль заставил меня понять, что имеется в виду под безупречностью. Мы шли с ним однажды через очень крутое ущелье, как вдруг громадная каменная глыба

отделилась от стены, с громадной силой пошла вниз и упала на дно каньона в двадцати-тридцати ярдах от места, где мы стояли. Размеры этой глыбы сделали ее падение впечатляющим событием. Тут же дон Хуан увидел возможность извлечь драматический урок. Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас и не имеет ничего общего с нашими действиями или волеизъявлениями. Иногда эта сила заставляет нас на нашем пути остановиться и наклониться, чтобы завязать шнурки на ботинках, как это только что сделал я. И, заставив нас остановиться, эта сила заставляет нас добраться до точно определенного момента. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун явно раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый день, в другом ущелье, та же самая внешняя руководящая сила вновь заставит нас наклониться и завязать шнурки, в то время как другая глыба сорвется в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас упустить точно определенный момент. На этот раз, если бы мы продолжали идти, то спаслись бы. Дон Хуан сказал, что поскольку у меня полностью отсутствует контроль над силами, которые решают мою судьбу, моя единственно возможная свобода в этом ущелье состоит в безупречном завязывании своих ботинок.

Ла Горда, по-видимому, была тронута моим отчетом. На минуту она взяла мое лицо в ладони, протянув руки через стол.

— Сейчас для меня безупречность — это рассказать тебе в надлежащее время то, что Нагуаль велел мне сообщить тебе, — сказала она. — Но сила должна установить идеальное время для того, что я должна открыть тебе, иначе это не окажет никакого воздействия.

Она сделала драматическую паузу. Ее задержка была обдуманной и невероятно эффективной.

— Что это такое? — спросил я в отчаянии. Она взяла меня за руку и повела на площадку, находящуюся перед дверью. Она усадила меня на плотно утрамбованную землю спиной к толстому деревянному столбу высотой около полутора футов, похожему на пень вкопанный в землю почти рядом со стеной дома. Там был ряд из пяти таких столбов, врытых на расстоянии около двух футов друг

от друга. Я собирался спросить Ла Горду об их назначении. Вначале я подумал, что прежний хозяин дома привязывал к ним животных. Однако мое предположение было очевидно нелепым, потому что площадка у входной двери представляла собой род открытого крыльца. Я высказал Ла Горде свою гипотезу, когда она села рядом слева от меня, спиной к другому столбу. Она засмеялась и сказала, что столбы действительно использовались для привязывания своего рода животных, но не прежним хозяином и что она чуть не сломала себе спину, выкапывая для них ямы.

– Для чего вы их используете? – спросил я.

– Позволь сказать, что это мы привязываем себя к ним, – ответила она. – И как раз это ведет меня к следующей вещи, которую Нагуаль велел мне сказать тебе. Он сказал, что, так как ты пустой, он должен был собирать твоё второе внимание, внимание нагуаля способом, отличным от нашего. Мы собирали его посредством сновидения, а ты сделал это при помощи его растений силы. Нагуаль сказал, что его растения собрали угрожающую сторону твоего второго внимания в одну глыбу, и что это и есть та фигура, которая выходит из твоей головы. Он сказал, что это случается с магами, которым дают растения силы. Если они не умирают, то растения силы закручивают их второе внимание в ту устрашающую фигуру, которая выходит из их голов.

– Теперь мы подошли к тому, что он хотел от тебя. Он сказал, что теперь ты должен изменить направление и начать собирать своё второе внимание другим способом, больше похожим на наш. Ты не можешь продолжать пути знания, пока не уравнишь своё второе внимание. До сих пор твоё второе внимание выезжало на силе Нагуаля, но теперь ты один. Именно это я и должна была передать тебе.

– Как мне уравновесить своё второе внимание?

– Ты должен делать сновидение, как это делаем мы. Сновидение – единственный способ собрать второе внимание, не повреждая его и не делая его устрашающим. Твоё второе внимание фиксировано на устрашающей стороне мира, наше – на его красоте.

Ты должен поменять стороны и идти вместе с нами. Это и было тем, что ты выбрал прошлой ночью, когда решил идти с нами.

– Может ли эта фигура выходить из меня в любое время?

– Нет. Нагуаль сказал, что она больше не выйдет, пока ты не достигнешь его возраста. Твой нагуаль уже выходил столько раз, сколько было нужно. Нагуаль и Хенаро позаботились об этом. Они обычно выдразнивали его из тебя. Нагуаль говорил мне, что иногда ты бывал на волосок от смерти, потому что твое второе внимание очень любит indulgировать. Он сказал, что однажды ты напугал даже его: твой нагуаль напал на него, и он должен был петь ему, чтобы он успокоился. Но самое худшее случилось с тобой в Мехико; там дон Хуан однажды толкнул тебя, ты влетел в один офис и в этом офисе прошел через трещину между мирами. Он намеревался только рассеять твое внимание тоналя: ты терзался какими-то глупыми вещами. Но когда он пихнул тебя, твой тональ сжался и все твое существо прошло через трещину. Ему было чертовски трудно найти тебя. Был момент, когда ему показалось, что ты ушел за пределы его досягаемости. Но затем он увидел тебя, бесцельно слоняющегося поблизости, и забрал назад. Он сказал, что ты прошел через трещину около десяти утра. Так что с того дня десять часов утра стало твоим новым временем.

– Моим новым временем для чего?

– Для чего угодно. Если ты останешься человеком, ты умрешь примерно в это время. Если станешь магом, ты покинешь мир около этого времени.

Элихио также шел по другому пути, пути, которого никто из нас не знает. Мы встретились с ним как раз перед его уходом. Элихио был самым удивительным сновидящим. Он был таким хорошим, что Нагуаль и Хенаро обычно брали его с собой, проходя через трещину, и у него было достаточно силы, чтобы выдержать это так, словно это были пустяки. У него даже дыхание не сбивалось. Нагуаль и Хенаро дали ему последний толчок с помощью растений силы. У него были контроль и сила для того, чтобы управлять этим толчком. И именно это послало его туда, где он сейчас находится.

– Хенарос сказали мне, что Элихио прыгнул вместе с Бениньо. Верно ли это?

– Конечно. К тому времени, когда Элихио должен был прыгнуть, его второе внимание уже бывало в том другом мире. Нагуаль сказал, что твое тоже там побывало, но для тебя это стало кошмаром, потому что у тебя не было контроля. Он сказал, что его растения силы скособочили тебя. Они заставили тебя прорваться сквозь внимание тоналя и поместили тебя прямо в сферу твоего второго внимания без какой бы то ни было власти над ним с твоей стороны. Элихио же Нагуаль не давал растения силы вплоть до самого конца.

– Ты думаешь, что мое второе внимание было повреждено, Горда?

– Нагуаль никогда не говорил мне этого. Он думал, что ты был опасно ненормальным, но это не имеет ничего общего с растениями силы. Он говорил, что оба твоих внимания были неуправляемы. Но если ты сможешь завоевать их, ты станешь великим воином.

Мне хотелось побольше узнать обо всем этом, но она положила руку на мой блокнот и сказала, что нам предстоит очень тяжелый день и нужно запастись энергией, чтобы выдержать его. Теперь мы должны были зарядить себя энергией с помощью солнечного света. Ла Горда сказала, что обстоятельства требуют, чтобы мы принимали солнечный свет левым глазом. Она начала медленно двигать из стороны в сторону головой, мельком глядя на солнце сквозь полуприкрытые веки. Через минуту к нам присоединились Лидия, Роза и Хосефина. Хосефина села рядом с Лидией, та села справа от меня, а Роза – возле Ла Горды. Я оказался в центре ряда. Все прислонились спиной к столбам. Был ясный день. Солнце стояло как раз над отдаленной цепью гор. Они стали двигать головами из стороны в сторону с совершенной синхронностью. Я присоединился к ним, и у меня возникло ощущение, что я тоже синхронизировал свои движения с ними. Мы продолжали делать это в течение примерно минуты, а затем остановились.

На них были шляпы, которыми они пользовались для защиты лица от солнечного света, когда они не купали в нем глаза. Ла Горда дала мне мою старую шляпу.

Мы сидели там около получаса. В течение этого времени мы повторяли упражнение бесчисленное количество раз. Всякий раз во время перерывов я собирался было делать заметки в своем блокноте, но Ла Горда очень небрежно отшвырнула блокнот за пределы досягаемости.

Внезапно Лидия встала, бормоча что-то очень невразумительное. Ла Горда наклонилась ко мне и прошептала, что вверх по дороге идут Хенарос. Я напряг зрение, но никого не увидел. Роза и Хосефина тоже встали, а потом пошли вместе с Лидией внутрь дома.

Я сказал Ла Горде, что не вижу, чтобы кто-нибудь приближался. Она ответила, что Хенарос были видны только в одном месте дороги, и добавила, что она страшится той минуты, когда все должны будут собраться вместе, но уверена, что я сумею совладать с ситуацией. Она посоветовала мне быть чрезвычайно осторожным с Хосефиной и Паблито, потому что они совсем не контролируют себя. Она сказала, что наиболее разумным с моей стороны было бы забрать Хенарос прочь по истечении часа или около того. Я продолжал смотреть на дорогу, но там не было никаких признаков жизни.

– Ты уверена, что они идут? – спросил я.

Она сказала, что сама не видела их, но Лидия видела. Хенарос были видны ей, потому что она пристально созерцала²⁷, одновременно купая свои глаза. Я не был уверен, что правильно понял Ла Горду, и попросил объяснений.

– Мы – созерцатели, – сказала она, – точно так же как и ты сам. Мы все одинаковые. Не нужно доказывать, что ты не созерцатель. Нагуаль рассказывал нам о твоих подвигах пристального созерцания.

²⁷ Gaze – пристальный взгляд; пристально глядеть, вглядываться.

– Мои подвиги созерцания! – воскликнул я. – О чем ты говоришь, Ла Горда?

Она поджала губы и, по-видимому, была на грани раздражения. Казалось, она еле сдерживалась. И вдруг она улыбнулась и слегка толкнула меня рукой.

В этот момент у нее по телу прошла дрожь. Она уставилась куда-то мимо меня, затем энергично встряхнула головой. Оказалось, она только что видела, что Хенарос пока не придут. Им было еще рано приходить. Они собираются еще подождать некоторое время, прежде чем появиться. Она улыбнулась, словно эта отсрочка обрадовала ее.

– Как бы там ни было, нам еще рано встречаться здесь. И они чувствуют то же самое по отношению к нам, – сказала она.

– Где они сейчас? – спросил я.

– Они, должно быть, сидят где-то в стороне от дороги, – ответила она. – Бениньо, несомненно, пристально созерцал дом, когда они шли сюда, и увидел, что мы сидим – здесь. Поэтому он решил подождать. Это прекрасно. Это даст нам время.

– Ты пугаешь меня, Ла Горда. Время для чего?

– Ты должен собрать сегодня вместе свое второе внимание только для нас четверых.

– Как я могу сделать это?

– Не знаю. Ты очень загадочен для нас. Нагуаль сделал кучу вещей для тебя с помощью растений силы, но ты не можешь провозгласить это знанием. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Только если ты овладеешь своим вторым вниманием, ты сможешь пользоваться им. Иначе навсегда останешься на полпути между ними двумя как сейчас. Все происшедшее с тобой со времени твоего приезда было направлено на то, чтобы заставить твое внимание действовать. Я давала тебе инструкции понемногу, точно так, как велел мне это делать Нагуаль. Так как у тебя был другой путь, ты не

знаешь многого из того, что знаем мы, как мы ничего не знаем о растениях силы. Соледад знает немного больше, ведь Нагуаль брал ее в свои родные края. О лекарственных растениях знает Нестор, но никого из нас не обучали таким же способом как тебя. До сих пор мы не нуждались в твоём знании. Но когда-нибудь, когда мы будем готовы, именно ты будешь знать, как дать нам толчок с помощью растений силы. Одна я знаю, где спрятана трубка Нагуаля в ожидании этого дня.

По приказу Нагуаля ты должен изменить свой путь и идти вместе с нами. Это означает, что ты должен заниматься сновидением с нами и сталкингом с Хенарос. Ты не можешь больше позволить себе оставаться там, где находишься – на угрожающей стороне своего второго внимания. Если твой нагуаль снова выйдет, эта новая встряска может убить тебя. Нагуаль сказал, что человеческие существа являются хрупкими созданиями, состоящими из многих слоев светимости. Когда видишь их, кажется, что они состоят из волокон, но эти волокна в действительности являются слоями, как у луковицы. Встряски любого рода разделяют эти слои и даже могут вызывать смерть человеческих существ.

Она встала и повела меня обратно на кухню. Мы сели лицом друг к другу. Лидия, Роза и Хосефина были заняты во дворе. Я не мог их видеть, но слышал, как они разговаривают и смеются.

– Нагуаль говорил, что мы умираем потому, что наши слои разделяются, – сказала Ла Горда. – Встряски всегда разделяют их, но они соединяются снова. Однако иногда встряска бывает такой сильной, что слои высвобождаются и больше не могут соединиться.

– Ты когда-нибудь видела слои, Горда?

– Конечно. Я видела человека, умиравшего на улице. Нагуаль говорил мне, что и ты однажды нашел такого, но ты не видел его смерть. Нагуаль заставил меня видеть слои умиравшего человека. Они были подобны шелухе луковицы. Когда человеческие существа здоровы, они похожи на светящиеся яйца, но если они повреждены, то начинают шелушиться, как луковицы.

Нагуаль рассказывал мне о твоём втором внимании. Иногда оно было таким сильным, что полностью выходило наружу. Они с Хенаро вдвоем должны были удерживать твои слои вместе, иначе ты бы умер. Именно поэтому он рассчитывал, что твоего запаса энергии достаточно, чтобы извлечь из себя нагуаль дважды. Он имел в виду, что самостоятельно ты мог удерживать свои слои вместе дважды. Но ты сделал это большее количество раз, и теперь ты исчерпан. У тебя нет больше энергии, чтобы удержать свои слои вместе в случае новой встряски. Нагуаль поручил мне заботиться о каждом. Моя забота о тебе сейчас – помочь тебе затянуть свои слои.

Нагуаль говорил, что смерть разделяет их. Он объяснил мне, что центр нашей светимости, – внимание нагуаля. – всегда выступает наружу и именно это распускает наши слои. Поэтому смерть может легко войти между ними и полностью разделить их. Маги должны делать все от них зависящее, чтобы держать свои слои закрытыми. Вот почему Нагуаль обучил нас сновидению. Сновидение затягивает слои. Маги, научившиеся ему, связывают вместе свои два внимания, и этому центру больше нет необходимости выступать наружу.

– Ты хочешь сказать, что маги не умирают?

– Верно. Маги не умирают.

– Значит ли это, что никто из нас не умрет?

– Я не имела в виду нас. Мы собой ничего не представляем. Мы – ни то ни се. Я говорила о настоящих магах. Нагуаль и Хенаро – маги. У них два внимания так тесно связаны, что, по-видимому, они никогда не умрут.

– Это сказал Нагуаль, Горда?

– Да. Оба они – Нагуаль и Хенаро, говорили мне об этом. Почти перед самым уходом Нагуаль объяснял нам силу внимания. До этого я ничего не знала о нагуале и тоне.

Ла Горда рассказала, каким способом Нагуаль объяснял им значение этой решающей дихотомии – нагуаль-тональ. Однажды

Нагуаль собрал их вместе, чтобы взять в горы на длительную прогулку в безлюдную каменистую долину. Он увязал кучу разнообразных предметов в большой узел, положив туда даже радиоприемник Паблито. Затем он вручил этот узел Хосефине, взвалил на плечи Паблито тяжелый стол и все отправились на «прогулку». Он заставил их по очереди нести узел и стол, и они прошли почти сорок миль, добравшись наконец до уединенного места высоко в горах. Когда они прибыли туда, Нагуаль велел Паблито поставить стол в самом центре долины. Затем он попросил Хосефину разложить содержимое узла на столе. Когда все было размещено, он объяснил разницу между тоналем и нагуалем в тех же терминах, что и мне в ресторане Мехико, хотя в их случае пример был куда выразительнее.

Он сообщил им, что тональ является порядком, который мы осознаем в нашем повседневном мире, а также и личным порядком, который мы несем всю жизнь на плечах, как они несли стол и узел. Личный тональ каждого из нас подобен столу в этой долине, крошечному островку, заполненному знакомыми нам вещами.

Нагуаль, с другой стороны, – это необъяснимый источник, удерживающий стол на месте, и он подобен безбрежности этой пустынной долины.

Он сказал им, что маги обязаны наблюдать свой тональ с дистанции, чтобы лучше охватить то, что реально находится вокруг них. Он заставил их перейти к хребту, откуда они могли обозревать всю местность. Оттуда стол был едва виден. Затем он заставил всех вернуться к столу и склониться над ним для того, чтобы показать, что обычный человек не имеет такого охвата, как маг, потому что обычный человек находится прямо на поверхности своего стола, держась за каждый предмет на нем.

Затем он заставил их всех мельком взглянуть на вещи, лежащие на столе, и проверил память каждого, беря что-нибудь и пряча. Все прошли проверку отлично. Он указал, что их способность так хорошо помнить предметы связана с тем, что они успешно развили свое внимание тоналя, внимание в пределах стола. Потом он призвал всех мимолетно взглянуть на землю прямо под столом и

проверил их способность к запоминанию камешков, прутиков и всего остального. Правильно вспомнить все увиденное под столом не смог никто.

Потом Нагуаль все смел со стола и велел каждому из них по очереди лечь на живот поперек стола и изучить землю внизу. Он объяснил им, что для мага нагуалем была область, непосредственно находящаяся под столом. Поскольку немислимо объять всю безбрежность нагуаля, олицетворением которого служила эта огромная пустынная долина, маги берут в качестве своей области действия участок прямо под островом тоналя, области, наглядно показанной тем, что было под столом. Эта область была сферой того, что он называл вторым вниманием или вниманием нагуаля, или вниманием под столом. Это внимание достигается воинами только после выметания дочиства поверхности своих столов. Он сказал, что достижение второго внимания объединяет оба внимания воедино и это единство является целостностью самого себя.

Для Ла Горды демонстрация была настолько ясной, что она сразу поняла, почему Нагуаль заставил ее очистить свою жизнь. Он определил это как «подмести свой остров тоналя». Она чувствовала, насколько действительно благоприятным для нее было следовать каждому его указанию. Ей было еще далеко до объединения двух видов внимания, но ее старательность привела в результате к безупречной жизни, а это и было, по его уверениям, единственным для нее путем к потере человеческой формы. Потеря же человеческой формы являлась неотъемлемым требованием для объединения двух видов внимания.

– Внимание под столом – ключ ко всему, что делают маги, – продолжала она. – Чтобы достичь этого внимания, Нагуаль и Хенаро обучили нас сновидению, как тебя учили растениям силы. Я не знаю, что они делали с тобой, когда учили тебя улавливать второе внимание с помощью растений силы, но для того, чтобы научить нас, как делать сновидение, Нагуаль учил нас пристальному созерцанию. Он никогда не объяснял нам, что же он, в сущности, делает. Он просто учил нас созерцать. Мы никогда не догадывались, что пристальное созерцание было способом уловить²⁸ наше второе

²⁸ To trap – ловить в ловушки, капканы; улавливать.

внимание. Мы думали, что это что-то вроде забавы. Но это было не так. Перед тем, как сновидящие смогут улавливать свое второе внимание, они вначале должны стать созерцателями.

Вначале Нагуаль положил на землю сухой лист и заставил меня смотреть на него часами. Каждый день он приносил лист и клал его передо мной. Сначала я думала, что это один и тот же лист, но потом заметила, что они были разные. Нагуаль сказал, что, когда мы осознаем это, мы уже не смотрим, но созерцаем.

Затем он стал класть передо мной кучу сухих листьев. Он велел мне сгребать их левой рукой и чувствовать их при созерцании. Сновидящий двигает листья по спирали, созерцает их, а затем сновидит узоры, образуемые листьями. Нагуаль говорил, что если сновидящий вначале видит в сновидении узоры, а назавтра находит их в своей куче сухих листьев, он может считать, что овладел созерцанием листьев. Нагуаль говорил, что пристальное созерцание листьев укрепляет второе внимание. Если ты созерцаешь грудку листьев часами, как он обычно заставлял делать меня, то мысли утихают. Без мыслей убывает и внимание тоналя. Внезапно твое второе внимание цепляется за листья, и листья становятся чем-то еще. Нагуаль назвал момент, когда второе внимание зацепляется, остановкой мира.

И это точно. Мир останавливается. По этой причине рядом всегда кто-то должен быть. Мы ничего не знаем о фокусах второго внимания. А так как мы никогда не использовали его, мы должны познакомиться с ним, прежде чем отважиться на пристальное созерцание в одиночку.

Трудность созерцания в том, чтобы научиться утихомиривать мысли. Нагуаль говорил, что учит нас этому по куче сухих листьев просто оттого, что они всегда есть под руками. Той же цели может служить и любая другая вещь. Когда ты можешь остановить мир, ты стал созерцателем.

А так как единственный способ достичь остановки мира состоит в постоянных попытках, то Нагуаль заставлял нас созерцать сухие листья годы и годы. Я думаю, что это наилучший способ достичь

нашего второго внимания. Он комбинировал пристальное созерцание сухих листьев с поиском рук во сне. Мне потребовалось около года, чтобы найти свои руки, и четыре года, чтобы остановить мир. Нагуаль говорил, что, когда ты захватил свое второе внимание с помощью сухих листьев, ты продолжаешь созерцать и сновидеть, чтобы расширить его. Вот и все, что касается пристального созерцания.

– У тебя это звучит так просто, Горда.

– Все, что делают толтеки – очень просто. Нагуаль говорил, что все, что нам нужно для улавливания нашего второго внимания – это просто пытаться и пытаться. Все мы остановили мир с помощью пристального наблюдения сухих листьев. Ты и Элихио – другие. Ты сделал это с помощью растений силы. Каким путем следовал Нагуаль в случае с Элихио, я не знаю. Он мне никогда не рассказывал. О тебе он рассказал мне потому, что у нас общая задача.

Но ведь в своих заметках я записал, что мне впервые удалось достичь полного осознания остановки мира лишь несколько дней назад! Услышав это, она засмеялась.

– Ты остановил мир раньше, чем кто бы то ни было из нас, – сказала она. – Как ты думаешь, что ты делал, когда принимал эти растения силы? Просто ты никогда не пользовался для этой цели пристальным созерцанием, вот и все.

– Нагуаль заставлял вас созерцать только кучу сухих листьев?

– Когда сновидящий знает, как остановить мир, он может созерцать и другие вещи. Потеряв в конце концов свою форму полностью, он может созерцать все что угодно. Я делаю это. Хотя он советовал нам следовать определенному порядку в созерцании, я могу войти во что угодно.

– Вначале мы созерцали маленькие растения. Нагуаль предупреждал нас, что такие растения очень опасны. Их сила сконцентрирована, они имеют очень интенсивное свечение и чувствуют, когда сновидящие созерцают их. Они собирают свой свет

и стреляют им в созерцателя. Сновидящий должен выбрать один вид растения для созерцания.

Потом мы созерцали деревья. У каждого сновидящего – свой собственный вид дерева для созерцания. В этом плане мы с тобой одинаковые – мы оба созерцатели эвкалиптов.

Выглянув на меня, она, должно быть, предугадала мой следующий вопрос.

– Нагуаль говорил, что с помощью его дыма ты очень легко заставлял свое второе внимание работать, – продолжала она. – Ты его много раз фокусировал на предрасположении Нагуаля, – на воронах. Он сказал, что однажды твое второе внимание так превосходно сфокусировалось на вороне, что ты улетел как ворона к единственному эвкалипту, который рос поблизости.

Об этом опыте я размышлял годами. Я не мог рассматривать его иначе, чем невообразимо сложное гипнотическое состояние, вызванное психотропными грибами из курительной смеси дона Хуана в сочетании с его искусством манипулирования поведением. Он вызвал у меня перцептуальный катарсис²⁹, которым было превращение в ворону и восприятие мира как ворона. Результатом этого было восприятие мною мира образом, который никак не мог являться частью инвентаризации моего прошлого опыта. Объяснение Ла Горды каким-то образом упростило все это.

Потом, продолжала она. Нагуаль заставил их созерцать движущиеся живые существа. Он говорил, что маленькие насекомые – это наилучшие объекты. Их подвижность делала их безвредными для созерцателя в отличие от растений, которые извлекали свой свет прямо из земли.

Следующим шагом было пристальное созерцание камней. Она сказала, что камни являются очень древними, сильными и имеют особый свет, скорее зеленоватый, в отличие от белого света растений и желтоватого света подвижных существ. Камни открываются

²⁹ Catharsis – псих. избавление (очищение) от эффектов запертой (заключенной) эмоции путем выведения ее на поверхность сознания.

созерцателю весьма непросто, но это стоит усилий – у камней есть свои особые секреты, скрытые в их сердцевине. Эти секреты способны помочь магу в сновидении.

– Что же за секреты открывают камни тебе?

– Когда я пристально смотрю в самую сердцевину камня, – сказала она, – я всегда улавливаю дуновение особого запаха, присущего только этому камню. Когда я странствую в своем сновидении, благодаря этим запахам я знаю, где нахожусь.

Она добавила, что важным фактором при созерцании листьев, камней и растений было время дня. Ранним утром деревья и камни кажутся оцепеневшими и свет у них тусклый. Около полудня они находятся в самой лучшей форме, и созерцание их в это время проводится для заимствования их света и силы. В конце дня и рано вечером деревья и камни тихи и печальны, особенно деревья. Ла Горда чувствовала, что в этот час они сами созерцают созерцателя.

Второй серией в последовательности пристальных созерцаний является созерцание циклических явлений: дождя и тумана. Она сказала, что созерцатели могут фокусировать свое внимание непосредственно на самом дожде и двигаться вместе с ним, или фокусировать его на заднем плане и использовать дождь как своего рода увеличительное стекло, чтобы увидеть скрытые особенности мира. Места силы или места, которых следует избегать, находят при помощи пристального созерцания через дождь. Места силы – желтоватого цвета, а неблагоприятные места – интенсивно-зеленые.

Ла Горда отметила, что, несомненно, туман для созерцателя самая таинственная вещь на Земле и что его можно использовать теми же двумя способами, что и дождь. Но он нелегко поддается женщине; даже после того, как она потеряет форму, он все же остается недоступным для нее. Она рассказала, как однажды Нагуаль заставил ее видеть зеленую дымку перед полосой тумана и пояснил, что это было второе внимание созерцателя тумана, живущего в горах, где они тогда были, и что он движется вместе с туманом. Она добавила, что туман используется для обнаружения призраков вещей, которых больше нет, и что настоящее мастерство

созерцателей тумана заключается в умении позволить своему второму вниманию войти во все, что раскрывает им их созерцание.

Тут я рассказал ей, как однажды, когда я был вместе с доном Хуаном, я видел мост, образованный из полосы тумана. Я был ошеломлен ясностью и точностью деталей этого моста. Картина была настолько интенсивной и живой, что я не мог забыть ее. Дон Хуан предсказал, что когда-нибудь я должен буду перейти этот мост.

– Я знала об этом, – сказала она. – Нагуаль говорил, что когда ты достигнешь мастерства во владении своим вторым вниманием, ты должен будешь с его помощью пересечь этот мост тем же способом, каким с его помощью был осуществлен твой полет в качестве вороны. Он сказал мне, что если ты станешь магом, перед тобой образуется мост из тумана, и ты пересечешь его, чтобы исчезнуть из этого мира навсегда. Точно так же, как однажды сделал он сам.

– А он тоже исчез через мост?

– Нет, но ты был свидетелем, как они с Хенаро прямо на ваших глазах вошли в трещину между мирами. Нестор сказал, что только Хенаро помахал рукой на прощанье, в тот последний раз, когда ты видел их. Нагуаль не попрощался, ведь ему нужно было открывать трещину. Нагуаль говорил мне, что когда должна быть произведена сборка второго внимания, нужно только сделать жест открывания этой двери. Это секрет Толтеков-сновидящих, когда они бесформенны.

Мне хотелось расспросить, как Нагуаль и Хенаро прошли ту трещину. Но легким прикосновением руки к моим губам она заставила меня молчать.

Следующим этапом был пристальный взгляд вдаль и на облака. В обоих случаях усилия созерцателей были направлены на то, чтобы позволить своему второму вниманию идти к месту, которое они созерцают. Таким образом они покрывали любые расстояния или плыли на облаках. При работе с облаками Нагуаль никогда не разрешал им созерцать грозовые тучи. Он сказал им, что они сначала должны стать бесформенными, а уж тогда смогут совершать

подвиги и поэффектней: они смогут «ездить верхом» не только на грозовой туче, но и на самой молнии.

Ла Горда засмеялась и спросила, кто, по моему мнению, был настолько дерзким и ненормальным, чтобы пытаться созерцать грозовые тучи. Я, естественно, предположил, что Хосефина. Так и было. Ла Горда сказала, что именно Хосефина пробовала созерцать грозовые тучи всякий раз, когда Нагуаль отсутствовал, пока ее чуть не убила молния.

– Хенаро был магом молний, – продолжала она. – На двух его первых учеников ему указал его друг гром. Он говорил, что искал растения силы в очень удаленной местности, где индейцы замкнуты и не любят посторонних. Они разрешали Хенаро бывать на их землях, ибо он говорил на их языке. Хенаро собирал какие-то растения, как вдруг начался дождь. Там поблизости было несколько домов, но их хозяева были не дружелюбны, и ему не хотелось беспокоить их. Он уже собирался влезть в какую-то яму, как вдруг увидел юношу на велосипеде, тяжело нагруженном каким-то товаром. Это был Бениньо, посредник из города по торговле с этими индейцами. Он пытался вытащить из грязи свой велосипед, и прямо там в него ударила молния. Хенаро подумал, что он убит. Люди в домах увидели, что случилось, и выбежали наружу. Бениньо был сильно испуган, но жив, а вот его велосипед и товары сгорели. Хенаро остался с ним и за неделю вылечил его.

Почти так же все случилось и с Нестором. Обычно он покупал у Хенаро лекарственные растения, и однажды он последовал за ним в горы. Чтобы больше не платить Хенаро, он решил высмотреть, где тот собирает эти растения. Хенаро специально зашел далеко в горы. Он хотел, чтобы Нестор заблудился.

Дождя не было, но сверкали молнии. Внезапно одна ударила рядом и заструилась по сухой земле, как змея. Она пробежала прямо между ногами Нестора и ударила в камень в десяти ярдах.

Хенаро рассказал, что молния обуглила ноги Нестора изнутри. Его яички опухли, и он очень болел. Хенаро пришлось лечить его прямо там, в горах.

К моменту излечения и Бениньо, и Нестор были уже пойманы на крючок. Мужчина должен быть зацеплен. Женщина не нуждается в этом. Женщины добровольно идут на все. В этом их сила, но и недостаток тоже. Мужчин надо вести, а женщин – сдерживать.

Она захихикала и сказала, что в ней, несомненно, было немало мужского, так как ее надо было вести, а во мне хватало женственности, потому-то меня приходилось сдерживать.

Последней серией было пристальное созерцание огня, дыма и теней. Она сказала, что для созерцателя огонь не яркий, а темный, почти черный, такой же, как и дым. А тени, с другой стороны, сверкающие. Они имеют цвет, и в них есть движение.

Оставались еще две вещи, стоящие особняком – пристальное созерцание звезд и воды. Созерцание звезд выполнялось только магами, уже потерявшими свою человеческую форму. По ее словам, созерцание звезд проходило у нее очень хорошо, но она не могла управляться с созерцанием воды, особенно текущей. Маги использовали ее, чтобы собрать свое второе внимание и переправить его в любое место, где им хотелось бы оказаться.

– Все мы боимся воды, – продолжала она. – Река собирает второе внимание и уносит его, и нет способа остановиться. О твоих подвигах по части созерцания воды Нагуаль мне рассказывал. Однажды ты чуть было не распался в воде одной маленькой речки, так что теперь тебе нельзя даже принимать ванну.

Дон Хуан заставлял меня много раз пристально смотреть на воду в оросительной канаве позади его дома, когда я был под воздействием его курительной смеси. Я испытывал невероятные ощущения. Однажды я видел себя зеленым, как будто весь был покрыт водорослями. После этого он рекомендовал мне избегать воды.

– Было ли мое второе внимание повреждено водой? – спросил я.

– Да, было, – ответила она, – Ты очень любишь индугировать. Нагуаль предупреждал тебя соблюдать

осторожность, но ты вышел вместе с текущей водой за свои пределы. Нагуаль сказал, что ты мог бы пользоваться водой как никто другой, но не твоей судьбой было быть сдержанным.

Она пододвинула свою скамью поближе к моей.

– Это все, что касается пристального созерцания, – сказала она.
– Но есть и другие вещи, о которых я должна рассказать тебе до твоего отъезда.

– И что же это, Горда?

– Во-первых, сначала ты должен собрать свое второе внимание для сестричек и для меня.

– Я не думаю, что смогу сделать это.

Ла Горда встала и пошла в дом. Спустя минуту она вернулась с небольшой толстой круглой подушкой из волокон, которые обычно употребляются для изготовления сетей. Не говоря ни слова, она повела меня к переднему крыльцу. Там она сказала, что сделала эту подушку сама, на ней удобно было сидеть, когда она училась созерцанию. Потому что при пристальном созерцании положение тела очень важно. Сидеть нужно на земле на мягкой подушке из натуральных волокон или на подстилке из листьев. Спину прислоняют к дереву, пню или плоскому камню. Тело при этом должно быть совершенно расслабленным. Глаза никогда не фиксируются на объекте, чтобы избежать их утомления. Пристальное созерцание заключается в очень медленном сканировании созерцаемого объекта против часовой стрелки, но без поворота головы. Она добавила, что Нагуаль заставил их вкопать эти толстые столбы, чтобы они могли прислоняться к ним.

Ла Горда усадила меня на подушку и прислонила спиной к столбу. Она сказала, что собирается руководить мною при созерцании пятна силы Нагуаля, которое находится на круглых холмах по ту сторону долины. Она надеялась, что созерцая его, я получу энергию, необходимую для собирания своего второго внимания. Она села слева, почти вплотную ко мне, и стала давать указания. Почти шепотом она велела мне держать веки

полуприкрытыми и смотреть на то место, где сходились два огромных круглых холма. Там был глубокий узкий водный каньон. Она сказала, что это особое созерцание состоит из четырех отдельных действий. Во-первых, надо было использовать края моей шляпы как козырек, чтобы заслонить излишнее количество света и пропустить к глазам лишь минимальное число лучей, а затем полуприкрыть веки. Дальше надо было удерживать веки в постоянном положении, чтобы обеспечить равномерный приток света. И наконец, нужно было выделить водный каньон на фоне остальной картины через сетку волокон света на своих ресницах.

Сначала я не мог выполнить ее инструкции. Солнце было высоко над нами, и мне пришлось запрокинуть голову назад. Я вертел шляпу так и этак, пока не закрыл большую часть солнечного сияния ее полями. Кажется, это было все, что требовалось. Когда я полуприкрыл глаза, небольшое количество света, словно исходившее из полей моей шляпы, буквально взорвалось у меня на ресницах, которые, как фильтр, создавали паутину света. Я держал веки полуприкрытыми и некоторое время играл со светящимся кружевом, пока не смог различить на его фоне темный вертикальный контур водного каньона.

Затем Ла Горда велела мне созерцать среднюю часть каньона, пока я не смогу различить очень темное коричневое пятно. Она сказала, что эта дыра в каньоне не для тех глаз, которые смотрят, но только для глаз, которые видят. Она предупредила, что как только я увижу пятно, мне необходимо проявить свой контроль, чтобы оно не притянуло меня к себе. Скорее я должен приблизиться к нему³⁰ и пристально всматриваться внутрь него. Она предложила мне нажать на ее плечо в тот момент, когда я найду дыру, чтобы дать знать об этом. Она подвинулась и прислонилась ко мне.

С минуту я боролся, пытаюсь скоординировать и сделать устойчивыми все четыре действия. И вдруг в середине каньона оформилось темное пятно. Я немедленно заметил, что вижу его каким-то иным способом, чем обычно. Темное пятно скорее было впечатлением, визуальным искажением. В тот момент, когда мой контроль ослаб, оно исчезло. Оно находилось в поле моего

³⁰ To zoom in on it.

восприятия, только если я сохранял контроль над всеми четырьмя действиями. Тут я вспомнил, что дон Хуан множество раз занимал меня такой деятельностью. Он обычно вешал небольшой лоскуток на низкую ветку куста, стратегически размещенную так, чтобы находиться на одной линии с каким-нибудь определенным геологическим образованием, таким, например, как водные каньоны или склоны. Заставляя меня сидеть примерно в пятидесяти футах от этого лоскутка и пристально смотреть через низкие ветки куста, он пользовался этим, чтобы создать во мне определенный перцептуальный эффект. Лоскуток всегда был более темного оттенка, чем то геологическое образование, которое я пристально созерцал, и казался вначале деталью этого образования. Идея заключалась в том, чтобы допустить игру своего восприятия, не анализируя ее. Раз за разом я терпел неудачу, так как был совершенно не способен воздержаться от оценок, и мой ум всегда уходил в какие-то рациональные спекуляции о природе механизма моего иллюзорного восприятия.

На этот раз я не чувствовал необходимости в каких бы то ни было спекуляциях. Ла Горда не была той авторитетной сильной фигурой, с которой я подсознательно пытался бороться, как это было в случае с доном Хуаном.

Темное пятно в поле моего восприятия стало почти черным. Я прислонился к плечу Ла Горды, чтобы дать ей знать. Она прошептала мне на ухо, что я должен изо всех сил удерживать веки в том же положении и тихо дышать животом. Я не должен был позволять пятну подтягивать меня, но постепенно входить в него. Следовало избегать позволить дыре вырасти и внезапно поглотить меня. В случае если это произойдет, я должен немедленно открыть глаза.

Я стал дышать, как она предписала, и таким образом смог удерживать веки сколь угодно долго фиксированными в нужном положении.

Некоторое время я оставался в этой позиции. Затем заметил, что дышу нормально и это не нарушает моего восприятия. Но внезапно черное пятно стало пульсировать, двигаться, и, прежде

чем я смог начать правильно дышать, чернота двинулась вперед и обволокла меня. Я ужаснулся и открыл глаза.

Ла Горда сказала, что я выполнял пристальное созерцание вдаль, а для этого нужно было дышать именно таким способом, который она рекомендовала. Она предложила мне начать все сначала.

Нагуаль обычно заставлял их сидеть целыми днями и собирать свое второе внимание посредством пристального созерцания этого пятна. Он неоднократно предупреждал их об опасности быть поглощенными пятном из-за встряски, от которой может пострадать тело.

Мне потребовалось около часа пристального созерцания, чтобы сделать то, что она описала. Приближение к коричневому пятну и пристальное всматривание в него означали, что коричневый клочок земли в моем поле зрения неожиданно вспыхнул. Когда картинка стала яснее, я понял, что нечто во мне выполняет невероятное действие. Я ощутил, что действительно приближаюсь к тому пятну. Отсюда у меня и возникло впечатление, что оно прояснилось. Затем я настолько приблизился, что мог различить даже отдельные его детали: камни и растительность. Я приблизился к нему еще, и тут увидел любопытное образование на одном из камней. Оно выглядело как грубо высеченный стул. Мне почему-то оно очень понравилось. По сравнению с ним остальные камни были бледными и неинтересными.

Не знаю, как долго я созерцал его. Я мог рассмотреть каждую его деталь. Мне казалось, что я мог бы потеряться в его деталях — им не было конца. Но что-то рассеяло мое видение: на камень наложился странный образ, затем еще и еще. Мне досаждали эти помехи. Как только я начал беспокоиться, до меня дошло, что Ла Горда, стоя позади меня, поворачивает мою голову из стороны в сторону. За считанные секунды концентрация моего созерцания совершенно рассеялась.

Ла Горда засмеялась и сказала, что она поняла, почему я вызывал у Нагуаля настолько сильную тревогу. Она убедилась сама,

что я индальгирую выше своих пределов. Она села у столба рядом со мной и сказала, что она и сестрички собираются созерцать место силы Нагуаля. Затем она издала пронзительный птичий крик. Спустя минуту сестрички вышли из дома и приступили к созерцанию вместе с ней.

Их мастерство в созерцании было очевидно. Их тела приобрели необычайную жесткость. Казалось, они не дышали вовсе. Эта их неподвижность была столь заразной, что и я невольно полуприкрыл глаза и уставился на холмы.

Пристальное созерцание было для меня настоящим откровением. Когда я выполнял его, мне стал ясен один важный момент в учении дон Хуана. Ла Горда описала задачу весьма смутно. «Приблизиться к нему»³¹ было скорее командой, чем описанием процесса. И все же оно было описанием при условии выполнения одного необходимого требования. Дон Хуан называл это требование «остановкой внутреннего диалога». Из утверждений Ла Горды относительно пристального созерцания мне стало ясно, чего добивался дон Хуан, заставляя их созерцать, – именно остановки внутреннего диалога. Ла Горда сформулировала это как «утихание мыслей». Дон Хуан тоже заставлял меня делать это, хотя он вел меня по другому пути: вместо фокусирования взгляда, как это делали созерцатели, он научил меня открывать его, наводнять свое осознание не фокусируя свой взгляд ни на чем. Я должен был как бы ощущать своими глазами все 180° перед собой, удерживая глаза нефокусированными чуть выше линии горизонта.

Мне было очень трудно созерцать – это переворачивало с ног на голову всю мою предыдущую практику. Когда я пытался созерцать, у меня возникало стремление раскрыться. Однако необходимость держать это стремление в узде заставила меня отключить свои мысли. А как только отключился внутренний диалог, уже не трудно было созерцать так, как предписывала Ла Горда.

Дон Хуан утверждал снова и снова, что отключение внутреннего диалога является неотъемлемой чертой его магии. С точки зрения объяснения о двух сферах внимания, данного мне Ла

³¹ To zoom in to it – «наехать» (как «наезд» камерой) на него.

Гордой, остановка внутреннего диалога была рабочим способом описания отвлечения внимания тоналя.

Дон Хуан говорил, что как только мы останавливаем внутренний диалог, мы останавливаем и мир. Это было операционное описание непостижимого процесса фокусировки нашего второго внимания. Он говорил, что некоторая часть нас всегда пребывает под замком, так как мы боимся ее.

Эта часть нас с точки зрения нашего разума подобна сумасшедшему родственнику, которого мы держим взаперти в темнице. Эта часть и была, по словам Ла Горды, вторым вниманием. Когда оно сможет в конце концов сфокусироваться на чем-либо, — мир остановлен. Поскольку мы как обычные люди знаем только внимание тоналя, то не будет большим преувеличением сказать, что как только это внимание гасится, мир действительно останавливается для нас.

Фокусирование нашего необузданного, нетренированного второго внимания неизбежно должно быть ужасающей вещью. Дон Хуан был прав, говоря, что единственным способом удержать этого сумасшедшего родственника от нападения на нас является защита себя при помощи нескончаемого внутреннего диалога.

Ла Горда и сестрички встали, закончив свое приблизительно получасовое созерцание. Ла Горда сделала мне знак головой следовать за ними. Они пошли на кухню. Ла Горда предложила мне сесть на скамью. Потом она сказала, что пойдет на дорогу встретить Хенарос и приведет их сюда. Она вышла через переднюю дверь.

Тем временем сестрички сели вокруг меня. Лидия предложила ответить на все вопросы, которые я хотел бы задать ей. Я попросил ее рассказать мне о пристальном созерцании пятна силы дона Хуана, но она не поняла меня.

— Я созерцатель дали и теней, — сказала она. — После того, как я стала созерцателем, Нагуаль заставил меня начать все сначала и созерцать тени листьев, деревьев, растений, камней. Теперь я больше не смотрю на вещи, — я смотрю на их тени. Даже если света нет совсем, — тени существуют, даже ночью есть тени. Так как я —

созерцатель теней, то я также и созерцатель вдаль. Я могу созерцать тени даже вдали.

Рано утром они многого не скажут. В это время тени отдыхают. Поэтому бесполезно созерцать в начале дня. Около шести утра тени просыпаются и к наилучшей форме приходят часам к пяти пополудни. Тогда они полностью пробуждены.

– Что же тени говорят тебе?

– Все, что я захочу узнать. Они говорят со мной при помощи того, что они теплые или холодные, двигаются или имеют цвета. Я еще не знаю всего, что означает тепло, цвет или холод. Нагуаль предоставил мне изучить это самой.

– Как же ты изучаешь это?

– В сновидении. Сновидящие должны пристально созерцать для того, чтобы делать сновидение, а затем – искать свои сны в созерцании. Например, Нагуаль велел мне созерцать тени скал, а потом в своем сновидении я обнаружила, что у этих теней имеется свечение, потому с тех пор я начала искать свечение в тенях, пока не нашла его. Созерцание и сновидение идут рука об руку. Мне пришлось долго созерцать тени, чтобы получилось сновидение теней. А затем мне нужно было долго сновидеть и созерцать, чтобы соединить их и на самом деле видеть в тенях то, что я вижу в сновидении. Понимаешь, что я имею в виду? Каждая из нас делает то же самое. Сновидение Розы связано с деревьями и она – созерцатель деревьев, а у Хосефины – с облаками и она – созерцатель облаков. Они созерцают деревья и облака, пока не достигают согласованности созерцания и сновидения.

Роза и Хосефина согласно кивнули.

– А как насчет Ла Горды? – спросил я.

– Она – созерцатель блох, – ответила Роза и все засмеялись.

– Просто Ла Горда не любит, когда ее кусают блохи, – объяснила Лидия. – Она бесформенная и может созерцать все, что угодно, но она привыкла быть созерцателем дождя.

– А Паблито?

– Он созерцает женские промежности, – ответила Роза с каменным выражением лица.

Они засмеялись. Роза хлопнула меня по спине:

– Я полагаю, что, как твой партнер, он похож на тебя, – сказала она.

Они захохотали, колотя ладонями по столу и сотрясая скамейки ногами.

– Паблито – созерцатель камней, – сказала Лидия. – Нестор – созерцатель дождя и растений, а Бениньо – созерцатель дали. Однако не спрашивай больше о созерцании, потому что я потеряю свою силу, если буду продолжать.

– Почему тогда Ла Горда рассказывает мне все?

– Ла Горда потеряла свою форму, – ответила Лидия. – Когда я потеряю свою, я тоже буду рассказывать тебе все. Но к тому времени тебя это больше не будет беспокоить. Ты беспокоишься, потому что ты такой же глупый, как и мы все. В тот день, когда мы потеряем форму, мы все перестанем быть глупыми.

– Почему ты задаешь так много вопросов, когда ты и так все это знаешь? – спросила Роза.

– Потому что он похож на нас, – ответила ей Лидия. – Он еще не настоящий Нагуаль. Он еще человек.

Она повернулась лицом ко мне. Минуту ее лицо было твердым, а глаза – колючими и холодными, но ее лицо смягчилось, когда она заговорила вновь.

– Ты и Паблито – партнеры, – сказала она, – Он тебе действительно нравится?

Я подумал минуту, прежде чем ответить. Я сказал ей, что так или иначе, но я полностью ему доверяю. Безо всякой причины у меня было чувство близости с ним.

– Ты любишь его так сильно, что испортил его, – сказала она обвиняюще. – На той вершине горы, где вы все прыгнули, он сам подбирался к своему второму вниманию, но ты вынудил его прыгнуть вместе с тобой.

– Я только держал его за руку, – возразил я.

– Маг не держит другого мага за руку, – сказала она. – Все мы очень способные. Ты не нуждался в том, чтобы кто-нибудь из нас троих помогал тебе. Только маг, который видит и потерял свою человеческую форму, может помогать. На той вершине горы, где вы все прыгнули, ты обязан был идти первым. Теперь Паблито привязан к тебе. Я полагаю, ты собирался помогать и нам тем же способом. Боже, чем больше я думаю о тебе, тем больше я презираю тебя.

Роза и Хосефина что-то согласно пробормотали. Роза встала и яростно потребовала, чтобы я признался, что я собираюсь делать с ними. Я сказал, что собираюсь очень скоро уехать. Мое заявление, казалось, возмутило их. Все они заговорили одновременно. Голос Лидии звенел над другими. Она сказала, что время уезжать настало еще предыдущей ночью, и что она ненавидит минуту, когда я решил остаться. Хосефина начала выкрикивать оскорбления в мой адрес.

Я ощутил внезапное содрогание, встал и голосом, который не был моим, заорал, чтобы они успокоились. Все с ужасом посмотрели на меня. Я попытался напустить на себя небрежный вид, но и сам испугался не меньше.

В этот момент на кухню вошла Ла Горда, словно пряталась в соседней комнате, ожидая момента, когда мы начнем драку. Она сказала, что предупреждала всех, чтобы мы не попадались в сети

друг друга. Я был вынужден рассмеяться над тем, что она журит нас, как детей.

Она сказала, что мы обязаны уважать друг друга, что уважение среди воинов является весьма деликатной вещью. И что сестрички знают, как воины должны вести себя друг с другом. Знают это и Хенарос – между собой.

Но стоит мне прийти в одну из этих групп или двум группам сойтись вместе, как все тотчас забывают о своих знаниях воинов и ведут себя как слюнтяи.

Мы сели. Ла Горда села возле меня. После минутной паузы Лидия пояснила, что она боится, как бы я не сделал с ними того же, что с Паблито. Ла Горда засмеялась и сказала, что она никогда не позволит мне помогать кому-либо из них таким способом. Я сказал ей, что не могу понять, что же такого неправильного я сделал с Паблито. Я совсем не осознавал что делал, и если бы Нестор не рассказал мне, то я никогда бы и не узнал, что фактически подтолкнул Паблито. Я даже спросил, не преувеличивал ли случайно Нестор. Может быть, он просто ошибся?

Ла Горда сказала, что Свидетель не допустил бы такой грубой ошибки, тем более преувеличения, и что Свидетель является самым совершенным воином среди нас всех.

– Маги не помогают друг другу так, как ты помог Паблито. Ты вел себя как человек с улицы. Нагуаль учил всех нас быть воинами. Он говорил нам, что воин не испытывает сочувствия ни к кому. Испытывать сочувствие для него означало желать, чтобы другой человек был похож на тебя, был в твоей шкуре. И ты протягиваешь руку помощи именно для этой цели. Ты сделал это с Паблито. Самая трудная вещь в мире для воина – позволить другим быть³². Когда я была жирной, я беспокоилась, что Лидия и Роза едят недостаточно. Я боялась, что они заболеют и умрут от недоедания. Не щадя сил, я откармливала их, и у меня были самые лучшие намерения. Безупречностью воина является позволить им быть и поддерживать

³² To let others be.

их в том, какими они являются. Это означает, конечно же, что ты доверяешь им быть безупречными воинами самостоятельно.

– А что если они не являются безупречными воинами? – спросил я.

– Тогда твой долг – быть безупречным самому и не говорить ни слова. Нагуаль сказал, что только маг, который видит и является бесформенным, может позволить себе помогать кому-либо. Вот почему он помогал нам и сделал нас такими, какие мы есть. Не думаешь ли ты, что можешь ходить повсюду, подбирая людей на улице, чтобы помогать им?

Дон Хуан уже ставил меня лицом к лицу с дилеммой, что я никоим образом не мог помогать своим близким существам. По его мнению, каждое наше усилие помочь фактически является произвольным³³ актом, руководимым исключительно нашим эгоистическим интересом.

Как-то в городе я поднял улитку, лежавшую посреди тротуара, и бережно положил ее под какой-то виноградный куст. Я был уверен, что оставь я ее на тротуаре, люди рано или поздно раздавили бы ее. Я считал, что убрав ее в безопасное место, спас ее. Дон Хуан тут же показал мне, что это не так. Я не принял во внимание две важные возможности. Одна из них была такой: улитка избежала верной смерти на виноградных листьях от яда. А другая – улитка имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством я не спас улитку, а только заставил ее утратить то, чего она с таким трудом достигла. Когда я захотел положить улитку туда, где нашел ее, он не позволил мне и этого. Он сказал, что такова была судьба улитки – что какой-то идиот пересечет ей путь и прервет ее продвижение. Если я оставлю ее там, где положил, она, быть может, будет в состоянии собрать Достаточно личной силы и дойти туда, куда собиралась.

Я думал, что понял его мысль. Очевидно, тогда я лишь поверхностно согласился с ним. Самой трудной вещью на свете для меня было предоставить других самим себе.

³³ Arbitrary – произвольный, капризный, деспотический.

Я рассказал им эту историю.

Ла Горда похлопала меня по спине.

– Мы все очень плохие, – сказала она. – Все мы пятеро – ужасные люди и не хотим ничего понимать. Я освободилась от большей части своей безобразной стороны, но не от всей. Мы довольно туповатые и по сравнению с Хенарос мрачные и деспотичные. Хенарос, с другой стороны все похожи на Хенаро – в них мало ужасного.

Сестрички согласно кивнули.

– Но ты – самый отвратительный из нас, – сказала мне Лидия.
– Я думаю, что мы не такие уж плохие по сравнению с тобой.

Ла Горда захихикала и легонько стукнула меня по ноге, словно веля согласиться с Лидией. Я так и сделал. Все они засмеялись как дети.

Мы долго пребывали в молчании.

– Я подхожу теперь к концу того, что должна была рассказать тебе, – внезапно сказала Ла Горда.

Заставив всех нас встать, она сказала, что они собираются показать мне стойку силы воинов-толтеков. Лидия встала справа от меня, лицом ко мне. Она взяла мою руку своей правой рукой, ладонь к ладони, не переплетая пальцев. Затем она зацепила мою руку прямо под локтем своей левой рукой и плотно прижала меня к своей груди. Хосефина сделала то же самое слева от меня. Роза стала лицом к лицу со мной, просунула свои руки у меня подмышками и захватила меня за плечи. Ла Горда зашла сзади и обхватила меня за талию, переплетая свои пальцы над моим пупком.

Все мы были примерно одного и того же роста и они могли прижать свои головы к моей. Ла Горда очень тихо, хотя и достаточно громко, чтобы все мы слышали ее, заговорила за моим левым ухом. Она сказала, что все мы должны попытаться поместить наше второе внимание в место силы Нагуаля без вмешательства кого бы то ни

было или чего бы то ни было. На этот раз не было учителя, чтобы помочь нам, или союзников, чтобы пришпорить нас. Мы собираемся отправиться туда просто силой нашего желания.

Тут у меня возникла неодолимая потребность спросить, что я должен делать. Она сказала, что я должен позволить своему второму вниманию сфокусироваться на месте, которое я созерцал.

Она объяснила, что та особая позиция, в которой мы сейчас находимся, является толтекским расположением силы. Я был в этот момент центром и связующей силой четырех сторон света. Лидия была востоком, оружием, которое воин-толтек держит в своей правой руке. Роза была севером, щитом, который заслоняет воина спереди. Хосефина была западом, ловцом духа, который воин держит в своей левой руке. А Ла Горда была югом, корзиной, которую воин несет на своей спине и в которой он держит свои объекты силы. Она сказала, что естественной позицией для каждого воина будет обратиться лицом к северу, поскольку он должен держать оружие-восток в правой руке. Однако нужное нам направление на сей раз находилось на юге, слегка в сторону востока. Таким образом, действие силы, которое Нагуаль оставил нам для выполнения, заключалось в перемене направлений.

Она напомнила мне, что одним из первых действий Нагуаля по отношению к нам всем было повернуть наши глаза лицом к юго-востоку. Этим способом он завлек наше второе внимание для выполнения задачи, которую мы сейчас намеревались решить. Было две возможности выполнить это. Первая состояла в том, чтобы мы все развернулись лицом к югу, используя меня в качестве оси, и таким образом переменили базисное значение и функцию каждого из нас. Лидия стала бы западом, Хосефина – востоком. Роза – югом, а она сама – севером. Другая возможность состояла в том, чтобы мы изменили свое направление и стали лицом к югу, не поворачиваясь вокруг. Это была альтернатива силы, связанная с приведением в действие нашего второго лица.

Я сказал Ла Горде, что не понимаю, что такое наше второе лицо. Она ответила, что Нагуаль поручил ей попытаться достигнуть второго внимания всех нас, связанных вместе, и что каждый воин-

толтек имеет два лица и смотрит каждым лицом в двух противоположных направлениях. Второе лицо было вторым вниманием.

Внезапно Ла Горда отпустила свою хватку. Остальные сделали то же самое. Она снова села и жестом показала мне сесть рядом с ней. Сестрички остались стоять. Ла Горда спросила, все ли мне ясно.

Мне было ясно и в то же время – нет. Прежде чем я успел сформулировать вопрос, она выпалила, что одной из последних вещей, которые Нагуаль велел ей передать мне, заключалась в следующем: я должен изменить направление, суммируя свое внимание с их вниманием, и применить свое лицо силы, чтобы увидеть то, что находится позади меня.

Ла Горда встала и жестом велела следовать за ней. Она повела меня к двери их комнаты и мягко втолкнула туда. Когда я переступил порог, Лидия Роза и Хосефина присоединились ко мне в этом порядке, а затем Ла Горда закрыла дверь.

В комнате было очень темно, и казалось, что в ней не было никаких окон. Ла Горда взяла меня за руку и поместила, как мне показалось, в центре комнаты. Все они окружили меня. Я вообще не мог видеть их и только ощущал, что они расположились с четырех сторон вокруг меня.

Спустя некоторое время глаза начали привыкать к темноте. Я смог увидеть, что в комнате есть два окна, закрытых ставнями. Через них просачивалось немного света, и я смог различить их всех. Затем они обхватили меня тем же способом, как и несколькими минутами раньше и совершенно в унисон прислонили свои головы к моей. Со всех сторон я чувствовал их горячее дыхание. Я закрыл глаза, чтобы воспроизвести образ своего созерцания, но не смог сделать этого. Я чувствовал себя очень утомленным и сонным. Глаза ужасно зудели. Я хотел потерять их, но Лидия и Роза крепко держали меня за руки. Мы долго находились в такой позиции. Я невыносимо устал и начал терять сознание. У меня было ощущение, что колени не выдерживают моего веса. Я подумал, что сейчас рухну на пол и прямо там усну. Но пола не было.

Подо мной не было ничего. Когда я осознал это, я настолько испугался, что мгновенно пришел в себя. Однако сила большая, чем мой страх, толкала меня назад в сонное состояние. Я сдался. Я плыл вместе с ними как воздушный шар. Казалось, что я заснул и видел сон, а в этом сне видел серию несвязных образов. Мы более не стояли в темноте их комнаты. Было так много света, что он ослепил меня. Временами я мог заметить лицо Розы напротив моего, уголком глаза видел лица Лидии и Хосефины. Я мог видеть их лбы, прижатые к моим ушам. А затем образ менялся, и вместо этого я видел лицо Ла Горды напротив моего. Всякий раз, когда это случалось, она прикладывала рот к моему и дышала. Мне это очень не понравилось. Какая-то сила во мне пыталась высвободиться. Я почувствовал ужас и попытался оттолкнуть их всех от себя. Чем сильнее я пытался, тем сильнее они держали меня. Это убедило меня в том, что Ла Горда обманула меня и что в конце концов она привела меня в смертельную западню. Но в противоположность остальным, Ла Горда была непревзойденным игроком. Мысль, что она направляла меня безупречной рукой, доставила мне облегчение. Я перестал бороться. Мне стало любопытно, когда же наступит смерть, которая казалась мне неизбежной, и я смирился. Появилось чувство невероятной радости, изобилия, и я решил, что это было предвестником моего конца, если не самой смертью.

Я притянул Лидию и Хосефину еще ближе к себе. В этот момент Ла Горда была впереди меня. Меня не беспокоило больше, что она дышала мне в рот; скорее я был удивлен, что она вдруг прекратила это делать. Как только она прекратила это делать, они перестали прижимать свои головы к моей. Они начали оглядываться и тем самым освободили мне голову. Я смог двигать ею. Лидия, Ла Горда и Хосефина были так близко от меня, что я мог видеть только через щель между их головами. Я не мог сообразить, где мы находимся. В одном я был уверен – мы не стоим на земле. Мы находились в воздухе. И еще я знал наверняка, что наш порядок изменился. Лидия была слева от меня, а Хосефина справа. Лица Ла Горды, Лидии и Хосефины были покрыты потом. Розу я мог только чувствовать позади себя. Я мог видеть ее руки, выходящие у меня из подмышек и держащие мои плечи.

Ла Горда что-то говорила, но что — я не мог слышать. Она произносила слова очень медленно, словно желая дать мне время прочесть их по губам, но мое внимание было захвачено движениями ее губ, а не смыслом речи. В какой-то момент я понял, что все четверо намеряно раскачивали меня. Это вынудило меня обратить внимание на беззвучные слова Ла Горды. На этот раз я отчетливо прочел по ее губам, что она приказывает мне повернуться вокруг. Я попытался, но голова была как будто закреплена. Я ощутил, что кто-то покусывает мне губы. Я взглянул на Ла Горду. Она не кусалась, но смотрела на меня и четко артикулируя, произносила свой приказ повернуть голову. Пока она говорила, я одновременно чувствовал, как она лижет мое лицо или кусает губы и щеки.

Лицо Ла Горды было как-то искажено. Оно выглядело большим и желтоватым. Я решил, что поскольку все вокруг было желтоватым, то и на ее лице отражалась эта желтизна. Я почти мог слышать, как она приказывает мне повернуть голову вокруг. В конце концов беспокойство, которое мне причиняло покусывание, заставило меня встряхнуть головой. Внезапно звук голоса Ла Горды стал ясно слышен. Она была позади и кричала мне, чтобы я повернул свое внимание вокруг. Это Роза лизала мне лицо. Я оттолкнул ее лбом. Роза плакала. Ее лицо было покрыто потом. Я слышал голос Ла Горды позади. Она сказала, что я опустошил их, борясь с ними, и что она не знает, что теперь надо сделать, чтобы уловить наше первоначальное внимание. Сестрички поскуливали.

Мои мысли были кристально ясными. Однако мой рациональный процесс не был дедуктивным. Я знал все быстро и непосредственно, причем в уме у меня не было никаких сомнений. Например, я немедленно знал, что должен снова заснуть и что это заставит нас опуститься вниз. Но также я знал, что должен позволить им принести нас обратно к дому. В этом я был беспомощен. Если я и мог где-то сфокусировать свое второе внимание, то это могло произойти только на одном месте в Северной Мексике, которое дал мне дон Хуан. Я всегда был способен представить его в своем уме, как ничто другое в этом мире. Но я не решался воспроизвести это видение. Я знал, что там нам будет конец.

Я подумал, что надо рассказать Ла Горде то, что я знаю, но не мог говорить. Тем не менее, какая-то часть меня была уверена, что она поняла. Тогда я полностью вверился ей и за считанные секунды впал в сон. В своем сне я смотрел на кухню в их доме. Там были Паблито, Нестор и Бениньо. Они казались огромными и сияющими. Я не мог сфокусировать на них глаза, так как между нами был слой прозрачного пластичного материала. Потом я осознал, что это выглядело, как если бы я смотрел на них через оконное стекло, которое кто-то поливает водой. Наконец, стекло разбилось, и вода попала мне на лицо.

Паблито поливал меня водой из бадьи. Нестор и Бениньо стояли рядом. Ла Горда, сестрички и я лежали на земле позади дома. Хенарос обливали водой из бадьи нас всех.

Я вскочил на ноги. Либо вода, либо необычное переживание, через которое я только что прошел, придали мне бодрости.

Ла Горда и сестрички сменили одежду, которую Хенарос разложили на солнце. Моя одежда также была аккуратно сложена на земле. Я переоделся, не говоря ни слова. Я находился в своеобразном состоянии, которое, по-видимому, сопровождало фокусированию второго внимания. Говорить я не мог, или, пожалуй, мог, но мне этого вовсе не хотелось. Желудок был расстроен. Ла Горда, наверное, почувствовала это и мягко потянула меня на площадку в задней части загородки. Меня вырвало. Ла Горда и сестрички испытывали то же самое.

Я вернулся на кухонную площадку и умылся. Холодная вода почти привела меня в чувство. Паблито, Нестор и Бениньо сидели вокруг стола. Паблито принес свой стул. Он встал и пожал мне руку. Затем то же сделали Нестор и Бениньо. К нам присоединились Ла Горда и сестрички.

Кажется, со мной опять было что-то не в порядке. В ушах у меня стоял гул, кружилась голова. Хосефина схватилась за Розу, чтобы не упасть. Я повернулся к Ла Горде, собираясь спросить у нее, что делать. Лидия падала спиной на скамейку. Я подхватил ее, но увлекаемый весом ее тела упал вместе с ней.

Со мной, должно быть, случился обморок. Внезапно я очнулся. Я лежал на соломенном мате в передней комнате. Лидия, Роза и Хосефина спали рядом со мной. Мне пришлось перелезть через них, чтобы встать. Я задел их, но они не проснулись. Я вышел на кухню. Ла Горда и Хенарос сидели за столом.

– Добро пожаловать обратно, – сказал Паблито.

Он добавил, что Ла Горда проснулась незадолго до меня. Я снова чувствовал себя прежним и был голоден. Ла Горда дала мне миску с едой. Она сказала, что они уже поели. После еды я почувствовал себя превосходно во всех отношениях, только вот не способен был думать так, как обычно. Мои мыслительные процессы совершенно замедлились. Мне понравилось такое состояние. Тут я заметил, что было уже далеко за полдень. У меня возникло побуждение встать и бежать на месте лицом к солнцу, как меня обычно заставлял делать дон Хуан. Я встал и Ла Горда присоединилась ко мне. Кажется, у нее возникла та же идея одновременно со мной. Это движение заставило меня вспотеть. Я скоро начал задыхаться и вернулся к столу. Ла Горда последовала за мной. Мы сели. Хенарос главели на нас. Ла Горда вручила мне блокнот.

– Нагуаль собирается здесь погибнуть, – сказала она.

В момент, когда она говорила, я испытал очень своеобразное чувство. На меня лавиной хлынули мои прежние мысли. Это, должно быть, стало заметно по моему лицу, потому что Паблито обнял меня и то же самое сделали Нестор и Бениньо.

– Нагуаль собирается жить! – громко сказал Паблито.

Ла Горда, казалось, тоже обрадовалась. Она жестом облегчения провела по лбу. Она сказала, что я чуть не убил себя и их из-за своей ужасной склонности к индугированию.

– Фокусировать второе внимание – не шутка, – сказал Нестор.

– Что с нами случилось, Горда? – спросил я.

– Мы потерялись, – сказала она, – Ты начал indulgировать в своем страхе и мы потерялись в той безбрежности. Мы больше не могли фокусировать свое внимание тоналя. Но мы успешно связали свое второе внимание с твоим, и теперь у тебя два лица.

В этот момент на кухню вошли Лидия, Хосефина и Роза. Они улыбались и казались такими же свежими и бодрыми, как и всегда. Они взяли себе еды, и пока они ели, никто не произнес ни слова. Когда все поели, Ла Горда продолжила говорить с того места, на котором остановилась.

– Теперь ты – воин с двумя лицами, – продолжала она, – Нагуаль сказал, что все мы должны иметь два лица, чтобы хорошо действовать в двух вниманиях. Он и Хенаро помогли нам собрать наше второе внимание и повернули нас вокруг, так, чтобы мы могли быть обращены лицом в двух направлениях. Но тебе они не оказали такой помощи. Чтобы стать настоящим Нагуалем, ты должен был сам утвердить свою силу. Тебе еще далеко до этого, но позволь сказать, что теперь ты уже не ползаешь, а ходишь прямо, а когда ты восстановишь свою полноту и потеряешь форму, ты будешь парить.

Бениньо сделал жест рукой, имитируя летящий самолет и подражая реву двигателя своим гудящим голосом. Звук был поистине оглушительный.

Все засмеялись. Сестрички, казалось, были в восторге.

До этого момента я не осознавал, что уже далеко за полдень. Я сказал Ла Горде, что мы, должно быть, проспали несколько часов, потому что вошли в их комнату перед полуднем.

Она сказала, что мы спали совсем недолго, а большую часть времени были затеряны в другом мире и что Хенарос были по-настоящему испуганы и подавлены, потому что ничего не могли сделать, чтобы вернуть нас.

Я повернулся к Нестору и спросил его, что они в действительности делали и видели, когда мы отсутствовали. Прежде чем ответить, он внимательно посмотрел на меня.

– Мы принесли много воды во двор, – сказал он, указывая на пустые бочки из-под масла, – Затем вы все притащились сюда и мы вылили воду на вас, вот и все.

– Мы вышли из комнаты? – спросил я.

Бениньо громко засмеялся. Нестор взглянул на Ла Горду, словно спрашивая ее разрешения или совета.

– Мы вышли из комнаты? – спросила Ла Горда.

– Нет, – ответил Нестор.

Мне показалось, что Ла Горда жаждала узнать это не меньше меня, и я сильно встревожился. Она даже уговаривала Нестора рассказывать.

– Вы пришли из ниоткуда, – сказал Нестор, – Я должен сказать, что это выглядело пугающе. Все вы были похожи на туман. Паблито увидел вас первым. Вы, может быть, были во дворе очень долго, но мы не знали, где искать вас. Затем Паблито завопил, и мы увидели вас. Мы никогда не видели ничего подобного.

– Как мы выглядели? – спросил я.

Хенарос взглянули друг на друга. Наступило невыносимое молчание. Сестрички уставились на Нестора, разинув рты.

– Вы были похожи на клочья тумана, зацепившиеся за паутину, – сказал Нестор. – Когда мы вылили на вас воду, вы снова стали твердыми.

Я хотел, чтобы он продолжал рассказывать, но Ла Горда сказала, что осталось слишком мало времени, потому что я должен уехать в конце дня, а у нее есть еще что рассказать мне.

Хенарос встали и пожали руки сестричкам и Ла Горде. Они обняли меня и сказали, что им потребуется всего несколько дней, чтобы подготовиться к отъезду. Паблито положил свой стул в перевернутом виде на спину. Хосефина побежала на площадку

возле кухонной плиты, подняла сверток, принесенный ими из дома доньи Соледад, и закрепила его между ножками стула, который оказался идеальным приспособлением для переноски грузов.

– Поскольку ты идешь домой, ты можешь свободно взять это, – сказала она. – Это принадлежит тебе в любом случае.

Паблито пожал плечами и передвинул стул, чтобы уравновесить груз.

Нестор дал сигнал Бениньо взять сверток, но Паблито не позволил ему.

– Все в порядке, – сказал он. Я прекрасно могу быть в роли осла, пока я несу этот проклятый стул.

– Почему ты носишь его, Паблито? – просил я.

– Я должен копить свою силу, – сказал он, – Я не могу везде сидеть на чем попало. Кто знает, какая дрянь сидела там до меня?

Он захохотал и затряс плечами, заставив сверток закачаться.

После ухода Хенарос Ла Горда объяснила мне, что Паблито начал свое выкаблучивание со стулом, чтобы поддразнить Лидию. Он не хотел сидеть там, где сидела она. Но его заносит на поворотах, и так как ему нравится индальгировать, то теперь он везде сидит только на своем стуле.

– Он способен пронести его через всю жизнь, – сказала мне Лидия с большой уверенностью. – Он почти так же плох, как и ты. Он – твой партнер: ты будешь нести свой блокнот через всю жизнь, а он – свой стул. Какая здесь разница? Оба вы индальгируете больше чем любой из нас.

Сестрички окружили меня и засмеялись, хлопая меня по спине.

– Очень трудно войти во второе внимание, – продолжала Ла Горда, – а овладеть им индальгируя, как ты – еще труднее. Нагуаль говорил, что ты лучше всех нас должен знать, насколько это трудно.

С помощью его растений силы ты научился уходить в тот мир очень далеко. Вот почему сегодня ты тянул нас так сильно, что мы чуть не умерли. Мы хотели собрать наше второе внимание на месте Нагуалья, а ты погрузил нас в нечто такое, чего мы не знаем. Мы не готовы для этого, но не готов и ты.

Впрочем, ты ничего не можешь с собой поделаться: таким тебя сделали растения силы. Нагуаль прав – все мы должны помогать тебе и сдерживать твоё второе внимание, а ты должен помогать нам подталкивать наше. Твоё второе внимание может зайти очень далеко, но бесконтрольно; наше может пройти только маленький кусочек, но над ним мы имеем абсолютный контроль.

Ла Горда и сестрички одна за другой рассказали мне, каким пугающим был опыт потерянности в другом мире.

– Нагуаль рассказывал мне, – продолжала Ла Горда, – что когда ты собирал своё второе внимание с помощью его дыма, ты сфокусировал его на комаре, и этот маленький комар стал для тебя стражем другого мира.

Я сказал ей, что это правда. По её просьбе я описал им тот опыт, который дон Хуан дал мне испытать. С помощью его курительной смеси я воспринял комара как ужасное чудовище, высотой в сто футов, двигавшееся с громадной скоростью и ловкостью. Это создание было невероятно отвратительным, тем не менее в нём было впечатляющее величие.

И этот случай, и ряд других я не мог уложить в свою рациональную схему восприятия мира. Единственной опорой моему интеллекту была глубокая уверенность в способности психотропной смеси вызвать у меня галлюцинации относительно величины комара.

Я представил им, особенно Ла Горде, мое рациональное и причинно обусловленное объяснение того, что произошло тогда.

Они засмеялись.

– Не существует галлюцинаций, – сказала она. – Если кто-то неожиданно видит что-то такое, чего не было раньше, значит второе внимание человека собралось и он фокусирует его на чем-то. Так вот: собирать второе внимание человека может что угодно – это может быть спиртной напиток, наркотики, или, может быть, его сумасшествие, или, наконец, курительная смесь Нагуаля.

– Ты увидел комара, и он стал для тебя стражем другого мира. А знаешь, что такое тот другой мир? Тот другой мир – это мир нашего второго внимания. Нагуаль надеялся, что твое второе внимание будет достаточно сильным, чтобы пройти «стража» и войти в другой мир. Но оно не было сильным. Если бы оно было сильным, ты мог бы войти в тот мир и никогда не вернуться. Нагуаль сказал мне, что он приготовился следовать за тобой. Но страж не дал тебе пройти и почти убил тебя. Он вынужден был прекратить заставлять тебя фокусировать твое второе внимание с помощью его растений силы, потому что ты мог фокусироваться только на устрашающей стороне вещей. Вместо этого он заставил тебя делать сновидение, чтобы ты мог собрать свое второе внимание другим способом. Но он был уверен, что твое сновидение также будет ужасающим. С этим он ничего не мог поделать. Ты следовал по его стопам, а у него самого была ужасающая сторона. Какое-то время они молчали, как будто их всех затопили воспоминания.

Ла Горда вспомнила, что Нагуаль однажды показывал мне одно очень специфическое красное насекомое в горах его родины. Она спросила меня, помню ли я это.

Я помнил его. Несколько лет назад дон Хуан взял меня в неизвестную мне местность в горах северной Мексики. С крайней осторожностью он показал мне каких-то круглых насекомых размером с божью коровку. Их спинки были глянцево-красными. Я захотел опуститься на землю и рассмотреть их, но он не позволил. Он сказал, что я должен наблюдать их, не устремляя пристального взгляда до тех пор, пока я не запомню их форму. Он добавил, что я обязан помнить их всегда. Затем он объяснил мне некоторые замысловатые детали их поведения, причем это звучало у него как метафора. Он рассказал мне об условной значительности наших наиболее лелеемых обычаев. В подтверждение он указал на

некоторые обычаи этих насекомых и противопоставил их человеческим. Это сравнение сделало значимость наших убеждений смехотворной.

– Как раз перед тем, как он и Хенаро ушли, – сказала Ла Горда, – Нагуаль взял меня с собой на прогулку в то место в горах, где обитают эти жучки. Я уже была там однажды, и другие тоже. Нагуаль убедился, что все мы знаем эти маленькие создания, хотя он никогда не позволял нам пристально созерцать их.

– Когда я была там вместе с ним, он рассказал мне, что делать с тобой и что я должна сказать тебе. Я уже рассказала тебе почти все из того, что он попросил меня сообщить тебе, кроме этой последней вещи. Ты спрашиваешь у каждого: где Нагуаль и Хенаро. Сейчас я расскажу тебе, где они. Нагуаль сказал, что ты поймешь это лучше, чем любой из нас. Никто из нас никогда не видел «стража». Никто из нас никогда не был в том желтом серном мире, где он обитает. Ты единственный среди нас, кто испытал все это. Так вот, Нагуаль сказал, что он последовал за тобой в тот мир, когда ты сфокусировал свое второе внимание на страже. Он намеревался уйти туда вместе с тобой, может быть, навсегда, если бы ты был достаточно силен, чтобы пройти. Именно так он впервые узнал о мире тех маленьких красных букашек. Он сказал, что их мир был самой прекрасной и совершенной вещью, какую только можно вообразить. Поэтому, когда пришло время ему и Хенаро покинуть этот мир, они собрали все свое второе внимание и сфокусировали его на том мире. Затем Нагуаль открыл трещину, как ты сам свидетельствовал, и они проскользнули через нее в тот мир, чтобы мы присоединились к ним когда-нибудь. Нагуаль и Хенаро любили красоту. Они пошли туда ради своего чистого наслаждения.

Она взглянула на меня. Мне нечего было сказать. Она была права, говоря, что сила должна назначить точное время для откровений, чтобы они стали эффективными. Я ощущал муку, которую не мог выразить, как если бы мне хотелось плакать, хотя я не испытывал ни печали, ни грусти. Я страстно желал чего-то невыразимого, но эта тоска не была моей. Подобно многим ощущениям и чувствам, которые были у меня с момента приезда, она была чужда мне.

Мне пришли в голову утверждения Нестора об Элихио. Я пересказал Ла Горде то, что он говорил. Она попросила меня изложить им видения моего путешествия между тоналем и нагуалем, вызванные моим прыжком в пропасть. Когда я закончил, все они казались испуганными. Ла Горда немедленно отметила мое видение купола.

– Нагуаль сказал нам, что наше второе внимание когда-нибудь сфокусируется на этом куполе, – сказала она. – В тот день мы будем целиком вторым вниманием, точно так же, как Нагуаль и Хенаро, и в тот день мы присоединимся к ним.

– Ты имеешь в виду, Горда, что мы пойдем такими, каковы мы есть? – спросил я.

– Да, мы пойдем такими, каковы мы есть. Тело – это первое внимание, внимание тоналя. Когда оно становится вторым вниманием, оно просто входит в другой мир. Прыжок в пропасть на некоторое время собрал все твое второе внимание. Но Элихио был сильнее, и его второе внимание было зафиксировано этим прыжком. Вот что случилось с ним, а он был в точности такой же, как и все мы. Однако нет способа говорить о том, где он находится. Даже сам Нагуаль не знал. Но если он где-то и находится, то он в том куполе. Или отскакивает от одного видения к другому, может быть, на протяжении целой вечности.

Ла Горда сказала, что в своем путешествии между тоналем и нагуалем я в большем масштабе подтвердил возможность того, что все наше существо становится целиком вторым вниманием. В значительно меньших масштабах это происходило когда я сегодня довел их до затерянности в мире второго внимания, а также когда она транспортировала нас на полмили, чтобы удрать от союзников. Она добавила, что Нагуаль оставил нам в качестве вызова проблему: способны ли мы развить свою волю или силу своего второго внимания, чтобы без ограничений фокусироваться на чем угодно.

Мы некоторое время молчали. Кажется, мне было пора уезжать, но я никак не мог двинуться. Мысль о судьбе Элихио парализовала меня. Очутился ли он в куполе нашей встречи или

застрял в необъятности – образ его путешествия был сводящим с ума. Мне не составляло никакого труда представить это, потому что у меня был опыт моего собственного путешествия.

Другой мир, на который дон Хуан ссылался практически с момента нашей встречи, всегда был для меня метафорой, туманным способом названия некоторых искажений восприятия или, в лучшем случае, – способом говорить о неопределимых состояниях существования.

Хотя дон Хуан и заставил меня воспринимать неопишуемые черты мира, я не мог рассматривать мои опыты как нечто, стоящее по ту сторону игры моего восприятия, своего рода управляемого миража, который он ухитрился заставить меня испытать или посредством психотропных растений, или путем средств, которые я не мог рационально проследить. Каждый раз, когда это случалось, я заслонялся, как щитом мыслью, что единство «меня», которого я знал, было лишь временно вытеснено. Когда это единство восстанавливалось, мир неизбежно снова становился убежищем для моего неприкосновенного рационального «я». Размах, который Ла Горда открыла своими откровениями, был ужасающим.

Она встала, стащила меня со скамейки и сказала, что я должен уехать до наступления сумерек. Все они прошли вместе со мной к моей машине, и мы попрощались.

Ла Горда дала мне последнее указание. Она сказала, что когда я вернусь, я должен ехать прямо к дому Хенаро.

– Мы не хотим тебя видеть, пока ты не будешь знать, что делать, – сказала она с лучезарной улыбкой. Но не задерживайся слишком долго.

Сестрички кивнули.

– Эти горы вряд ли позволят нам надолго остаться здесь, – сказала она и легким движением подбородка указала на зловещие обветренные холмы по ту сторону долины.

Я задал ей еще один вопрос. Я хотел знать, знает ли она, куда Нагуаль и Хенаро могли уйти после того, как завершилась наша встреча. Посмотрев на небо, она подняла руки и сделала ими неопиcуемый жест, чтобы показать, что этой безбрежности нет предела.

